

ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ЧАСТЬ П.

Редакторъ *Θ. А. Кони.*

Изданіе книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПАТЕНТЪ

РАССКАЗЪ

И ВОДЪ БОРОВИЦКАЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюля 10 дня 1841 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ЧАСТЬ II

Санктпетербургъ

Изданіе въ типографіи А. П. Бородинъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1841

№

1841

4.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть вторая.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринять съ тою цѣлю, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполне знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себя слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльные піесы въ стихахъ и прозѣ, вѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевилы. Въ составъ этого отдѣленія входятъ піесы, *красивыя на сценѣ и неизранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* замѣншійшихъ русскихъ и иностранныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльные сцены—историческія* и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и рассказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавные куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библиографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декорации, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острія слова; каламбуры и театральные слухи.

X. Кроме того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться номеръ *Текущаго Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переведенныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя безпрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть издавъ вѣдуръ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: изъ *портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскерадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декораций, гравированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ, за границею или въ Россіи, и изъ музыки, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для форте-піано.*

Редакцію *Пантеона* завѣдуетъ Осдоръ Алексѣевичъ Коля.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, съ пересылкою по всей горада Россійской Имперіи и съ доставленіемъ на домъ въ С. Петербургъ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, книгопродавца *Полкова*, на *Невскомъ проспектѣ*, возлѣ Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгоановой; въ его же книжной лавкѣ въ *Гостивомъ Дворѣ*, по *Суконной линіи*, подлѣ № 17. Иногороднымъ особымъ благоволеніемъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель. С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

ДЕНЬГИ,

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ,

Эдуарда Литтона Больвера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. С. Горкавенко.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лордъ Глосморъ.

Сэръ Джонъ Визм, баронетъ.

Сэръ Фредерикъ Блаунтъ.

Стотъ.

Гревсъ.

Эвлинъ.

Долаи Смутъ, капитанъ.

Шарпъ.

Токъ.

Францъ, портной.

Табуретъ, обойщикъ.

Меконичъ, брвьялтщикъ.

Мекстукко, архитекторъ.

Кайтъ, продавецъ лошадей.

Кримсонъ, портретный живописецъ.

Гравъ, издатель.

Патентъ, каретникъ.

Члены крокфордскаго клуба.

Слуги.

Леди Фравкинъ, родственница сэръ Джона.

Кларъ.

Нѣсколько дамъ.

Дѣйствіе въ Лондонѣ, въ 1840 году.

ДЕНЬГИ,

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ЭДУАРДА ЛИТТОНА БОЛЬВЕРА.

ПЕРЕВОДЪ

А. С. ГОРЖАВЕНКО.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ залу сэръ Джова Визи. Въ глубинѣ дверь въ другую комнату; направо столъ съ газетами и книгами; налѣво письменный столъ.

СЦЕНА I.

Сэръ Джовъ Визи, Джоржина.

Сэръ Джонъ (читая письмо съ черной каймою). Да, овъ говоритъ — ровно въ два часа: «Любезный сэръ Джовъ, такъ какъ со времени смерти моей добродѣтельной Маріи» — Гм! то есть, его жены. Ова дѣлала изъ него страдальца, а теперь овъ дѣлаетъ изъ нея самую невинную.

Джоржина. Ну! такъ какъ со времени ея смерти?

Сэръ Джонъ (читая). «Я живу холостякомъ, и мнѣ не прилично приглашать къ себѣ дамъ, то позвольте привезти къ вамъ Н. Шарпа, нотаріуса, который прочтетъ вамъ завѣщаніе покойнаго мистера Мордоунта (котораго я исполнитель)... ваша дочь самая близкая его родственница; я буду къ вамъ ровно въ два часа... Генри Гревсъ.»

Джоржина. И вы точно увѣрены, что бѣдный мистеръ Мордоунтъ сдѣлалъ меня своей наслѣдницей?

Сэръ Джонъ. Да, богатѣйшей наслѣдницей Англіи. Можешь ли ты еще сомнѣваться? Не ты ли ближайшая его родственница? племянница по его сестрѣ, твоей бѣдной матери? Въ то время, какъ овъ наживалъ огромное богатство въ Индіи, не посылали ли мы ему часто бездѣлки, свидѣтельствовавшія о нашей безкорыстной привязанности? Во время его послѣдняго путешествія въ Англію, развѣ мой домъ не былъ его домомъ? Не страдалъ ли мой желудокъ отъ его проклятаго индійскаго *пилава*? Не курилъ ли овъ — негодный старикъ... я хочу сказать этотъ бѣдный добрякъ — въ моей лучшей залѣ? Не называла ли ты его всегда своимъ «красавцемъ дялюшкой!» Не даромъ этотъ превосходный человекъ былъ важенъ, какъ павлипъ.

Джоржина. И такъ безобразенъ...

Сэръ Джонъ. Добрый покойникъ! Увы! въ самомъ дѣлѣ, овъ похожъ былъ на кенгуру съ желтухою. И если, послѣ всѣхъ этихъ доказательствъ привязанности, не ты его наслѣдница... о! тогда самыя святѣйшія чувства, узы родства...

Джоржина. Превосходно, батюшка! Это именно фраза, кажется, из той рѣчи, которую вы произносили въ тавернѣ франкъ-масоновъ, по случаю важнаго вопроса трубочистовъ?

Сэръ Джонъ. Удивительная дѣвушка!.. какая память! Сяль, Джоржина. При этомъ счастливомъ... я хочу сказать—печальномъ случаѣ, мнѣ кажется, я могу сообщить тебѣ тайну. Видишь этотъ прекрасный домъ... нашихъ прекрасныхъ лакеевъ... наше прекрасное серебро... наши прекрасные обеды: всѣ думаютъ, что сэръ Джонъ Визи богатый человекъ.

Джоржина. А развѣ вы не богаты, батюшка?

Сэръ Джонъ. Вовсе нѣтъ! Все это обманъ, моя милая, одинъ обманъ. Иногда выдаютъ пискаря, чтобы поймать фюрель, и часто бросить одну гинею есть лучшее средство получить сто. Въ жизни два правила: 1-е, людей почитаютъ не за то, что они есть, но за то, чѣмъ они кажутся; 2-е, ежели самъ не имѣешь ни денегъ, ни достоинствъ, живи деньгами и достоинствами другихъ. Мой отецъ сдѣлался баронетомъ, служа въ арміи, и умеръ безъ копѣйки. Представляю его заслуги, я получилъ пенсіонъ въ четыреста фунтовъ стерлинговъ; благодаря четыремъстамъ фунтамъ стерлинговъ, я имѣлъ кредитъ на восемь сотъ; съ семьюстами я женился на твоей матери, у которой было десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; съ этими десяти тысячами я имѣлъ кредитъ на сорокъ тысячъ, и я платилъ три гинеи въ недѣлю Дикю Госсину чтобы онъ вездѣ разславлялъ меня, какъ скригу.

Джоржина. Фи, какое неприятное названіе!

Сэръ Джонъ. Да, но какая прекрасная репутація! Назвать человека скупымъ, все равно, что назвать его богатымъ, а когда человекъ прослыветъ за богатаго, онъ вездѣ имѣетъ всѣ. Этотъ всѣ доставилъ мнѣ кресла въ парламенте; я перемѣнилъ политическое мнѣніе, я уступилъ свое мѣсто министру, который такому человеку, какъ я, не могъ предложить взаимнѣ ничего иного, какъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода; вотъ средства успѣвать, мой

другъ. Обманъ... все обманъ, клянусь честью.

Джоржина. Я должна сказать, что вы...

Сэръ Джонъ. Что я знаю свѣтъ... о, конечно. Но что касается до твоего богатства, то трати все, что имѣю, мнѣ нечего будетъ тебѣ оставить. Между тѣмъ, тебя всегда считали богатой наслѣдницей, благодаря моему названію скриги. Для твоего воспитанія я точно также не жалѣю издержекъ, чтобы блеснуть. Я никогда не вбивалъ тебѣ въ голову исторіи и правочепій; но ты умѣешь рисовать, пѣть, тапцовать, ловко и непринужденно войти въ залу; точно такъ воспитываютъ теперь молодыхъ дѣвицъ высшаго круга, которыми гордятся родители, которыхъ благословляетъ мужъ... то есть, когда имъ удастся поймать его. Кстати объ мужѣ; мы думали о Фредерикѣ Блоунтѣ.

Джоржина. Ахъ, батюшка, онъ прелестный...

Сэръ Джонъ. Былъ, моя милая тогда, какъ мы еще не знали о смерти твоего бѣднаго дяди; но такая наслѣдница, какъ ты, можетъ вытти за герцога... Чортъ возьми, гдѣ же Эвлинъ?

Джоржина. Я не видѣла его, батюшка; какой странный характеръ... какой насмѣшливый умъ! и ослзко, онъ бываетъ любезенъ, когда захочетъ.

Сэръ Джонъ. Оригиналь, циникъ! Отъ него никогда не добьешься толку. Онъ мой секретарь, бѣдный cousin; у него вѣтъ ни шиллинга. Чтожь! онъ насъ держитъ въ какомъ-то отдаленіи...

Джоржина. Но зачѣмъ же вы держите его у себя, когда онъ ни къ чему не годенъ?

Сэръ Джонъ. Ты ошибаешься, милая; Эвлинъ имѣетъ не одинъ талантъ: онъ приготовляетъ мнѣ рѣчи, сочиняетъ мои брошюры, доврѣяетъ мои счета. Мой рапортъ о послѣднемъ порученіи былъ принятъ съ одобреніемъ и доставилъ мнѣ главное мѣсто въ новомъ порученіи. Къ тому же, Эвлинъ нашъ cousin... я не плачу ему жалованья. Благодаренія, оказываемыя бѣдному родственнику, всегда производятъ свое дѣйствіе въ свѣтъ, и благотворительность добродѣтель полезная,

особливо, когда она намъ ничего не стоитъ. Вотъ твоя кузина, Клара, совсѣмъ другое дѣло: ея отцу вздумалось слѣзать меня ея опекуномъ, хотя у него не было ни копѣйки... она была бы намъ въ тягость, и безъ всякой пользы. Вотъ я и убѣдилъ мою золовку, леди Франклинъ, заступить мое мѣсто.

Джоржина. Долго ли еще продолжится у насъ визитъ леди Франклинъ?

Сэръ Джонъ. Не знаю, моя милая; пусть она остается, какъ можно долѣе: мужъ оставилъ ей чудесное состояніе. Ахъ, вотъ она.

СЦЕНА II.

ЛЕДИ ФРАНКЛИНЪ, КЛАРА, СЭРЪ ДЖОНЪ,
ДЖОРЖИНА.

Сэръ Джонъ. Милая сестрица, мы только-что говорили о томъ, какъ вы добры и любезны... но что это значитъ? Вы не въ траурѣ!

Леди Франклинъ. Зачѣмъ мнѣ надѣвать трауръ по человѣкѣ, котораго я никогда не видѣла?

Сэръ Джонъ. Однако, можетъ быть его завѣщаніе касается и до васъ.

Леди Франклинъ. Въ такомъ случаѣ это новая причина, чтобъ не печалиться. Ахъ, любезный сэръ Джонъ, я изъ числа тѣхъ людей, которые безъ важныхъ причинъ не бываютъ чувствительны.

Сэръ Джонъ, (въ сторону). Глупая женщина... *(громко).* Но, Клара, я вижу, что вы болѣе заботитесь о desogum; и однако вы дальняя, очень дальняя родственница покойнаго... кузина, кажется, въ третьемъ колѣнѣ.

Клара. Мордоунтъ былъ когда-то полезенъ моему батюшкѣ, и это траурное платье есть единственное свидѣтельство моей благодарности, которое я могу ему дать.

Сэръ Джонъ (въ сторону). Благодарности! гмъ! я боюсь, чтобы эта жеманница не имѣла надеждъ.

Леди Франклинъ. Такъ мистеръ Гревсъ исполнитель завѣщанія; тотъ самый мистеръ Гревсъ, который ходитъ

весь въ черномъ, всегда жалуясь на свои несчастія, и оплакивая свою добродѣтельную супругу, которая дѣлала ему жизнь тягостною?

Сэръ Джонъ. Онъ самый... его ливрея черная... карета черная. Онъ ѣздитъ всегда на черной лошади; и мнѣ кажется, что ежели онъ вздумаетъ жениться, то изъ уваженія къ своей покойницѣ, возьметъ черную жену.

Леди Франклинъ. Ха, ха! увидимъ! *(въ сторону)* Вѣдвѣжка Гревсъ! я его всегда любила; онъ казался превосходнымъ мужемъ. *(Входитъ Эвлинъ; непримѣченный садится и беретъ книгу.)*

Сэръ Джонъ. Какую пропасть родни открываетъ намъ это завѣщаніе! Мистеръ Стотъ экономистъ, лордъ Глоссморъ...

Леди Франклинъ. Котораго дѣдъ былъ ростовщикомъ; потому-то онъ и показываетъ такое презрѣніе ко всему простому и плебейскому.

Сэръ Джонъ. Сэръ Фредерикъ Блоунтъ...

Леди Франклинъ. Сэръ Фредерикъ Блоунтъ, который отбрасываетъ букву Р, какъ слишкомъ рѣзкую, и никогда ея не произноситъ; одинъ изъ тѣхъ благоразумныхъ молодыхъ людей, которые, не имѣя ни здоровья, ни силы, чтобы поражать излишествами своихъ предковъ, ограничиваются женскою изнеженностью. Модникъ прошедшаго вѣка былъ наглъ и вѣтренъ: въ нашемъ вѣкѣ онъ тихъ и эгоистъ. Онъ никогда не сдѣлаетъ глупости, и никогда не скажетъ ничего умнаго! Вы извините меня, милая Джоржина, Фредерикъ одинъ изъ вашихъ обожателей, если онъ уже разсудилъ, что можетъ безопасно влюбиться въ вашу красоту и богатство. Вотъ также нашъ ученый кузень... Ахъ, г. Эвлинъ, вы здѣсь!

Сэръ Джонъ. Эвлинъ... мнѣ его - то и нужно. Гдѣ вы были цѣлый день? Видѣли ли вы бумаги? Сочинили ли вы мою эпитафію для бѣднаго Мордоунта: - по латыни, понимаешь? Поправили ли вы мою рѣчь? Узнали ли вы, что дѣлается на биржахъ... и перечинили ли - всѣ старья перья въ кабинетѣ?

Джоржина. И купили ли вы мнѣ чернаго атласу? Были ли вы у Сторра

за моихъ перстнемъ? И какъ, по печальнымъ обстоятельствамъ, намъ нельзя сегодня выходить, то были ли вы у Гукга за послѣдней карриатурой Г. Б. и комическимъ альманахомъ?

Леди Франклинъ. А узнали ли вы, что сдѣлалось съ моею гнѣдою лошадей? Достали ли вы мнѣ ложу въ оперъ? Купили ли вы ошейникъ для моей маленькой собачки?

Эвлинъ (продолжая читать). Конечно, въ этомъ случаѣ Пели правъ, потому-что посылая силлогизмъ... (*Поднимая голову.*) Сударыня, сэръ Джонъ, миссъ Визи — что вамъ угодно отъ меня?... Пели замѣчаетъ, что даже помогая бѣднымъ, недостатокъ нашихъ благодѣяній, мы причаемся къ добру... безъ извиненій... я весь къ вашимъ услугамъ.

Сэръ Джонъ. Вотъ онъ опять бредитъ.

Леди Франклинъ. Вы ему слишкомъ много позволяете, сэръ Джонъ.

Эвлинъ. Вы будете менѣе удивлены, сударыня, когда узнаете, что сэръ Джонъ мнѣ только это и позволяетъ... но теперь я хочу воспользоваться его благотворительностию.

Леди Франклинъ. Вы меня извините, сударь, но мнѣ нравится ваша откровенность. Сэръ Джонъ, мнѣ кажется, что и здѣсь лишняя, потому-что я знаю, что вы не хотите никому открывать своей благотворительности. (*Отходитъ въ сторону.*)

Эвлинъ. Сегодня я не могъ исполнить вашихъ порученій: я былъ у одной бѣдной женщины, которая была моей кормилицей и послѣднимъ другомъ моей матери... Она очень бѣдна, больва, при смерти, и должна за квартиру за шесть мѣсяцовъ.

Сэръ Джонъ. Вы знаете, что я былъ бы очень радъ что-нибудь сдѣлать для васъ, но кормилица... (*въ сторону*) Есть люди, у которыхъ всегда большыя кормилицы, но обманщиковъ такъ много.. Мы поговоримъ объ этомъ завтра. Этотъ печальный случай привлекаетъ все мое вниманіе... (*смотря на часы*) Ахъ, Боже мой! ужъ такъ позано; мнѣ надо писать письма, и нѣтъ ни одного очиненнаго пера! (*Уходитъ.*)

Джоржина, (вынимая кошелекъ.) Мнѣ кажется, что я предложу ему... а ежели я не получу наслѣдства... батюшка даетъ мнѣ такъ мало... а серьги мнѣ непремѣнно нужны. (*Снова прячетъ кошелекъ.*) Г. Эвлинъ, адресъ вашей кормилицы?

Эвлинъ, (пишетъ и отдаетъ ей.) У нея доброе сердце, не смотря на всѣ ея недостатки. Ахъ, миссъ Визи, еслибы эта бѣдная женщина не закрыла глазъ моей матери, Альфредъ Эвлинъ не былъ бы здѣсь въ зависимости вашего батюшки. (*Клара смотритъ адресъ черезъ плечо Эвлины.*)

Джоржина. Я пе оставлю этого такъ... (*въ сторону*) если буду наслѣдницей.

Сэръ Джонъ (за сценою.) Джоржина!

Джоржина. Иду, батюшка. (*Уходитъ; Эвлинъ снова садится къ столу на право, и закрываетъ лицо руками.*)

Клара. Его благородное сердце въ такомъ униженіи! Ахъ, по-крайней-мѣрѣ я могу помочь ему. (*Садится, чтобы писать.*) Но онъ узнаетъ мой почеркъ.

Леди Франклинъ. Что ты, хочешь платить, Клара? У тебя въ рукахъ банковый билетъ?

Клара. Тсс! Ахъ, Леди Франклинъ, вы лучшая изъ женщинъ! Дѣло идетъ объ одной бѣдной, которой я хочу помочь, такъ чтобъ она не знала; иначе она откажется. Не сдѣласте ли вы... нѣтъ... онъ также знаетъ ея почеркъ.

Леди Франклинъ. Сдѣлаю ли я? что? ты хочешь, чтобъ я сама отдала деньги? Съ удовольствіемъ. Бѣдная Клара! но тутъ вся твоя экономія... а я такъ богата.

Клара. Нѣтъ, я хочу сама все сдѣлать... Это гордость... обязанность... счастье... а у меня такъ мало счастья! Но тише! отойдемъ! (*Онѣ отходятъ въ уголъ и тихо разговариваютъ.*)

Эвлинъ. И такъ нужно нести до конца тягость моей жизни! Я честолюбивъ, а бѣдность приковываетъ меня къ землѣ. Я получилъ воспитаніе, а бѣдность дѣлаетъ меня работъ глупцовъ... Я люблю, а бѣдность, какъ призракъ, заслоняетъ для меня алтарь! Нѣтъ, нѣтъ... Если, какъ я думаю, мнѣ платятъ за доб-

ро зломъ... я хочу... Ну, что же?... пить опиумъ и мечтать объ эдемѣ, который, быть можетъ, навсегда для меня запертъ!

Леди Франклинъ (Кларъ). Хорошо, я заставлю мою горничную написать адресъ. Она пишетъ хорошо, и ея руки не узнаютъ. Я тотчасъ прикажу... *(Уходитъ. Клара подходитъ къ авансценѣ и садится. Эвлинъ читаетъ; входитъ сэръ Фредерикъ Блоунтъ.)*

СЦЕНА III.

КЛАРА, ЭВЛИНЪ, СЭРЪ ФРЕДЕРИКЪ БЛОУНТЪ (*).

Блоунтъ. Никого нѣтъ въ залѣ! О! миссъ Дугласъ! прошу васъ, не безпокойтесь! Гдѣ миссъ Визи, Джоржина? *(Беретъ стулъ Клары, которая встаетъ.)*

Эвлинъ (взглядываетъ, подаетъ Кларѣ стулъ, садится снова, и говоритъ съ сторону.) Дерзкій бездѣльникъ!

Клара. Не сказать ли ей, что вы здѣсь, сэръ Фредерикъ?

Блоунтъ. Нѣтъ, ни за что въ свѣтъ. А вѣдь моя кузина, Джоржина, хорошенка!

Клара (Эвлину.) Что, cousin, понравилась ли вамъ вчера панорама?

Эвлинъ (читая громко.)

Терпѣть я не могу быть съ франтами—глупцами, съ пустыми фразами, съ пустыми головами.

Вотъ прекрасные стихи!

Блоунтъ. Милостивый Государь!

Эвлинъ. Неправда ли?... Вѣдь это Коупера? *(подаетъ ему книгу.)*

Блоунтъ (не взявъ книги.) Коупера.

Эвлинъ. Коупера.

Блоунтъ (Кларѣ, пожимая плечами). Какой оригиналъ этотъ г. Эвлинъ! Въ самомъ дѣлѣ, панорама не дастъ вамъ никакого понятія объ Неаполѣ! Какая чудесная страна! Я поставилъ себя

за правило ѣздить туда каждые два года. Я безъ ума отъ путешествій! Вамъ нравится Римъ? дрянные трактиры, но чудесная вина. Страсть къ путешествіямъ теперь общая.

Эвлинъ (читая.)

Какъ часто глупый враль, обгавъ свѣтъ кругомъ,
Гордится передъ тѣмъ, кто съ свѣтомъ незнакомъ.

Блоунтъ (съ сторону.) Этотъ Коуперъ говоритъ престранные вещи! А, ба! для меня слишкомъ низко искать ссоры. *(Громко.)* Я думаю, чтеніе завѣщанія не будетъ продолжительво. Бѣдный старикъ Мордоунтъ!... Я ближайшій его родственникъ въ мужскомъ колѣнѣ. Онъ былъ большой оригиналъ. Кстати, миссъ Дугласъ, — замѣтили вы мой кабриолетъ! Я ввожу въ моду кабриолеты, и почти себя очень счастливымъ, если вы позволите мнѣ предложить его къ вашимъ услугамъ; право, это доставить мнѣ величайшее удовольствіе, клянусь честью. *(Старается взять ее за руку.)*

Эвлинъ (вдругъ вставая). Оса! оса садится. Берегитесь осы, миссъ Дугласъ!

Блоунтъ. Оса! гдѣ?... не гоните ея ко мнѣ, я имѣю особенное отвращеніе къ осамъ; ихъ жало ужасно.

Эвлинъ. Извините, это комаръ.

Слуга (входя.) Сэръ Джонъ проситъ васъ пожаловать къ нему въ кабинетъ, сэръ Фредерикъ.

Блоунтъ. Хорошо. Право, есть какая-то прелесть, что-то особенное въ этой дѣвушкѣ. Конечно, я люблю Джоржину; но если бы эта могла чувствовать ко мнѣ... *(съ задумчивымъ видомъ)* Право это было бы не худо! До свиданія! *(Уходитъ.)*

СЦЕНА IV.

ЭВЛИНЪ, КЛАРА.

Эвлинъ. Клара!

Клара. Что, cousin?

Эвлинъ. И вы, и вы также въ зависимости!

(*). Читатель долженъ замѣтить, что Блоунтъ никогда не произноситъ буквы Р.

Клара. Да; но я завишу отъ леди Фрэнклинъ, которая старается заставить меня позабыть это.

Эвлинъ. Но забудетъ ли это свѣтъ? И эта дерзкая синеходительность, это глупое удивленіе еще горче презрительной пастышки! Ахъ! украсьте красоту бриллиантами и кашемиромъ... подарите добродѣтели карету... дайте лакеевъ ихъ прихотямъ, оградите ихъ золотой рѣшеткой, тогда добродѣтель и красота будутъ божествами и припца к крестьянцамъ. Отнимите же у нихъ все это: оставьте красоту и добродѣтель въ бѣдности, на произволъ состраданія, одинокими, безъ защитниковъ—о, тогда все перемѣняется. Та же толпа окружаетъ ихъ, та же толпа глупцовъ, бездушныхъ волкитъ, но не для того, чтобы поклоняться богинѣ, а чтобы заклатъ жертву.

Клара. О, вы жестоки.

Эвлинъ. Простите меня. Когда сердце чловѣка лучшее его богатство, какая горечь отравляетъ даже его привязанности! Я пересталъ унижать себя въ своемъ мнѣніи. Теперь я чувствую одну иронию тамъ, гдѣ прежде дрожалъ отъ гнѣва. Но видѣть васъ, васъ, жертвою гордости глупца это слишкомъ, и я понимаю всю мнительность бѣдняка, которому гордость даетъ защиту для собственнаго сердца, по у котораго нѣтъ щита для другихъ.

Клара. Но у меня также есть своя гордость... я также могу смѣяться дерзости глупца.

Эвлинъ. Смѣяться! А—онъ бралъ вашу руку. Ахъ, Клара, вы не достигаете, какія мученія я терплю каждую минуту. Когда другіе кромѣ меня подходятъ къ вамъ, когда я вижу васъ между молодыми, богатыми, блестящими любимцами свѣта, я обвиняю васъ въ самой красотѣ вашей... Мое сердце раздирается при каждой улыбкѣ, которою вы дарите ихъ. Нѣтъ, не говорите мнѣ ничего! Я пересталъ молчать, и вы услышите все до конца. Для васъ я терпѣлъ рабство здѣсь въ домѣ, насмѣшки глупца, иронию паемника. Я бы довольствовался своими трудами, которые повели бы меня къ благороднѣйшей цѣли. Да, васъ видѣть, слышать васъ, дышать одинымъ воздухомъ съ

вами, быть всегда возлѣ васъ, чтобы если кто-нибудь дурно обойдется съ вами, вы могли бы найти самое ижажное и почтительное вниманіе... Вотъ для чего я жилъ здѣсь, для чего я столько страдалъ и столько перенесъ. Ахъ, Клара, мы оба сироты, оба безъ друзей. Вы для меня все на свѣтѣ. Не отворачивайтесь... моя любовь шепчетъ мнѣ послѣднія слова: я люблю васъ.

Клара. Нѣтъ, Эвлинъ, Альфрель, нѣтъ; не говорите такъ. Отрекийтесь отъ своихъ словъ—это безуміе.

Эвлинъ. Безуміе! Нѣтъ, выслушайте меня еще; я бѣденъ, безъ копѣйки; я принужденъ вымалывать кусокъ хлѣба для умирающей кормилицы. Это правда; по у меня желѣзное сердце, я не безъ способностей, у меня есть терпѣніе, споровье, и любовь къ вамъ пробудить во мнѣ честолюбіе. Я сдѣлалъ игрушку изъ моего мужества, потому что презиралъ все, прежде нежели началъ любить васъ. Но когда я долженъ буду трудиться для васъ, когда я долженъ буду усыпать цвѣтами путь вашей жизни... О, вѣрьте мнѣ! Альфрель, бѣдный Альфрель можетъ обещать вамъ списать для васъ и славу и богатство. Не отнимайте вашей руки. Неужели эта рука не будетъ моею?

Клара. Ахъ, Эвлинъ, никогда! никогда!

Эвлинъ. Никогда?

Клара (печально). Забудьте это; союзъ для насъ невозможенъ, и говорить о любви, значитъ обманывать и себя, и меня.

Эвлинъ. Потому что я бѣденъ.

Клара. И мнѣ, бѣдой какъ и вы, вытти замужъ, и влечить жизнь, полную лишений, и нищеты; каждый день дрожа отъ томъ, что будетъ завтра! Я видѣла много такихъ браковъ; не говорите же мнѣ болѣе объ этомъ.

Эвлинъ. Я повинуюсь вамъ. Я обманывалъ самаго себя. Ахъ! мнѣ казалось, что я любимъ... я, котораго юность почти увяла среди заботъ и пужды, котораго характеръ огрубѣлъ... котораго никто не можетъ любить... который бы никогда не долженъ любить.

Клара (въ сторону.) Ахъ! если бы только я одна должна была страдать, од-

на переносить нищету!... Что отвѣчать...
Эвлинъ!

Эвлинъ. Что, сударыня?

Клара. Альфредъ, я... я...

Эвлинъ. Отвергаете меня?

Клара. Да, все конечно. (*Уходитъ.*)

Эвлинъ. Что подумать! Еще вчера рука ея дрожала въ моей рукѣ, и не прижимала ли она къ губамъ своимъ розу, которую я подарилъ ей, когда ей казалось, что на нее никто не смотритъ? Нѣтъ, то была сътъ, обманъ кокетки; потому что тогда я былъ бѣденъ какъ и сегодня. Надо мной станутъ смѣяться. Полно, ободримся! Презрѣшіе кокетки можетъ узантъ только слабое сердце. Теперь, когда у меня нѣтъ болѣе привязанности, свѣтъ кажется мнѣ шашечнымъ столомъ, на которомъ я стану играть съ фортуною. (*Входитъ лордъ Глоссморъ и передъ нимъ лакей, который говоритъ:*)

Я доложу сэръ Джону, лордъ. (*Эвлинъ беретъ журналъ.*)

Глоссморъ. Секретарь! Гмъ! прекрасная погода, сударь. Есть ли какія нибудь новости на востокѣ!

Эвлинъ. Да, всѣ умные люди туда отправились.

Глоссморъ. Ха! ха! Нѣтъ, не всѣ, потому что вотъ мистеръ Стотъ, великій эконоmistъ.

==

СЦЕНА V.

Стотъ, Глоссморъ, Эвлинъ.

Стотъ. Здравствуйте, Глоссморъ.

Глоссморъ. Глоссморъ... выскокбал!

Стотъ. Я боялся опоздать. Меня задержали въ приколскомъ правленіи. Удивительно, какъ въ Англіи глупы бѣдные! Я потерялъ цѣлый часъ, чтобы растолковать одной глупой старухѣ съ левятью ребятишками, что было бы противу всѣхъ правилъ общественной нравственности—давать ей по три шиллинга въ недѣлю.

Эвлинъ. Превосходно, удивительно! Дайте мнѣ вашу руку, сударь.

Глоссморъ. Какъ! вы одобряете та-

нія правила, г. Эвлинъ? Неужели старухи должны умирать съ голоду!

Эвлинъ. Умирать съ голоду! Пустяки! Замѣтите, милордъ, что давать деньги тѣмъ, которые умираютъ съ голоду, значить потакать этому роду смерти.

Стотъ. Вотъ превосходный умъ!

Глоссморъ. Ужасныя правила! Да здравствуетъ старина, когда богатые вѣняли себя въ обязанность помогать бѣднымъ!

Эвлинъ. Конечно, въ некоторомъ отношеніи, вы правы, милордъ. Я самъ знаю одну бѣдную женщину, больную, на смертномъ одрѣ. Оставить ли ее погибнуть?

Глоссморъ. Погибнуть! о ужасъ! въ христіанской землѣ—погибнуть! Боже сохрани!...

Эвлинъ (проткнувъ руку). Чѣмъ вы хотите помочь ей, милордъ?

Глоссморъ. Что-съ?... Это дѣло ея прихода.

Стотъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!

Глоссморъ. Нѣтъ! нѣтъ! но я,—я говорю да! да! И если приходъ отказывается помогать бѣднымъ, то человѣку твердому и рѣшительному, какъ я, съ мовими правилами, и моею привязанностью къ обычаямъ нашихъ предковъ, остается предоставить бѣдныхъ приходу, а самому не дать имъ ни копейки.

==

СЦЕНА VI.

Сэръ Джонъ Вэнъ, Блоунтъ, леди Фрэнклинъ, Джоржина, лордъ Глоссморъ, Стотъ, Эвлинъ.

Сэръ Джонъ. Какъ вы поживаете? Ахъ, какъ ваше здоровье, господа? Печальное обстоятельство соединяетъ насъ! Бѣдный покойникъ! какой онъ былъ человекъ!

Блоунтъ. Меня въ честь его назвали Фредерикомъ. Онъ мнѣ былъ двоюроднымъ дядей.

Сэръ Джонъ. Джоржина самая близкая его родственница. Превосходный, хотя страшный человекъ! Доброе, простое

сердце! Я два раза въ годъ посылаю ему тридцать бутылокъ чедьтенемской воды. Въ такихъ обстоятельствахъ пріятно вспоминать объ этихъ маленькихъ услугахъ.

Стотъ. А я аккуратно посылаю ему парламентскія пренія въ сафьянномъ переплетѣ. Онъ былъ близкій родственникъ моему двоюродному брату. Человѣкъ разсудительный, онъ никогда не хотѣлъ жевиться, чтобы не увеличить избытка народонаселенія, и не раздробить своего богатства, оставя его множеству дѣтей. И теперь...

Эвлингъ. Онъ видитъ счастье холостяка въ благодарности своихъ двоюродныхъ племянниковъ.

Леди Франклинъ (смыкаетъ). Ха! ха! ха!

Сэръ Джонъ. Тсс! Приличія, леди Франклинъ, приличія!

Слуга (входитъ и докладываетъ). Г. Гревсъ, г. Шарпъ!

Сэръ Джонъ. А! вотъ мистеръ Гревсъ. Вотъ мистеръ Шарпъ, вотаріусъ; онъ привезъ калькутское завѣщаніе.

СЦЕНА VII.

Тяже; Гревсъ, Шарпъ.

Сэръ Джонъ, Глоссморъ, Блоунтъ и Стотъ (кричатъ хоромъ) Ахъ! господи! ахъ, господи! Гревсъ. (*Джорджина закрываетъ платкомъ глаза*).

Сэръ Джонъ. Печальное собраніе!

Гревсъ. Конечно; но въ жизни все печально. Не плачьте, миссъ Визи. Правда, вы потеряли дядю; но я, я потерялъ... жену... и какую жену! первую изъ своего пола... и двоюродную сестру покойнаго. Извините меня, сэръ Джонъ; при видѣ вашего траура, раскрываются мои раны. (*Слуги подають вино и закуску*).

Сэръ Джонъ. Неудобно ли чего нибудь... ставанъ вина?

Гревсъ. Благодарю васъ... превосходный хересъ! Ахъ, моя бѣдная Марія! хересъ былъ ея любимымъ виномъ; все напоминаетъ мнѣ Марію. Ахъ! леди Франк-

линъ, вы знали ее! для меня въ жизни нѣтъ болѣе радостей. (*Въ сторону*) Правда, леди Франклинъ еще очень хороша собою!

Сэръ Джонъ. Теперь, къ дѣлу. Эвлингъ, вы можете удалиться.

Шарпъ (смотря на свои бумаги). Эвлингъ... Это не родственникъ ли Альфреда Эвлинга?

Эвлингъ. Онъ самый.

Шарпъ. Племянникъ покойнаго въ седьмомъ колѣнѣ. Садитесь, сударь... вы также имѣете право. Вся родственики, даже самые дальніе, должны быть налицо.

Леди Франклинъ. Въ такомъ случаѣ, Клара также родственница... я пойду за нею. (*Уходитъ*).

Джорджина. Ахъ! г. Эвлингъ, я вадѣюсь, что вы также не забыты... быть можетъ, вамъ достанется вѣсколко сотень гиней, быть можетъ и болѣе.

Сэръ Джонъ. Тише, тише, молчать, слушайте! (*Между тѣмъ какъ нотариусъ открываетъ завѣщаніе, леди Франклинъ возвращается съ Кларою*).

Шарпъ. Завѣщаніе очень коротко... все, что оставляетъ покойный есть его собственность. Онъ шель прямо къ цѣли.

Сэръ Джонъ. Я бы желалъ, чтобы многие на него походили (*Тяжело вздыхаетъ и опускаетъ голову; другіе родственники дѣлаютъ тоже*).

Шарпъ (читая). «Я нижеподписавшійся, Фридерикъ-Джемсъ - Мордоувъ изъ Калькутты, будучи здоровъ умомъ, хотя боленъ тѣломъ, даю и завѣщаю, по собственной волѣ: 1-е моему двоюродному брату, Веніамину Стоту въ Лопдовѣ... (*всѣ показываютъ живѣе вниманіе*) вмѣсто *Парламентскихъ Преній*, который ему угодно было присылать мнѣ вѣсколко времени, съ вычетомъ за пересылку, за которую онъ всегда забывалъ платить, 14 фунтовъ 2 шиллинга 4 пенса (*).

Стотъ. Сколько вы сказали? четырнадцать фунтовъ? Чортъ возми! старый свряга!

(*) 353 рубли.

Сэръ Джонъ. Приличія! приличія! Продолжайте, сударь.

Шарль. «Item. Сэру Фредерикъ Блоунту, баронету, моему ближайшему родственнику съ мужской стороны... (Волненіе всѣхъ присутствующихъ)»

Блоунтъ. Бѣдняжка! (Джоржинна облагоукачивается на кресло Блоунта.)

Шарль. «Который, какъ мнѣ сказывали, самый молодой молодой человекъ въ Лондонѣ, во уваженіе этого единственнаго его достоинства 500 фунт. стерлинговъ (*) на туалетный ящикъ». (Джоржинна, по знаку отца, снимаетъ руку съ кресла Блоунта.)

Блоунтъ (смильсь въ смущеніи.) Ха! ха! жалкая эпиграмма; самого дурнаго тона.

Сэръ Джонъ. Молчите, прошу васъ.

Шарль. «Item. Лорду Чарльзу Глоссмору, который выдаетъ себя за моего родственника, мою коллекцію бабочекъ и генеалогію Мордоунтовъ, отъ царствованія короля Іоанна.

Глоссморъ. Бабочки! генеалогія!... Проклятый плебей!

Сэръ Джонъ (съ досадою.) Право, это ужъ слишкомъ! Приличія... продолжайте.

Шарль. Item. Сэръ Джону Визи, баронету, кавалеру ордена Гвельфа, члену королевскаго общества и общества наукъ, и пр.»

Сэръ Джонъ. Что? вотъ что интересно.

Шарль. «Который былъ женатъ на моей сестрѣ и каждый годъ присылалъ мнѣ чельтевемскую воду, ускорившую мою смерть, я завѣщаю пустыя бутылки».

Сэръ Джонъ. Какъ! неблагодарный, недодый старикъ!

Всѣ. Приличія, сэръ Джонъ, приличія.

Шарль. «Item. Геври Гревсу...»

Гревсъ. Ба! господа, мое обыкновенное счастье... я готовъ божиться, въ колечка.

Шарль. «5000 фунтовъ стерлинговъ (**) по три на сто.

Леди Франклинъ. Поздравляю васъ.

Гревсъ. Поздравляете... Ба! три на сто! они упадаютъ. Ежели бы это была земля... хоть одна десятинка...

Шарль. Item. Моей племянницѣ Джоржинѣ Визи...»

Сэръ Джонъ. А, ваковецъ!

Шарль. «10,000 фунтовъ стерлинговъ (*) съ капитала Остъ-Индской-Компаніи, что съ состояніемъ ея отца, достаточно для богатства женщины.»

Сэръ Джонъ. Что же старый дуракъ дѣлаетъ со всеми своими деньгами?

Всѣ. Право, сэръ Джонъ, это ужъ слишкомъ! Приличія! штъ!...

Шарль. «И за исключеніемъ вышеупомянутыхъ завѣщаній, я даю и завѣщаю все мое богатство, въ оборотахъ въ Остъ-Индской - Компаніи, банковыми билетами;—моему наследнику Альфреду Эвлину, бывшему въ коллегіи Троицы, въ Кембриджъ... (Общее изумленіе)» который, какъ говорили мнѣ, такой же оригиналъ какъ я, и одинъ изъ всѣхъ родственниковъ никогда не льстилъ мнѣ; овъ, узнавъ бѣдность, будетъ умнѣе лучше пользоваться богатствомъ». И теперь, господинъ Альфредъ Эвлинъ, мнѣ остается поздравить васъ, и вручить вамъ это письмо покойнаго, которое кажется мнѣ очень важнымъ.

Эвлинъ (идя къ Кларѣ.) Ахъ, Клара, еслибъ вы меня любили!

Клара (отвращая глаза.) Богатство, болѣе нежели бѣдность, навсегда разлучаетъ насъ. (Всѣ окружаютъ Эвлина съ поздравленіями.)

Сэръ Джонъ (Джоржиннѣ.) Ну, дочь моя, вужно умѣть изворачиваться... это прекрасная партія. (Эвлину) Поздравляю васъ, любезный другъ... вы теперь великій, очень великій человекъ!

Эвлинъ (въ сторону.) Одна она молчитъ.

Лордъ Глоссморъ. Если я могу быть вамъ въ чемъ нибудь полезнымъ...

Стотъ. Или я, сударь.

Блоунтъ. Или я. Не представитъ ли васъ въ клубъ?

Шарль. Вамъ нуженъ будстъ дѣловой человекъ... и всегда хлопотать для г. Мордоунта.

(*) 12,500 рублей.

(**) 125,000 рублей.

(*) 250,000 рублей.

Сэр Джонъ. Позвольте! позвольте!
Г. Эвливъ здѣсь у себя... я всегда обхо-
дился съ нимъ какъ съ сыномъ... мы го-
тovy сдѣлать для него все на свѣтѣ!

Эвливъ. Одолжите мнѣ десять фунтовъ
стерлинговъ для моей старой кормилицы.
Всѣ опускаютъ руки въ карманъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пріемная комната новаго дома Эвлива. Въ углу, за ширмами, г. Шарль сидитъ у стола и пишетъ; передъ нимъ книги и бумаги; художники, купцы, слуги и проч.

СЦЕНА I.

Патентъ (каретникъ, показываетъ рисунокъ Францу, портному). Да, сударь, это vis-à-vis Эвлива; никто столько не въ модѣ, какъ г. Эвливъ; деньги дѣлаютъ человека, сударь.

Французъ. Но только портной дѣлаетъ джентльмена: только я, мистеръ Францъ, изъ Севтъ-Джемса, моими мѣрками и сукномъ дѣлаю вамъ красивыхъ господъ, которыхъ батюшки и матушки произвели на свѣтъ драввыми, нагими ребятишками.

Мекстукко (архитекторъ.) Г. Эвливъ человекъ со вкусомъ; онъ думаетъ купить виллу, ярочко для того, чтобъ ее сломать и перестроить. Ахъ! мистеръ Мекфинчъ, у васъ тамъ рисунокъ какой-то серебрявой штуки?

Мекфинчъ (золотыхъ дѣлъ мастеръ.) Да, сударь; щитъ Александра Велпкаго, чтобъ ставить на него мороженое и лимонадъ; это будетъ стоить двѣ тысячи гиней.

Мекстукко. О, это очень дешево... Вы шотландецъ, не такъ ли!...

Мекфинчъ. Изъ графства Эбердинъ. *(Въ глубинѣ отворяютъ дверь, входитъ Эвливъ.)*

Эвливъ. Вѣчно здѣсь собраніе! Здравствуйте. А, Табуретъ, это твои рисунки для обоевъ; очень хороши... Что вамъ угодно, г. Кримсонъ?

Кримсонъ. Еслибы вы позволили мнѣ спятъ вашъ портретъ... это составило

бы мое богатство. Всѣ говорятъ, что вы первый судья въ живописи.

Эвливъ. Въ живописи! Точно ли вы увѣрены; что я судья въ живописи?

Кримсонъ. Ахъ! развѣ вы не купили великаго Корреджіо за 4000 фунтовъ стерлинговъ?

Эвливъ. Правда... я вижу, въ чемъ дѣло. И такъ, 4000 фунтовъ стерлинговъ дѣлаютъ изъ меня превосходнаго судью въ живописи... Я пріяду къ вамъ, господинъ Кримсонъ. Здравствуйте... г. Грабъ... Ахъ! вѣдь вы тотъ самый книгопродавецъ, который отказалъ мнѣ въ 5 фунтахъ стерлинговъ за мою поэму. Вы были правы: она прескверная.

Грабъ. Скверная! господинъ Эвливъ, — она превосходна! но тогда времена были плохи.

Эвливъ. Плохи для меня.

Грабъ. Но теперь, ежели вамъ угодно будетъ отдать мнѣ ее, я пушу ее въ ходъ. Я издаю только поэмы большаго свѣта, сударь, — человекъ вашего званія... Пятьсотъ гиней за поэму, сударь!

Эвливъ. Пятьсотъ гиней, когда мнѣ итъ въ нихъ никакой нужды, а прежде пять гиней казались бы мнѣ богатствомъ.

Едва я сталъ богатъ, — и въ свѣтѣ всѣ согласны,
Что все въ моихъ стихахъ: — и умъ, и слогу прекрасны.

Кайтъ. Тридцать молодыхъ лошадей изъ Юркшейра, сударь!

Патентъ, (показывая рисунокъ.) Vis-à-vis Эвлипа!

Мекфинчъ, (показывая рисунокъ.) Подвось Эвлипа!

Францъ (съ достоинствомъ, стирывая пакетъ.) Суларь, я принесъ плащъ, плащъ великаго Эвлипа!

Эвлипъ. О! ступайте къ... то есть, ступайте домой. Дѣлайте меня такимъ же судьей въ серебрѣ, мебели и плащахъ, какимъ меня сдѣлали въ живописи, и какимъ скоро я буду въ поэзіи. Я полагаюсь на васъ... Ступайте... *(Обойщикъ, каретникъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и другіе, уходятъ.—Входитъ Стотъ.)*

Эвлипъ. Вы чѣмъ — то обезпкоены.

Стотъ. Я слышалъ, что вы купили большое помѣстье въ Гроджинголь.

Эвлипъ. Да, Шарпъ говоритъ, что это славная покупка.

Стотъ. Ну! мой пріятель Гопкинсъ, членъ палаты депутатовъ, представитель Гроджинголя, проживетъ не болѣе мѣсяца... но выгоды общества запрещаютъ сожалѣть объ одномъ. Патріотъ Попкинсъ хочетъ представиться избирателемъ тотчасъ по смерти Гопкинса... ваше покровительство утвердить его избраніе... вотъ прекрасный случай, показать ваше вліяніе... Чортъ возми, вотъ Глоссморъ!

Глоссморъ (входитъ). Какъ я счастливъ, что вижу васъ. Гопкинсъ уже не существуетъ. Пивоваръ Попкинсъ, несмотря на всѣ приличія, ужъ интригуетъ подъ рукою; употребите все ваше вліяніе для молодого Сайфера, кандидата, всѣми уважаемаго. Обстоятельства очень важны... конституція зависить отъ его успѣха. Подайте вашъ голосъ въ пользу Сайфера.

Стотъ. Попкинсъ вашъ кандидатъ?

Эвлипъ (съ задумчивымъ видомъ.) Сайферъ и Попкинсъ, Попкинъ и Сайферъ! успѣхи просвѣщенія и Попкинсъ. Сайферъ и я — въ вершинности. Стотъ меня никто не знаетъ въ Гроджинголь.

Стотъ. Тамъ знаютъ ваши помѣстья.

Эвлипъ. Но безпристрастность избранія... независимость голосовъ...

Стотъ. Конечно; Сайферъ интригуетъ и подкупаетъ немовѣрно. Разстройте его планы; докажите свободу избира-

тельныхъ голосовъ, изгоните изъ вашихъ владѣній всякаго, кто осмѣлится возставать противъ прогресса и Попкинса.

Эвлипъ. Совершенно справедливо! Прочь всѣхъ дерзающихъ исповѣдывать другую свободу избирательства, кромѣ нашей! Только мы правы.

Глоссморъ. У Сайфера есть состояніе; онъ ожидаетъ 50,000 фунт. годоваго дохода. Сайферъ пькогда не полагаетъ дохода, не узнавъ прежде, до какой степени простирается при избраніи власть людей, имѣющихъ 50,000 годоваго дохода.

Эвлипъ. Прекрасно; какъ безъ законовъ нѣтъ собственности, то прежде всего необходимо, чтобы законы были изданы для собственности (property): это сущность законодательства.

Стотъ. Попкинсъ созданъ для экономіи; посмотрите, какъ расточаютъ общественныя деньги: не даютъ ли президенту палаты 5000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, тогда, какъ одна изъ моихъ братьевъ, пресѣдатель нашего приходскаго собранія, увѣряетъ меня, что овъ готовъ исправлять должность президента за половину этой суммы?

Глоссморъ. Довольно, господинъ Стотъ. Г. Эвлипъ не станетъ унижаться до того, чтобы сравнивать этихъ людей.

Стотъ. Овъ слишкомъ умень для того, чтобы быть равнодушнымъ фанатикомъ.

Эвлипъ. Г. Эвлипъ не принадлежитъ ни къ какой политической партіи... Играли-ли вы когда-нибудь въ волавъ?

Стотъ (Глоссмору). Въ волавъ?

Эвлипъ. Да, въ волавъ. Каждый игрокъ вооружается палочкой съ сѣткой и заставляетъ летать что-нибудь выше или ниже, направо или налево. Игроки серьезны и безстрастны; зрители съ безпокойствомъ слѣдятъ полетъ этого чего-нибудь, которое, упавши, есть не что иное какъ кусокъ пробки съ перьями. Это игра политики. Берите свои палочки, а же тутъ ничего не понимаю.

Стотъ (въ сторону.) Жалкое невѣжество... это аристократъ.

Глоссморъ (въ сторону.) Низкія правила... это выскочка.

Стотъ. Такъ вы не будете вредить

намъ? Завтра я приведу къ вамъ Попкинса.

Глоссморъ. Не приступайте ни къ чему, пока я не представлю вамъ Сайфера.

Стотъ. Пойду, узнаю новости о Попкинсѣ. Избраніе Попкинса будетъ новою эпою въ исторіи. (*Уходитъ.*)

Глоссморъ. Пойду въ клубъ: общее вниманіе устремлено на Гродживголлъ. Если Сайферъ не успѣетъ — конституція пропала! (*Уходитъ.*)

Эвлинъ. Шарпъ, подойдите; дайте мнѣ взглянуть на васъ. Вы мой агентъ, мой повѣренный; я считаю васъ честнымъ человѣкомъ; но что такое честность? гдѣ она существуетъ? въ какой части насъ самихъ?

Шарпъ. Я думаю въ сердцахъ.

Эвлинъ. Господи! Шарпъ, она въ карманѣ. Смотрите: я кладу эту золотую монету на столъ, и смотрю на васъ обоихъ: на человѣка, и на золото. Чтожъ? мимо проходитъ взадъ и впередъ тысячи людей, столъ же честныхъ, какъ вы, которые думаютъ, чувствуютъ, и рассуждаютъ какъ и мы; людей съ пріятнымъ лицомъ, съ безсмертною душою... Оставьте только карманы ихъ пустыми на восемь дней, эти люди продадутъ вамъ свои мысли, свой разумъ, свое тѣло, свою душу за эту ничтожную монету. Есть ли это вина человѣка? нѣтъ, это вина людей. Взгляните на идола, котораго создали себѣ люди. Когда я былъ бѣдѣнъ, я ненавидѣлъ людей: теперь, когда я богатъ, я презираю ихъ. Глупцы, обманщики, или лицемеры, вотъ люди... Кстати, Шарпъ, отнесите сто фунтовъ стерлинговъ бѣдному ремесленнику, у котораго сгорѣлъ вчера домъ. (*Входитъ Гревсъ.*) Ах! Гревсъ, любезный другъ, что такое нашъ свѣтъ! собака, которая ласкается къ своему господину и кусаетъ нищаго. Ха! ха! овъ ласкается ко мнѣ теперь, потому-что нищій купилъ собаку!

Гревсъ. Безжалостный свѣтъ; по-крайней-мѣрѣ утѣшительно, что когда-нибудь оно будетъ добычею огня.

Эвлинъ. Каждый часъ оставляетъ свой урокъ; характеръ ожесточается, привязанность исчезаетъ, сердце твердетъ и превращается въ камень. Что съ вами

Шарпъ, что вы такъ выпучили на меня глаза? Ступайте же къ бѣдному ремесленнику. (*Шарпъ уходитъ.*)

=

- С Ц Е Н А II.

Гревсъ, Эвлинъ.

Эвлинъ. Гревсъ, изъ всѣхъ моихъ многочисленныхъ друзей, я уважаю однихъ васъ. Между нами есть симпатія... мы одинаково смотримъ на жизнь; и, право, всегда радъ, когда васъ вижу.

Гревсъ (стонетъ). Ахъ, почему вы рады видѣть такого несчастнаго человѣка!

Эвлинъ. Потому, что я самъ несчастливъ!

Гревсъ. Вы? ба! вамъ не было суждено потерять жену.

Эвлинъ. Но, чортъ возьми, любезный другъ! мнѣ, быть можетъ, суждено взять ее. Садитесь, и выслушайте меня. Мнѣ необходима довѣренность. Я сирота съ младенчества; у меня не было никого, кромѣ бѣдной матери, которая лишила себя необходимаго для моего воспитанія. Кто-то сказалъ ей, что образованіе для человѣка дороже помѣстья и домовъ... Это ложь, Гревсъ.

Гревсъ. Постыдная ложь, Эвлинъ.

Эвлинъ. Не вѣря этой лжи, меня отдали въ школу, и потомъ отослали въ Кембриджскій университетъ. Я уже былъ на выпускъ, нахался поступить на прекрасное мѣсто при университетѣ, составить себѣ состояніе... пріютъ для моей матери; но въ одинъ день меня обидѣлъ молодой лордъ. Я стивчалъ ему, — овъ меня ударилъ; овъ отказался просить у меня извиненія, отказался дать мнѣ удовлетвореніе... я былъ бѣнякъ, существо, созданное для того, чтобы быть битымъ. Но я былъ человѣкъ, и я выскѣ его хлыстомъ въ присутствіи всѣхъ учителей и воспитанниковъ. Черезъ нѣсколько дней о наказаніи лорда позабыли; но на другой же день меня выгнали, и я потерялъ все. Такова разница между богатымъ и бѣднымъ: нуженъ ураганъ, чтобы потрясти перваго; одно дуновеніе низвергаетъ втораго. Я пришелъ въ Лов-

дошъ. Пока была жива моя мать, мнѣ было для кого трудиться, и я трудился; тогда я еще нахвѣлся, я хотѣлъ быть чѣмъ-нибудь. Она умерла, и мужество мое исчезло. Я покорился своей участи; мнѣ казалось, что непроходимыя горы заставляли для меня счастье. Я пересталъ заботиться о будущемъ. Наконецъ и упалъ до того, что сдѣлался бѣднымъ родственникомъ, прислужникомъ сэръ Джона Визи. Но у меня была цѣль, когда я поступилъ въ домъ, гдѣ жила та, которую я полюбилъ съ перваго взгляда.

Гревсъ. А любила ли она васъ?

Эвлинъ. Мнѣ казалось да, но я ошибался. За часъ передъ тѣмъ, какъ я наслѣдовалъ это огромное богатство, я сдѣлалъ признаніе въ моей любви, и былъ отвергнутъ, потому-что былъ бѣденъ. Теперь, выслушайте меня, помните ли вы то письмо, которое отдалъ мнѣ Шарпъ, прочтя завѣщаніе?

Гревсъ. Помню. Чтò же въ немъ было?...

Эвлинъ. Послѣ наставленій, предостереженій и совѣтовъ, полукомическихкихъ, полусерьезныхъ, (ахъ! бѣдный Мордоунтъ зналъ свѣтъ!) письмо.... но я вамъ прочту его: «Избравъ васъ моимъ наслѣдникомъ, я не дѣлаю никакихъ условій, но прошу какъ милости:—если ты не сдѣлалъ еще выбора, предоставь его мнѣ: у меня есть два близкія родственницы; моя племянница Джоржина и Клара Дугласъ, дочь моего лучшаго друга. Если одна изъ нихъ покажется тебѣ достойною быть твоею женою, то это будетъ бракъ, которымъ я хотѣлъ заняться, если бы могъ возвратиться въ Англію». Другъ мой, это не есть законное условіе: мое богатство нѣсколько отъ него не зависить. Однако, я долженъ сказать вамъ, что изъ благодарности я долженъ вмѣнить его себѣ въ обязанность! Прощло нѣсколько мѣсяцевъ, и я все еще не могу рѣшиться.... кажется пора. Вы слышали эти два имени.... Клара Дугласъ та, которая меня отвергнула.

Гревсъ. Но теперь она приметъ ваше предложеніе.

Эвлинъ. И неужели вы считаете меня до такой степени рабомъ страсти, что

думаете, что я захочу быть обязаннымъ золоту тѣмъ, чтò отказано моей любви?

Гревсъ. Но нужно выбирать изъ нихъ, и благодарности вмѣняетъ вамъ это въ обязанность; вы правы. Къ тому же, вы всегда у нихъ въ домѣ, свѣтъ знаетъ это; конечно, вы возбудите надежды въ одной изъ двухъ кузинъ. Другъ, пора вамъ избирать между тою, которую вы любите и тою, которая вамъ не по сердцу.

Эвлинъ. Я охотнѣе женюсь на той, отъ которой менѣе требую. Если бракъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ существуетъ взаимное уваженіе и тихая привязанность, не есть счастье, по-крайней-мѣрѣ, онъ можетъ доставить довольство; но жениться на женщинѣ, которую вы обожаете, и которой сердце закрыто для васъ!... Обождать статую, которую вы никогда не одушевите.... О, такой бракъ будетъ адомъ, и тѣмъ ужаснѣйшимъ, что онъ близокъ раю.

Гревсъ. Джоржина прекрасна, но тщеславна и легкомысленна. (*Въ сторону*) Ахъ! онъ не зналъ Маріи! (*громко*). Да, любезный другъ, теперь, какъ я подумую, вы также несчастливы какъ я; когда вы женитесь, мы смѣшаемъ вмѣстѣ наши жалобы.

Эвлинъ. Мы можемъ худо судить о Джоржинѣ: быть можетъ, она лучше, нежели кажется съ перваго взгляда. За часъ до чтенія завѣщанія, письмо съ измѣненнымъ почеркомъ, съ подписью: «неизвѣстный другъ», съ значительною суммою было послано бѣдой женщиной, которой я просилъ помочь: я далъ ей адресъ одной Джоржинѣ.

Гревсъ. Зачѣмъ же вы не увѣрились въ этомъ?

Эвлинъ. Потому-что я не смѣлъ; потому-что нѣсколько разъ, въ борьбѣ съ разсудкомъ, я надѣялся что это могла быть Клара. (*Онъ вынимаетъ письмо и разсматриваетъ его.*) Нѣтъ, не могу узнать почерка. Гревсъ, я ее ненавижу!

Гревсъ. Кого? Джоржину?

Эвлинъ. Нѣтъ, Клару; но я уже отстѣпилъ ей; выслушайте меня. (*Говоритъ тихо.*) Я покупилъ Шарпа сказать, что

въ письмѣ Мордоунтъ приказалъ выдать Кларѣ 20,000 фунтовъ стерлинговъ.

Гревсъ. Какъ! этого небыло! Странно однако, что Мордоунтъ не упомянулъ объ ней въ своемъ завѣщаніи!

Эвлинъ. Въ этомъ должно обвинять его капризы. Къ тому же, сэръ Джонъ писалъ ему, что леди Франклинъ объявила ее своею наследницею. Я очень радъ, что заплатилъ ей 20,000. Ее никто небудеть обижать, она встѣмъ обязана мнѣ, и не подозрѣваетъ этого. Не правда ли, я хорошо отмѣстил?

Гревсъ. Вы странный человекъ, Эвлинъ: мы понимаемъ другъ друга. Однако, можетъ быть Клара видѣла адресъ, и диктовала письмо....

Эвлинъ. Въ самомъ дѣлѣ?... Я тотчасъ иду къ сэръ Джону.

Гревсъ. Г-мъ! Пожалуй, я пойду вмѣстѣ съ вами. Эта леди Франклинъ просто красавица! Если бы она не была такъ рѣзва, мнѣ кажется... что я могъ бы....

Эвлинъ. Нѣтъ, нѣтъ, не думайте этого: женщины еще хуже мужчинъ.

Гревсъ. Въ самомъ дѣлѣ, любить есть дѣтская шалость.

Эвлинъ. Быть чувствительнымъ — значитъ страдать.

Гревсъ. Надѣяться — значитъ быть обманутымъ.

Эвлинъ. Я ужъ кончилъ свои романы.

Гревсъ. А мой погребенъ съ Маріей!

Эвлинъ. Что, если Клара писала это письмо....

Гревсъ. Скорѣе, а то мы не заставемъ леди Франклинъ.... долина слезъ.... долина слезъ....

Эвлинъ. Въ самомъ дѣлѣ долина слезъ. (Уходятъ. *Гревсъ* возвращается за шляпою.)

Гревсъ. Я позабылъ мою шляпу.... конечно! Такое мнѣ несчастіе, что если бы я родился шляпнымъ мастеромъ, дѣти выходили бы на свѣтъ безъ головы. (Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Залъ въ домѣ сэръ Джона.

Леди Франклинъ, Клара, слуги.

Леди Франклинъ. Скоро два часа, а я еще дома; скажи Филиппу, что мнѣ сейчасъ нужна карета.

Слуга. Извините, миледи; Филиппъ просилъ доложить вамъ, что молодая лошаадь хромаетъ и не можетъ ѣхать сегодня. (Уходитъ.)

Леди Франклинъ. По правдѣ сказать, я очень рада. По-крайней-мѣрѣ есть отговорка отъ скучныхъ визитовъ. Вечеромъ на балъ, я возьму лошадей у сэра Джона. Ахъ, Клара, ты увидишь мой новый тюрбанъ отъ Корсона; это чудеснѣйшая вещь въ мірѣ, и идетъ ко мнѣ какъ перьля лучше.

Клара. Ахъ, леди Франклинъ, вы будете сердиться.... но.... но....

Леди Франклинъ. Но что?

Клара. Какое несчастіе! бѣдная Смитъ вся въ слезахъ.... я обѣщала за нее все сказать вамъ. Вашъ малевкій Карлъ писалъ и опрокинулъ червильцу на столъ; Смитъ не замѣтила этого, и взявши тюрбанъ, чтобы приколотъ жемчугъ, какъ вы приказывали.... она.... она....

Леди Франклинъ. Ха! ха! Она положила его на столъ и замочила въ чернилъ. Ха! ха! воображаю, какую она слѣлала гримасу. Впрочемъ, это счастье, потому-что ко мнѣ гораздо лучше идетъ мой черный токъ съ перьями.

Клара. Милая леди Франклинъ, какой у васъ кроткій характеръ!...

Леди Франклинъ. Надѣюсь, потому-что это идетъ къ женщинамъ лучше всякаго тюрбана. Подумайъ объ этомъ когда выдешь замужъ.... Кстати объ замужствѣ; мнѣ кажется, что я серьезно свела съ ума Гревса.

Клара. Гревса? и считала его неутѣшнымъ.

Леди Франклинъ. Послѣ потери своей Маріи. Бѣдный! мало того, что она мучила его во время своей жизни, она преслѣдуетъ его еще и по смерти.

Клара. Зачѣмъ же онъ такъ жалбеть объ ней?

Леди Франклинъ. Зачѣмъ? — зачѣмъ, что онъ имѣетъ все, чтобъ быть счаст-

ливимъ: прекрасное состояніе, прекрасное здоровье, прекрасное пмя; но какъ первое его удовольствіе казаться несчастнымъ, то онъ и прибѣгнулъ къ единственному средству, которое ему оставалось. Впрочемъ, это обыкновенная уловка вдовцевъ, когда они хотятъ жениться. Но, милая Клара, ты такъ задумчива, блѣда, печальна.... Ахъ! и слезы!

Клара. Нѣтъ, нѣтъ.... слезы... нѣтъ.

Леди Франклинъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ г. Мордоуанъ оставилъ тебѣ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, весь свѣтъ завлѣтъ тобою. Сэръ Фредерикъ безъ ума отъ тебя.

Клара (съ презрѣніемъ). Сэръ Фредерикъ!

Леди Франклинъ. Ахъ! Клара, успокойся; я знаю твою тайну, и увѣрена, что Эвлинъ тебѣ любитъ.

Клара. Онъ любилъ меня.... и болѣе не любить. Онъ не поиялъ меня, когда былъ бѣденъ, а теперь, когда онъ богатъ, не мнѣ объяснять ему.

Леди Франклинъ. Другъ мой, счастье слишкомъ рѣдко для того, чтобы жертвовать имъ сомнѣнію. Зачѣмъ же онъ бываетъ здѣсь такъ часто?

Клара. Быть можетъ для Джоржины. *(Входитъ сэръ Джонъ Визи, и роется въ книжки на столѣ, какъ будто ищетъ журнала).*

Леди Франклинъ. Ва! Джоржина мнѣ племянница; она не дурна и не безъ достоинства; но ея отецъ, своимъ эгоизмомъ, испортилъ ея характеръ.... она недостойна Эвлина. Подъ его насмѣшливою оригинальностью скрывается что-то высокое и благородное. По-крайней-мѣрѣ предоставь мнѣ для него столько же, какъ и для тебѣ....

Клара. Поручить меня его состраданію! Ахъ, леди Франклинъ, если бы онъ снова самъ пришелъ ко мнѣ, я опять бы отказала ему. Нѣтъ, если онъ не можетъ читать въ моемъ сердцѣ.... ежели онъ не хочетъ прочесть тамъ.... что это сердце разрывается, не повятое имъ!

Леди Франклинъ. Ты не повиняешь меня, мой другъ. Позволь мнѣ только открыть ему, что это ты диктовала письмо и послала деньги его старой кормилицѣ. Бѣдная Клара! то было все, что ты тог-

да имѣла. По-крайней-мѣрѣ онъ узнаетъ, что ты не скупа.

Клара. Онъ бы могъ отгадать это самъ, если бы его любовь походила на мою.

Леди Франклинъ. Отгадать! Это невозможно; почеркъ ему былъ совершенно незнакомъ; и все заставляло его думать, что письмо послано отъ Джоржины.

Сэръ Джонъ Визи (въ сторону). Гмъ! послано отъ Джоржины.

Леди Франклинъ. Полно, позволь мнѣ все сказать ему, я знаю какое дѣйствіе это можетъ имѣть на его выборъ.

Клара. Его выборъ! какое униженное слово! Нѣтъ! Леди Франклинъ, объясняйте мнѣ....

Леди Франклинъ. Но....

Клара. Нѣтъ, дайте мнѣ честное слово.

Леди Франклинъ. Ты непременно хочешь—изволъ.

Клара. Вы знаете, какой у меня робкій характеръ.... ребенокъ не такъ боязливъ, какъ я. Вы часто смѣялись, видя какъ я блѣднѣю и дрожу, когда бѣдный паукъ ползетъ по потолку: но и дама бы отсѣчь себѣ руку, чтобы только не огорчить чѣмъ-нибудь Эвлина; я отказалась раздѣлять его бѣдность, и умру отъ стыда, если онъ подумаетъ, что я не люблю его за богатство. Добрый и милый другъ мой, вы сдержите свое слово?

Леди Франклинъ. Да, ежели ты непременно требуешь.

Клара. Благодарю васъ.... я.... извините меня.... я больна. *(уходитъ.)*

Леди Франклинъ. Какъ смѣшны молодья дѣвушки! Онъ столько же мучается, чтобы потерять мужа, какъ бѣдная вдова, чтобы найти его.

Сэръ Джонъ. Не видѣли ли вы журнала *Times*? Куда дѣвался журналъ? я никакъ не могу найти *Times*.

Леди Франклинъ. Кажется, онъ въ моей комнатѣ; привези вамъ его?

Сэръ Джонъ. Милая сестрица.... вы сама добродѣтель.... прошу васъ. *(Леди Франклинъ уходитъ.)* Уфъ! Проклятая заговорщица противъ своей фамиліи! Что бы значило это письмо?... Ахъ! я начинаю вспоминать.... *(Входитъ Джоржина).*

Джоржина. Батюшка, я хочу...

Сэръ Джонъ. Да, я знаю чего ты хочешь! Но прежде, скажи мнѣ, знаешь ли ты, что Клара послала деньги той старой кормилицѣ, о которой говорилъ намъ Эвлинъ, въ тотъ самый день какъ читали завѣщаніе?

Джоржина. Нѣтъ; онъ далъ мнѣ адресъ, и я общалась ему, что ежели...

Сэръ Джонъ. Онъ далъ тебѣ адресъ?... Чудесно. Штъ! (*Входитъ слуга и докладываетъ объ Гревсѣ и Эвлинѣ.*)

СЦЕНА IV.

Гревсъ, Эвлинъ, сэръ Джонъ Визъ, Джоржина, леди Франклинъ.

Леди Франклинъ (входя.) Вотъ журналъ.

Гревсъ. Да... читайте журналы: эти ежеливые отчеты о плутовствахъ и несчастіяхъ, довольно хорошо рисуютъ вамъ свѣтъ такимъ, какъ онъ есть. Здѣсь объявленія шарлатановъ, ростовщиковъ, барышниковъ и мальчиковъ о двухъ головахъ: это для протекловъ и обманщиковъ. Перейдите къ другой колоннѣ: полицейскій хроника, банкротство, плутовства, фальшивые монетчики и биографія человека, умертвившаго трехъ дѣтей своихъ въ Пентонвиллѣ. Вы думаете, что это только исключеніе изъ исторіи добродѣтели и богатства напін вообще? Читайте первую статью: ваши волосы станутъ дыбомъ, когда вы увидите ужасающую безнравственность или жалкій идиотизмъ половинны націи, не думающей одинаково съ вами. Въ мое время, я былъ уже свидѣтелемъ восемнадцати переломовъ, шести упадковъ земледѣлія и торговли, четырехъ низверженій англиканской религіи и трехъ послѣднихъ, окончательныхъ разрушеній, ужасныхъ и несправедливыхъ... Вотъ что такое журналъ.

Леди Франклинъ. Ха! ха! ваша всегдашняя досада смѣшна и забавна!

Гревсъ (нахмуривъ брови.) Сударыня... моя досада забавна!

Леди Франклинъ. Ахъ! вы бы должны

были чаще смѣяться: вы кажетесь тогда гораздо моложе, пріятнѣе...

Гревсъ (успокоенный.) Сударыня... (*Въ сторону*) клинусъ честию, чудесная женщина!

Леди Франклинъ. Вы не видѣли послѣдней карикатуры г. Б.? она превосходна. Мнѣ кажется, она могла бы заставить васъ смѣяться. Но право, мнѣ кажется, что вы не можете смѣяться.

Гревсъ. Сударыня... я не смѣялся съ тѣхъ-поръ, какъ умерла моя Ма...

Леди Франклинъ. Ахъ! а злой сэръ Фредерикъ говорить, что вы не смѣетесь, потому что... но вы разсердитесь.

Гревсъ. Я разсержусь! я слишкомъ презираю сэра Фредерика для того, чтобы обращать какое-нибудь вниманіе на его слова! Онъ говоритъ, что я не смѣюсь потому что...?

Леди Франклинъ. У васъ нѣтъ переднихъ зубовъ!

Гревсъ. Нѣтъ зубовъ! Право это мило. Ха! ха! ха! (*Смѣется, открывши ротъ.*)

Леди Франклинъ. Ха! ха! ха! (*Леди Франклинъ и Гревсъ уходятъ въ глубину сцены.*)

Эвлинъ (въ сторону.) Клара не придетъ: она убегаетъ меня по прежнему. Но какое мнѣ дѣло? что она для меня? Ничего... Я готовъ божиться, что это ея перчатка: ни у кого нѣтъ такой маленькой ручки. Она станетъ ея искать... Никто меня не видитъ; я спрячу перчатку, затѣмъ только, чтобъ ее помучить.

Сэръ Джонъ (Джоржинѣ.) Ужъ доставь мнѣ. Ты нарисовала его портретъ, какъ я говорилъ тебѣ?

Джоржина. Да, но я не могла схватить выраженія лица. Клара поправила мнѣ.

Сэръ Джонъ. Вѣчно и вездѣ Клара. (*Входитъ капитанъ Додли Смутъ.*)

Смутъ. Здравствуйте, любезной Джонъ. Ахъ, миссъ Визъ, вы не подозреваете сколько побѣд одержали вчера въ залахъ Альмака!

Эвлинъ, (внимательно разсматривая его.) Такъ это знаменитый Додли Смутъ?

Сэръ Джонъ. Его зовутъ болѣе

Делли (*) Смуты! искусѣйшій игрокъ въ вистъ, въ экарте, на билліардѣ, въ шахматы и въ пикетѣ отъ Ловлова до Пирамидъ. Самый смиренный изъ людей, называющихъ всѣхъ по именамъ; но берегите свои карты, когда играете съ нимъ.

Эвлинъ. Овъ не плутуетъ, я наглюсь.

Сэръ Джонъ. Стъ! *Нитьъ...* по овъ всегда *выширываетъ*. Овъ очищаетъ до чиста въ каждое время года пару лордовъ и до двадцати гвардейскихъ офицеровъ; овъ беретъ богатство человека точно такъ, какъ бы овъ бралъ Карлсбадскія воды. Его искусство удивительно.

Эвлинъ. Искусство! Когда человекъ увесетъ тайкомъ хлѣбъ, мы кричимъ: воръ! Другой отводитъ теченіе воды, приводившей въ движеніе мельницу его сосѣда; къ своей мельницѣ—мы кричимъ: вотъ искусный человекъ! И всѣ льстятъ капитану Доли Смуту.

Сэръ Джонъ. Э! кто его обилитъ? овъ человекъ учтивый, хорошо воспитанный... увѣренный, что убьетъ на дуэли всякаго. Овъ лучшій стрѣлокъ во всѣхъ трехъ королевствахъ.

Смутъ, (небрежно кладя руку на плечо сэра Джона.) Любезный Джонъ, какое у васъ доброе лицо! вы съ каждымъ днемъ здоровѣете. Представьте меня г. Эвлину.

Эвлинъ. О, я давно шучу этой чести. (Пожимаютъ руки.—Входитъ сэръ Фредерикъ Блоунтъ.)

Блоунтъ. Какъ поживаете, сэръ Джонъ... Ахъ! Эвлинъ, я такъ желаю васъ видѣть!

Эвлинъ. Мое несчастіе быть видимымъ.

Блоунтъ. Но отойдите сюда на минуту. Вамъ быть можетъ извѣстно, что когда-то я ухаживалъ за миссъ Визки; но послѣ этого оригинальнаго заигнанія, сэръ Джонъ отнял у меня всю надежду.

Эвлинъ (видя входящую Клару). Хорошо, хорошо, въ другой разъ, любезный Блоунтъ. (въ сторону) Ахъ, Клара!...

Блоунтъ. Одну минуту, прошу васъ... Я хочу просить васъ объ одной милости. касательно миссъ Дугласъ.

Эвлинъ. Миссъ Дугласъ?

Блоунтъ. Да... Хотя у Джоржины есть прекрасныя надежды, и отецъ оставитъ ей все свое состояніе, однако теперь у нея только 10,000 фунтовъ стерлинговъ приданого; у Клары же 20,000, и мнѣ кажется, что Клара всегла меня любила немного.

Эвлинъ. Васъ?... Да, кажется.

Блоунтъ. Говорятъ тихомолкомъ, что вы хотите просить руки Джоржины. И сэръ Джонъ далъ мнѣ замѣтить, что вы давно ей нравитесь.

Эвлинъ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

Блоунтъ. И, какъ вы ближе къ нимъ нежели я, то вамъ ничего не стоитъ замолвить за меня слово у миссъ Дугласъ... (Въ сторону) Я хочу показать Джоржину за ея невѣрность.

Эвлинъ. Полно, любезный другъ; говорите сами за себя; вы именно такой человекъ, какіе нравятся дамамъ... Овъ понимаютъ васъ. Смѣйте! вы слишкомъ скромны... вамъ нѣтъ никакой нужды въ посрелникѣ.

Блоунтъ. Любезный Эвлинъ, вы льстите мнѣ; и не дуревъ въ своемъ ролѣ; но вы знаете, что вамъ ничто не можетъ противиться: вы такъ богаты!

Эвлинъ (обращаясь къ Клара.) Миссъ Дугласъ, что вы думаете о сэрѣ Фредерикъ Блоунтѣ? Взгляните на него; овъ ие дурепъ собою, молодецъ, у него пріятное обращеніе... (Блоунтъ кланяется). Овъ кланяется такъ ловко... говоритъ много и пріятно: овъ имѣетъ все, чтобы нравиться, и между тѣмъ овъ думаетъ, что еслибы мы оба влюбились въ одну и ту же даму, и имѣли бы болѣе успѣха, потому-что и богаче. Что вы скажете на это? любовь не аукционъ ли? сердца женщинъ не принадлежатъ ли тому, кто дастъ болѣе!

Клара. Ихъ сердца?... Нѣтъ.

Эвлинъ. Но ихъ рука... да. Вы отягучнее и не смѣете отвѣчать!

Джоржина (въ сторону.) Сэръ Фредерикъ любезничаетъ съ Klarой; я накажу его за измѣну. (Громко) Вамъ бы послѣднимъ слѣдовало говорить такимъ образомъ, господинъ Эвлинъ; когда богатство есть наименьшее изъ всѣхъ вашихъ до-

(*) Deadly—убійственный.

стоинствъ; когда всё удивляются вамъ, когда у васъ такъ много ума, вкуса и талантовъ... Ахъ, я очеь смѣшва!

Сэръ Джонъ (ударяя по плечу Эвлина.) Не отворачивайте голову отъ моей дочери. О! вы опасный молодой человекъ! Кстати, я хотѣлъ показать вамъ послѣднiе рисунки Джоржины; она сдѣлала удивительные успѣхи послѣ вашего послѣдняго урока.

Джоржина. Нѣтъ, нѣтъ батюшка; прошу васъ.

Сэръ Джонъ. Какое ребячество! Странно, Эвлинъ, она бонтея васъ болѣе другихъ.

Смуть (Блону, нюхал табакъ.) Нашъ любезный Джонъ превосходный отецъ. Онъ заступаеъ мѣсто матери своей дочери. (*Смуть идетъ къ леди Франклинъ и Гревсу. — Эвлинъ и Джоржина садятся и разсматриваютъ рисунки; сэръ Джонъ облокачивается на ихъ стулья. Сэръ Фредерикъ разговариваетъ съ Кларою; Эвлинъ прильпачаетъ за ними.*)

Эвлинъ. Превосходно... Видъ Тиволи! (Проклятiе! она опускаетъ глаза, слушающая его.) Маленькая ошибка въ тѣни... (Она покраснѣла!) Но этотъ Юинтеръ превосходенъ! (проклятый глупецъ!) (*Вставая*) О! конечно она его любитъ. Меня также полюбятъ... другiя; мнѣ также будутъ улыбаться, краснѣя.

Джоржина. Не большы ли вы?

Эвлинъ. Извините меня. Да, вы сдѣлали большiе успѣхи. Ахъ, миссъ Визи, въ васъ соединены все таланты. (*Онъ беретъ рисунки, и старается любезничать съ Джоржиною.*)

Клара. Да, сэръ Фредерикъ, въ концертѣ было очеь много. (*Въ сторону*) Я вижу, Джоржина утѣшаетъ его, все его похвалы для одной ея, все насмѣшки для меня.

Блонтъ. Я бы хотѣлъ предложить вамъ мою ложу въ оперѣ, въ будущую субботу; она лучшал въ залѣ, я не богатъ, но изерживаю ва себя все, что имѣю. Я люблю имѣть все лучшее: лучшую ложу, лучшихъ ссбакъ, лучшихъ лошадей, лучший ломъ... мнѣ недостаетъ только лучшей жсны.

Клара (разсплино.) И это придетъ со временемъ, сэръ Фредерикъ.

Эвлинъ. Ахъ! это придетъ въ самомъ дѣлѣ? Джоржина отказала глупцу, а она льститъ ему. (*Залитивъ портретъ.*) Что это? мой портретъ!

Джоржина. Не смотрите, не смотрите! Я не знала, что онъ здѣсь.

Сэръ Джонъ. Вашъ портретъ, Эвлинъ? Ахъ, Джоржина, я не зная, что ты рисуешь портреты; это что-то новое. Право, большое сходство.

Джоржина. О, нѣтъ! это не достоинво его. Отдайте мнѣ назадъ, и разорву... (*Въ сторону.*) Несносный Фредерикъ!

Эвлинъ. Нѣтъ, я не позволю.

Клара. Какъ! такъ онъ ее любитъ! мое сердце измѣняетъ мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, у меня есть также гордость... Ха! ха! Сэръ Фредерикъ, превосходно! вы такъ забавны.. ха! ха! (*старается смѣяться.*)

Эвлинъ. {Притворство конетокъ... онъ не могутъ даже смѣяться безъ принужденiя. (*Между тѣмъ какъ Клара смотритъ на него съ видомъ упрека, удалась съ сэръ Фредерикомъ, онъ прибавляетъ.*) Но гдѣ же новая гитара, которую вы хотѣли купить, миссъ Визи? Вотъ ужъ голь, какъ вы все собираетесь, и у васъ еще нѣтъ ея?

Сэръ Джонъ (отводя его въ сторону, съ таинственнымъ видомъ.) Гитара... я скажу вамъ по секрету... деньги, которыя я далъ ей на покупку, она употребила на доброе дѣло... постойте! это было въ тотъ самый день, какъ намъ прочли завѣщанiе... я видѣлъ на столѣ письмо и внутри его банковый билетъ. Но ни слова объ этомъ; а то она никогда мнѣ не проститъ.

Эвлинъ. Письмо! деньги! Имя особы, которой она помогла? Становъ?

Сэръ Джонъ. Право я не помню.

Эвлинъ (вынималъ письмо изъ кармана.) Это ея почеркъ?

Сэръ Джонъ. Нѣтъ... я замѣтилъ, что ова воспользовалась чужою рукою, и потому ова сама призвалась мнѣ, что не хотѣла, чтобы кто-нибудь узналъ это. Покажите мнѣ письмо. Да, здѣсь, кажется, тѣже самыя выраженiя. Я общалъ хравить тайну; но какъ ова узнала адресъ

мистрисъ Стаятопъ? вы мяъ никогда не давали его.

Эвлинь. Я даль его ей, сэръ Джонъ.

Клара (въ другомъ углу за ны.) Да, я поѣду въ оперу, ежели леди Франклинъ согласится. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе, милая леди Франклинъ... и такъ до субботы, сэръ Фредерикъ.

Эвлинь. Сэръ Джонъ, для такого челоуѣка, какъ я, этотъ благородный поступокъ выше блестящихъ качествъ. Доброе сердце, нѣжная заботливость; благодѣяніе, скрывающее себя; скромность, краснѣющая собственной добродѣтели; безкорыстіе, — вотъ что сохранять красоту вѣчную юность, и что я всегда желала найти въ будущей подругѣ моей жизни. Я нашелъ ее... Увы! это не та, о которой я мечталъ... Миссъ Визи, я буду откровененъ... *(Клара подходитъ, и онъ возвышаетъ голосъ, смотря на нее.)*

Признаюсь, что я любилъ другую... цѣнно, вѣрно, *напрасно*. Я не могу предложить вамъ того, что предлагалъ ей: первую любовь, со всею свѣжестью и богатствомъ чувства; но если уваженіе, благодарность... если твердая рѣшимость подавить воспоминанія, которыя могли бы изгладить предо мною вашъ образъ, достаточны, чтобы заставить васъ принять мою руку и богатство, я пожертвую жизнью, чтобы заслужить вашу довѣренность.

(Клара остается неподвижною, сложа руки, и потомъ тихо садится.)

Сэръ Джонъ. Вотъ счастливейшій день моей жизни! *(Клара падаетъ со стула.)*

Эвлинь (бросаясь къ Кларѣ.) Она блѣднѣетъ! она безъ чувствъ!... Что я сдѣлалъ? о небо! Клара!

Клара (вставая съ улыбкою.) Будьте счастливы, будьте счастливы, Альфредъ Эвлинь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Залы дома сэръ Джона Визи.

Сэръ Джонъ Визи, Джоржина.

Сэръ Джонъ. И онъ не просилъ тебя поспѣшить днемъ свадьбы?

Джоржина. Нѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ просилъ моей руки, онъ приходитъ рѣже и кажется такимъ скучнымъ. Увы! бѣдный Фредерикъ, былъ въ двадцать разъ забавнѣе.

Сэръ Джонъ. Но Эвлинь въ пятьдесятъ разъ богаче.

Джоржина. Сэръ Фредерикъ такъ хорошо одѣвается!

Сэръ Джонъ. У тебя будутъ великолѣпные брильянты. Но еще одно слово: я видѣлъ тебя вчера на гуляньѣ съ Фредерикомъ: этого болѣе не должно быть. Когда молодая дѣвица выходитъ за мужъ, ей совсѣмъ не прилично кокетничать съ другимъ. Это можетъ повредить твоей свадьбѣ. Это очень неприлично.

Джоржина. Не бойтесь, батюшка... онъ ухаживаетъ за Кларой.

Сэръ Джонъ. Кто? Эвлинь?

Джоржина. Сэръ Фредерикъ!.. Я ненавижу липемѣровъ.

Сэръ Джонъ. Онъ положитъ тебѣ чудесный доходъ, и что бы ни случилось, деньги останутся при тебѣ.

Джоржина. Любезный батюшка, вы умѣете представлять вещи съ хорошей стороны; но неужели вы не боитесь, если онъ узнаетъ, что Клара писала письмо?

Сэръ Джонъ. Нѣтъ, я удалю отсюда Клару. Но меня беспокоитъ другое. Ты знаешь, что съ-тѣхъ-поръ какъ Эвлинь разбогатѣлъ, онъ живетъ какъ принцъ. Его домъ въ Лондонѣ настоящій дворецъ, и онъ купилъ обширное помѣстье въ провинціи. Посмотри, какъ онъ живетъ! Все балы, пиры, музыка, благотворительность; за все это чортъ знаетъ сколько надо платить!

Джоржина. Но его не раззорятъ эти издержки.

Сэръ Джонъ. Конечно, сначала я ничего не предвидѣлъ, но съ-тѣхъ-поръ какъ онъ просилъ твоей руки, онъ сдѣлался еще расточительнѣе прежняго. Говорятъ, что онъ пустился въ игру, и вездѣ съ капитаномъ Смудомъ. Никакое

богатство не может устоять противъ Додли Смута. Ежели Евлинъ попадется въ сѣти игрока, онъ можетъ потребовать приданое... Мало поспѣшить свадьбою.

Джоржина. Увы! бѣдливый Фредерикъ! какъ вы думаете, *точно* ли онъ любить Клару?

Сэръ Джонъ. Право, я не знаю. Надѣвай шляпку и пойдемъ къ Стору и Мортимеру выбирать брильянты.

Джоржина. Брильянты! да, прогулка полезна для меня. Такъ вы отошлете Клару? Она такъ лжива.

Сэръ Джонъ. Будь покойна. Скажи ей, что я хочу говорить съ нею. (*Джоржина уходитъ*). Право, надо скорѣе отпраздновать свадьбу. У Джоржины нѣтъ довольно ловкости, чтобы управлять Эвлиномъ... пока онъ еще не мужъся, потому-что тогда всѣ женщины умѣютъ взять насъ въ руки. Этотъ бракъ доставитъ мнѣ большія выгоды. Я думаю онъ оставитъ мнѣ ея десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Ахъ! мнѣ только не нравится его страсть къ игрѣ, потому-что я уже смотрю на него, какъ на своего сына, и на его деньги какъ на свои.

СЦЕНА II.

КЛАРА, СЭРЪ ДЖОНЪ.

Сэръ Джонъ. Клара...

Клара. Что вамъ угодно?

Сэръ Джонъ. Милая моя, то, что я снажу вамъ, можетъ показаться не много жестокимъ; но вы знаете мой открытый характеръ. Бѣдняжка, я знаю вашу склонность къ Эвлину...

Клара. Мою склонность, сударь?

Сэръ Джонъ. Это замѣчаютъ всѣ. Леди Кайндъ говоритъ, что вы худеете. Бѣдняжка, мнѣ право жаль васъ. Помните ли письмо, которое вы послали къ старой кормилицѣ Эвлина? Я не знаю, какъ узнали объ немъ... а свѣтъ такъ золь! Быть можетъ, я ошибался; но съ тѣхъ поръ, какъ Эвлинъ просилъ руки Джоржины, мнѣ казалось, что вамъ должно быть неприятно, чтобы васъ подозревали въ расположеніи къ человеку, которой не любилъ васъ, и потому я ра-

спустилъ слухи, что Джоржина сама писала это письмо.

Клара. Я не знаю, какое вы имѣли право...

Сэръ Джонъ. Никакого, это правда, моя милая, и послѣ я думалъ, что долженъ сказать Эвлину, что это письмо послано отъ васъ... Говорить ли ему?

Клара. Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ... Я... я... (*плачетъ*).

Сэръ Джонъ. Успокойтесь, милая Клара. Я бы не поступилъ такимъ образомъ, если бы не заботился о счастіи моей дочери; Джоржина такъ несчастна отъ того, что всѣ говорятъ о вашей привязанности...

Клара. Въсѣ? О, это ужасно...

Сэръ Джонъ. Что это имѣетъ вліяніе даже на ея характеръ. Вы видите, что не смотря на близость свадьбы, Эвлиппъ не бываетъ здѣсь такъ часто, какъ бы должно было. Однимъ словомъ, я боюсь за ихъ будущее счастіе... ревность... подозрѣив... я отецъ... вы простите мнѣ...

Клара. Ихъ счастіе... нѣтъ, никогда... Чего вы хотите отъ меня, сударь?

Сэръ Джонъ. Вы теперь ни отъ кого не зависите. Леди Франклинь кажется останется въ Лондонѣ. Вѣрно она не думаетъ лишитъ свою фамилію денегъ, благодаря ея смѣшной наклонности къ Гревсу, который стонетъ и мяукаетъ вкругъ дома, какъ влюбленный котъ. Что вы объ этомъ думаете? э?

Клара. И вы говорите обо мнѣ, о несчастной Кларѣ.

Сэръ Джонъ. Плутовка!.. правда!.. правда!.. И такъ я говорилъ, что леди Франклинь рѣшается остаться здѣсь. Вы властны располагать собою. Мистрисъ Каритонъ, тетка моею покойной жены, уѣзжаетъ на двѣ недѣли изъ Англии, и будетъ очень рада, если вы захотите ѣхать вмѣстѣ съ нею.

Клара. Я сама хотѣла просить васъ объ этой милости. (*Въ сторону*) По-крайней-мѣрѣ я избавлюсь принужденія и убѣгу отъ стыда. Когда она ѣдетъ?

Сэръ Джонъ. Черезъ пять дней, во вторникъ. Вы простите мнѣ?

Клара. Я благодарю васъ.

Сэръ Джонъ (подходя къ окну). Если бы вы написали нѣсколько строкъ къ мо-

ей теткѣ, чтобы все это устроить.
(*Входитъ слуга*).

Слуга. Карета подана, сэръ Джонъ; миссъ Визи готова.

Сэръ Джонъ. Подожди... Сказать ли Эвлину, что вы писали письмо?

Клара. Нѣтъ, прошу васъ!

Сэръ Джонъ. Но для Джоржины будетъ непріятно, ежели это узнають.

Клара. Не узнають никогда.

Сэръ Джонъ. Хорошо, хорошо! какъ вамъ угодно. Мнѣ кажется, ничто не можетъ быть тягостнѣе для гордости и самолюбія молодой дѣвицы... Джемсъ, ежели придетъ духовная особа Спріосъ, скажи ему, что я пошелъ слушать проповѣдь. Ежели меня будетъ спрашивать лордъ Спринъ, скажи что я на репетиціи *Сандрильоны*. Да! а если явится Мекфишъ (который является три раза въ недѣлю) скажи, что я побѣлъ надбавлять дѣву при продажѣ помѣсть Бульстродъ. Оставь, какъ будто печаянно, визитную карточку герцога Лотти на столѣ въ передней. Ахъ! слушай Джемсъ, я ожидаю двухъ господъ за нѣсколько минутъ до обѣда... мистеръ Скваба, радигала и мистеръ Квельма, члена *страховаго общества*. Проси мистеръ Скваба въ кабинетъ, и подай ему *dne sup*. Не ошибись; введи мистеръ Квельма въ маленькую залу, и принеси ему *Times* и *Morning-Post*. Нужно знать людей; въ свѣтъ все ложь и обманъ! (*уходитъ*).

Клара (*складывая письмо*). Кончено! Еще нѣсколько дней, и мы разлучимся навсегда! Еще нѣсколько недѣль, и другая будетъ носить его имя... будетъ его женою. Счастливица! она будетъ имѣть право сказать ему передъ свѣтомъ: «я твоя!» Я возмущаю ихъ счастье... я облако, заслоняющее солнце!.. Однако, Альфредъ, если она тебя любитъ... ежели она тебя знаетъ... если она тебя оценитъ... если, когда ты разтрепещеши ея сердце, она будетъ въ состояніи простить тебя, какъ я тебя прощаю... я буду благословлять ее... вдалькѣ... и солью ее имя съ твоимъ въ моихъ молитвахъ.

Эвлинь (*за сценою*). Миссъ Визи уехала... я напишу нѣсколько строкъ.
(*Входитъ*).

СЦЕНА III.

Клара. Евлинь.

Эвлинь (*въ сторону*) Клара!.. Не безпокою ли я васъ, миссъ Дугласъ!..

Клара (*удивляясь*). Нѣтъ! я кончила.

Эвлинь. Я вижу, что я алая пасъ ненавистенъ. Для того я и бываю здѣсь такъ рѣдко; но успокойтесь, я пришелъ сюда, чтобы назначить день свадьбы, и потому уѣду въ деревню... до тѣхъ поръ... олимпийскимъ словомъ, сегодня въ послѣдній разъ мой пріѣздъ заставляетъ васъ уходить изъ залы.

Клара (*въ сторону*). Въ послѣдній разъ, и больше мы не увидимся!.. Разстаться навсегда... съ презрѣніемъ въ сердцѣ... я не знаю... (*подходитъ къ нему*). Альфредъ, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ это наша послѣдняя встрѣча... я все приготовлю, чтобы оставить Англію.

Эвлинь. Оставить Англію?

Клара. Но позвольте, прежде нежели я уѣду, поблагодарить васъ за доброту, которую сирота не скоро забываетъ.

Эвлинь (*манициально*). Оставить Англію!

Клара. Я давно хотѣла это сдѣлать. Но довольно обо мнѣ... Эвлинь, теперь, когда вы женихъ другой... забывая все прошедшее... теперь безъ боязни ошибки, или презрѣнія... мы можемъ вспомнить нѣкоторія чувства нашей прежней дружбы! И ежели бы я смѣла... и бы хотѣла оказать вамъ то, что можетъ сказать только сестра, только другъ.

Эвлинь. Миссъ Дугласъ, Клара, если что-нибудь въ моей власти... Чужіе, блѣдые, говорятъ что я могу, открывая или закрывая руку, влить утѣшеніе или отчаяніе... если... если моя жизнь, моя кровь могутъ оказать вамъ одну изъ тѣхъ услугъ, которыя оказываетъ другимъ мое золото... Говорите, и никогда не забывайте прошлаго, о которомъ вы вспомнили. Да, это прошедшее горько...

Клара (*протягивая ему руку*). И такъ мы друзья! Вотъ, вы снова мой другъ, мой братъ...

Эвлинь. Вашъ братъ... Ахъ! про-должайте..

Клара. Итакъ я буду говорить вамъ такъ, какъ сестра, слабая сама по себѣ,

безъ опытности, могла бы говорить брату, для котораго она чувствуетъ гордость мужчины. Ахъ, Эвлинь, когда вы сдѣлались наслѣдникомъ несмѣтнаго богатства, я любила представлять себѣ, что вы изъ него сдѣлаете. Я знала вашу доброту, ваши познанія, ваши таланты, пламенную душу, скрытую полъ холоднымъ сарказмомъ ума, долго неповнятаго, и видѣла, какъ передъ вами открывается изъ конецъ длинное и обширное поприще. Я думала, что когда-нибудь... далеко отсюда... гдѣ я скоро буду... я услышу ваше имя вмѣстѣ съ тѣми, которые знамениты не по богатству, но по собственному достоинству. Я часто думала въ тайнѣ сердца, проливая слезы гордости и радости, что я когда-нибудь могу сказать себѣ: «и этотъ человекъ любилъ меня!»

Эвлинь. Довольно, Клара, ради Бога, довольно!

Клара. Но такъ ли было? остались ли вы вѣрнымъ самому себѣ? Пышность, богатство, удовольствіе, безразсудства, могли бы отличить другаго; но они только унижаютъ Альфреда. Простите моей смѣлости; мнѣ больно обидѣть васъ. Ахъ! я бы убила себя, если бы когда-то не думала... что...

Эвлинь. Что причиною этихъ безразсудствъ, этого отступленія отъ благороднѣйшей цѣли—были вы сами. Признаюсь, быть-можетъ, послѣ юности, изпившей до дна чашу бѣдности и униженія, я захотѣлъ бы узнать ту блестящую жизнь, на которую смотрѣлъ съ высшей ступени. Но для этой опытности мнѣ довольно было бы мѣсяца, недѣли... Опытность! ахъ, какъ скоро узнаемъ мы, что сердца вездѣ одинаково холодны, души вездѣ одинаково низки, и тамъ, гдѣ солнце освѣщаетъ богача во дворцѣ, и гдѣ дождь мочить рубище нищаго у порога двери. Крайности въ жизни различаются только однимъ: тамъ *порокъ* смѣется и живетъ среди удовольствій, здѣсь преступленіе хмуритъ брови и умираетъ съ голоду. Но вы не отвергнули ли меня потому, что я былъ бѣденъ? Презирайте меня, если хотите; мое мщеніе, быть-можетъ, недостойно, но я холѣ блеснуть передъ вами роскошью, великолѣпиемъ,

окружить себя вѣсѣмъ тѣмъ, что заставляетъ вашу полъ завидовать, чтобы вы сказали: все это было бы мое, если бы я его любила. Но мое богатство было также безсилно, какъ и бѣдность; вы не любите меня ни богатымъ, ни бѣднымъ, и моя судьба рѣшена.

Клара. Счастливая судьба, Эвлинь: вы любите.

Эвлинь. И къ тому же, меня любятъ. *(Послѣ минутнаго молчанія, быстро).* Вы сомнѣваетесь?

Клара. Нѣтъ, я вѣрю... *(Въ сторону).* Можно ли ей не любить Эвлина?

Эвлинь. У Джоржины, быть-можетъ, есть тщеславіе... она вѣтрепа...

Клара. Нѣтъ, не думайте этого; избавивъ ее отъ эгоизма отца, вы можете образовать ее; она еще такъ молода. Она прекрасна, любезна, весела... вы дополните остальное... И теперь, когда между нами не существуетъ ничего горестнаго... даже сожалѣнія... особенно *(улыбалась)* никакой мысли о мщеніи, вы пайдете все прежнее благородство души... Прощайте...

Эвлинь. Нѣтъ, постойте... на одну минуту. Вы еще принимаете во мнѣ участіе! Обманулся ли я въ моей вадежѣ. Зачѣмъ вы отвергли сердце, которое я повергалъ къ ногамъ вашимъ? могли ли вы!... О безуміе! я самъ не знаю, что хочу сказать... мое слово дано другой... Идите, Клара, это будетъ лучше; но когда-нибудь вы будете жалѣть не обо мнѣ...

Клара. Быть-можетъ, эта мысль утѣшитъ его. *(Громко).* Думайте такъ, если хотите; но разстанемся друзьями.

Эвлинь. Друзьями... и все? Вотъ жизнь: вѣжные глаза заставляли васъ забывать горести: одно прикосновеніе руки заставляло трепетать сердце, присутствіе любимаго предмета дѣлало для васъ жизнь раемъ. И черезъ голъ, черезъ мѣсяцъ, черъ недѣлю, мы удивляемся такой мечтѣ. Очарованіе исчезло навсегда. Та, которая такъ скоро забыла васъ, которая возмутила чистоту вашего неба, приходитъ къ вамъ и равнодушно говоритъ: разстанемся друзьями... Идите Клара, идите; будьте счастливы, если можете.

Клара (плача). Жестокій, жестокой до конца... Богъ проститъ вамъ, Альфредъ. *(Уходитъ).*

Эвлинъ. Постойте! ахъ, я вспоминаю ея слова, голосъ, ея взгляды... неужели она меня любить? Она защищаетъ свою соперницу... и между тѣмъ... тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что я повинуюсь слѣпой ревности... Но выборъ сдѣланъ; я долженъ переносить свою участь. (*Входитъ Гревсъ и передъ нимъ слуга, который говоритъ*): Леди Франклинъ за туалетомъ, сударь.

=

СЦЕНА IV.

Гревсъ, Эвлинъ.

Гревсъ. Я подожду.. (*слуга уходитъ*). Она достойна узнать мою покойную Марію. Просить меня къ себѣ, не для того, чтобы утѣшать меня, это быть не можетъ; но чтобы грустить вмѣстѣ... это будетъ печальное свиданіе. (*Примѣтивъ Эвлина.*) Ахъ! отъ вы, Эвлинъ. Я узналъ наковецъ, что представитель мѣстечка Гроджиголя оставить вакантное мѣсто. Зачѣмъ вы сами не хотите быть въ числѣ кандидатовъ? Съ вашими помѣстьями, вы вѣрно успеете.

Эвлинъ. Я презираю эти соломенные оружія, эту вѣчную борьбу силы съ человекомъ. Чтобы я связался съ спорщиками — никогда!

Гревсъ. Вы совершенно правы, и я прошу извиненія.

Эвлинъ (въ сторону.) И однако Клара говорила о честолобіи; она будетъ сожалѣть обо мнѣ, ежели я не захочу отличиться. (*Громко*) Впрочемъ, Гревсъ, какъ ни испорчены люди, наша обязанность стараться, по-крайней-мѣрѣ исправлять ихъ. Англичанинъ обязанъ же чѣмъ нибудь своему отечеству.

Гревсъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ ему чѣмъ нибудь обязанъ. (*Считая по пальцамъ.*) Восточными вѣтрами, туманами, ревматизмами, и налогами... (*Эвлинъ прохаживается въ смущеніи.*) Вы, кажется не въ духѣ... ссора съ невѣстою? Ахъ, когда вы будете женаты мѣсяць, вы увидите, какъ время покажется вамъ долгимъ безъ этого средства.

Эвлинъ. Вы превосходный утѣшитель.

Гревсъ. Но стоите ли вы утѣшенія?

Утромъ вы говорили мнѣ, что любите Клару, или по-крайней-мѣрѣ ненавидите ее, что все равно... (*Бѣдная Марія говорила, что ненавидитъ меня*) а вечеромъ просите руки Джоржины.

Эвлинъ. Клара скоро утѣшится, благодаря сэръ Фредерику.

Гревсъ. Онъ молодъ.

Эвлинъ. Не дуренъ собою.

Гревсъ. Онъ глупъ.

Эвлинъ. Это и сдѣлаетъ его неодолимымъ.

Гревсъ. Однако Клара отказала ему. Я знаю это отъ леди Франклинъ, которой онъ сообщилъ свое отчаяніе, поправляя галстукъ.

Эвлинъ. Любезный другъ... возможно-ли?

Гревсъ. Что съ вами? Вы должны жениться на Джоржинѣ, которая по словамъ леди Франклинъ... искренно привязана къ... вашему богатству. Повѣсьтесь лучше Эвлинъ; они васъ обманывали.

Эвлинъ. Они!... нѣтъ! я обманывалъ самъ-себя. Не странно ли, что во всемъ, что касается разсудка, въ ариѳметикѣ и логикѣ жизни... мы бываемъ умны, и разсудительны? Но гдѣ дѣло идетъ о нашемъ сердцѣ, о нашихъ страстяхъ; гдѣ отбрасываются разсчеты и осторожность свѣта — тамъ и философъ дѣлается глупцомъ! Они обманывали... ежели бы я былъ въ этомъ увѣренъ...

Гревсъ. Любезный Эвлинъ, вы испытывали Клару въ вашей бѣдности; не худо бы было испытать Джоржину въ вашемъ богатствѣ.

Эвлинъ. Ахъ! это правда, совершенная правда. Продолжайте.

Гревсъ. У васъ будетъ прекрасный тестъ. Сэръ Джонъ плачетъ, говоря о вашихъ доходахъ.

Эвлинъ. Сэръ Джонъ, это можетъ быть; но Джоржина...

Гревсъ. Нѣжничаетъ съ вами вечеромъ, а утромъ съ Фредерикомъ.

Эвлинъ. Прошу васъ Гревсъ, говорите серьезно. Что вы хотите сказать?

Гревсъ. Я хочу сказать, что идя сюда, я часто встрѣчаю ее въ салу въ двоимъ съ Фредерикомъ.

Эвлинъ. Какъ! въ самомъ дѣлѣ?

Гревсъ. Чтожъ? человекъ для того я рожденъ, чтобъ быть обманутымъ. Вы ложите... это отъ игры. Въ клубъ говорить, что вы играете въ большую игру.

Эвелинъ. Какъ! говорить? Я проигралъ или выигралъ нѣсколько сотенъ гиней... объ этомъ не стоило и вспоминать. Бѣдный пьетъ, а богачъ играетъ... по одной причинѣ. Но вы правы, это дурное лекарство. Я болѣе не буду играть.

Гревсъ. Мнѣ очень пріятно слышать это, потому что вашъ другъ, капитанъ Смуть, раззорилъ половину молодыхъ наследниковъ въ Лондонѣ. Играть съ нимъ, все равно, что заранѣе объявить себя банкротомъ. Самъ сэръ Джонъ въ отчаяніи; я сегодня встрѣтилъ его. Онъ просилъ меня поговорить съ вами. Кстати, я и забылъ. Вашъ капиталъ у Флаша, Бриска, Кредита и компаніи? (*)

Эвелинъ. А! сэръ Джонъ въ отчаяніи! (въ сторону) Быть игрушкой этого шарлатана! Но, я могу поразить его его же оружиемъ... Гмъ! для чего вы спрашиваете, у Флаша ли мои деньги?

Гревсъ. Потому что сэръ Джонъ узналъ, что дѣла Флаша очень плохи, и просилъ васъ взять изъ этаго дома все, что у васъ тамъ есть.

Эвелинъ. Я займусь этимъ. И такъ, сэръ Джонъ въ отчаяніи отъ моей игры?

Гревсъ. Въ ужасномъ отчаяніи! Онъ даже сказалъ мнѣ, что пойдетъ сего дня въ клубъ, чтобы за вами присматривать.

Эвелинъ. За мной присматривать!... Хорошо, я буду тамъ.

Гревсъ. Но вы мнѣ общаете больше не играть.

Эвелинъ. Да... то есть играть... я чувствую, что мнѣ невозможно отъ этого отказать.

Гревсъ. Любезный другъ, будьте несчастливы сколько вамъ угодно; погубите свое сердце, это все ничего... Но, чортъ возьми! берегите карманы.

Эвелинъ. Я буду сегодня вечеромъ въ клубъ; буду играть съ капитаномъ Смутьемъ; проиграю, сколько мнѣ угодно, миллионы гиней, миллионы, билліоны, и если сэръ Джонъ вздумаетъ присматривать за моими проигрышами, чортъ ме-

(*) Банкиры.

ня возьми, ежели я не проиграю его самага. (Ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ). Я такъ разсыпанъ! Какой это банкиръ, о которомъ вы говорите? Флашъ, Брискъ и Кредитъ. Ахъ! Боже мой, это несчастіе! Теперь поздно взять отъ нихъ назадъ мои деньги. Скажите сэръ Джону, что я много ему обязанъ, и что сегодня вечеромъ онъ увидитъ меня въ клубъ съ моимъ другомъ Смутьемъ. (Уходитъ.)

Гревсъ. Онъ вѣрно сошелъ съ ума! Но я не удивляюсь: онъ мечтаетъ о медовомъ мѣсяцѣ.

Слуга (входя.) Леди Франклинъ проситъ г. Гревса въ будуаръ.

Гревсъ. Въ будуаръ!... Хорошо, хорошо... сейчасъ иду. (Слуга уходитъ.) Мое сердце бьется... Конечно отъ печали. Бѣлая Марія! (Ищетъ платка въ карманахъ.) Нѣтъ блага платка! можно ли быть несчастнѣе меня? я увижусь съ дамой, чтобы поговорить о милой покойницѣ, а у меня какой-то желтой, красный, голубой фуляръ, который собственно вынуть изъ кармана неутѣшному вловцу. Ахъ! счастье не перестаетъ терзать чувствительныя сердца... Будуаръ! ахъ, будуаръ! (уходитъ.)

СЦЕНА V.

Леди Франклинъ, потомъ входитъ Гревсъ.

Леди Франклинъ. Только бы удался мой планъ! Я не могу подумать о немъ безъ смѣху. Штъ! вотъ онъ.

Гревсъ, (вздыхалъ). Ахъ! леди Франклинъ.

Леди Франклинъ (вздыхалъ). Ахъ, господинъ Гревсъ! (садясь.) Извините, что я заставила васъ дожидаться. Неправда ли, сегодня прекрасная погода?

Гревсъ. Восточный вѣтеръ, сударыня; но для васъ всѣ дни одинаково прекрасны!... Вы счастливы! Бѣлая Марія! Она тоже была всегда весела.

Леди Франклинъ. Да, она была весела... Сколько живости! Какой характеръ!

Гревсъ. Характеръ! О, подобнаго характера ни у кого не было.

Леди Франклинъ. И когда что-нибудь

олашевляло ее, она была такъ прекрасна! Глаза ея дѣлались такими блестящими!

Гревсъ. Очень блестящими, неправда ли? Ха! ха! ха! Помните ли вы ея милую привычку топать ногою? Самую маленькою пзъ всѣхъ маленькихъ ножекъ... Мнѣ кажется, какъ будто я вижу ее. Ахъ! вотъ разговоръ трогательнѣ!

Леди Франклинъ. Какъ она мило играла на нашихъ домашнихъ театрахъ!

Гревсъ. Помните ли вы ея роль въ *Ревнивомъ Мужъ*? Ха! ха! ха! ха! она играла превосходно! Ха, ха!

Леди Франклинъ. Ха! ха! да, въ первомъ дѣйствіи, когда она выходитъ и говорить вамъ: «*Ваша жестокость, ваша нечувствительность будутъ причиною моей смерти!*»

Гревсъ. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! больше энергій. (*Подражал покойницѣ*) «*Ваша жестокость, ваша нечувствительность будутъ причиною моей смерти!!!*» Ха! ха! Я долженъ знать, какъ она говорила это; потому что она дѣлала мнѣ репетицію два раза въ день, бѣдпажка! (*утираетъ глаза.*)

Леди Франклинъ. И она такъ хорошо пѣла! Она сочиняла... Какую это французскую арію она такъ любила?

Гревсъ. Ахъ, да! веселую арію? Постойте, постойте...

Леди Франклинъ (поетъ.) Тамъ ти, ти тамъ, ти, ти, ти. Нѣтъ, это не то.

Гревсъ (тоже.) Тамъ, ти, ти тамъ, ти, ти, ти, тамъ, тамъ, тамъ! (*Поютъ вѣсть, и Гревсъ падаетъ на стулъ, говоритъ:*) Ахъ! какія воспоминанія! это слишкомъ трогательно.

Леди Франклинъ, (въ сторону.) Ежели я еще заставляю его танцовать со мною, онъ мой. (*Гроико.*) Это очень трогательно; но мы всѣ смертныя. (*Вздыхаетъ.*) Когда у васъ было собраніе въ Рождество, помните какъ она плясала шотландскую джигу съ капитаномъ Макнотевъ!

Гревсъ. О какъ же, какъ же!

Леди Франклинъ. Замѣчайте же на. Такъ, кажется? (*танцуетъ.*)

Гревсъ. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. Вотъ, смотрите. (*Онъ поетъ ла, ла, ла, и они*

танцуютъ вѣсть.) Такъ точно, превосходно, удивительно!

Леди Франклинъ (въ сторону.) Теперь кончено. (*Продолжаетъ танцовать и Гревсъ лобуется ею, между тѣмъ всходитъ сэръ Джонъ, Блоунтъ и Джорджина, и останавливаются въ изумленіи.*)

Гревсъ. Обворожительно! чудесно! Я вижу перелъ собой самую Марію... Постойте, вотъ такъ; дайте мнѣ руку... (*останавливаясь передъ сэръ Джономъ.*) Фу? чортъ возми; одному мнѣ такое несчастіе! (*Леди Франклинъ убѣгаетъ.*)

Сэръ Джонъ. Ай да господинъ Гревсъ...!!

Джорджина и Блоунтъ. Еще, еще, bravo! bravo!

Гревсъ. Это ошибка... я... я... сэръ Джонъ, леди Франклинъ... я... О, Марія! покрайней мѣрѣ ты не видишь этого.

Джорджина. Прошу васъ продолжайте.

Блоунтъ. Мы вамъ не мѣшаемъ.

Гревсъ. Мѣшать мнѣ! я долженъ замѣтить, что это невѣроятная... это неприличная грубость... приходитъ подслушивать жалобы несчастнаго другу, раздѣляющему его страданія... по таковы люди!

Джорджина, (слѣдуя за нимъ.) Господинъ Гревсъ!

Гревсъ. Нечувствительная жепщина!

Блоунтъ (идя за нимъ.) Лкбезный господинъ Гревсъ!

Гревсъ. Легкомысленный человекъ!

Сэръ Джонъ. Остапся у насъ, обѣдать.

Гревсъ. Каменное сердце!

Всѣ. Ха! ха! ха! ха!

Гревсъ. Чудовища! прощайте! (*Уходитъ, преслѣдуемый сэръ Джономъ и другими старающимися его удержать.*)

СЦЕНА VI.

Внутренность Крофордскаго клуба. Вечеръ.— Освѣщеніе.— Маленькіе столы и софы съ газетами, чаемъ, кофе ипр. Нѣсколько членовъ клуба толпятся вокругъ каминъ; одинъ изъ членовъ положилъ ноги на спинку кресель; другой на столъ; третій на каминъ. На лѣво, на авансценѣ, старый членъ читаетъ журналъ, сидя возлѣ маленькаго круглаго стола.— На право карточный столъ, передъ которымъ сидитъ капитанъ Долиа Смутъ, прилебивши лимонадъ. Въ глубинѣ театра другой карточный столъ.

Глоссморъ, Стотъ.

Глоссморъ. Вы не часто ходите въ клубъ, Стотъ?

Стотъ. Нѣтъ. Время дорого: часъ, проведенный въ клубъ, все равно, что пропадашій капиталъ.

Старый членъ (читая журналъ.) Мальчикъ, табакерку. (Мальчикъ приноситъ табакерку.)

Глоссморъ. Итакъ, Эвлинь пустился въ игру; я вижу Делли Смута, который спокойно ждетъ добычи. Сегодня должно быть, будетъ славное дѣло, потому что Смутъ пьетъ лимонадъ, чтобы не разгорячаться. О, искусный человекъ! (Входитъ Эвлинь, кланяясь и подавая руку нѣкоторымъ членамъ.)

Эвлинь. Какъ поживаете, Глоссморъ? здравствуйте Стотъ! вы, я думалъ, не играете: политическая экономія никогда не играетъ въ карты. А! Смутъ... въ пикетъ! (Члены клуба толкаютъ друга друга локтемъ съ значительнымъ видомъ; Стотъ переходитъ на другую сторону съ табакеркою, и старый членъ сердито на него смотритъ.)

Смутъ. Любезный Альфредъ, во что вамъ угодно. (Они садятся.)

Старый членъ. Мальчикъ, табакерку! (Мальчикъ беретъ табакерку Стота и приноситъ ему.)

Блоунтъ (входя.) Ба! Эвлинь опять играетъ... Э! Глоссморъ!

Глоссморъ. Да, Смутъ прилепулъ къ нему какъ пѣвка. Искусный человекъ Смутъ!

Блоунтъ. Не хотите ли составить партію?

Глоссморъ. У васъ есть еще два партнёра.

Блоунтъ. Да, Флатъ и Гриппъ.

Глоссморъ. Плохіе игроки!

Блоунтъ. Я взялъ себя за правило играть съ плохими игроками. Это все равно, что брать по пяти на сто. Я пѣвнижу игру; во вкогда ве отказываюся, если мои партнёры играютъ хуже мепя. (Блоунтъ беретъ табакерку: старый членъ гнѣвно взглядываетъ на него. Блоунтъ Глоссморъ, Флаитъ, Гриппъ садится у стола въ глубинѣ сцены.)

Смутъ. Партія кончена, Альфредъ.

Эвлинь, (передавая ему банковый билетъ.) Прежде, пожелаю будемъ продолжать игру вопросъ: отъ сегодняшняго четверга сколько вы захотѣте выиграть у мепя къ будущему вторнику?

Смутъ. Какой вы организаля, Альфредъ!

Эвлинь (пишетъ на бумажникъ.) Сорокъ партій въ вечеръ; четыре вечера, исключая воскресенья; въренъ счетъ?

Смутъ (заглядывая на счетъ.) Втрпо... если я все ихъ выиграю... что почти невозможно.

Эвлинь. Вы можете выиграть вдвое, но съ условіемъ... Умѣете ли вы хранить тайну?

Смутъ. Любезный Альфредъ, я не получалъ въ наследство ни гроша; я никогда не издерживалъ менѣе 4,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и я ни одной душѣ не говорилъ, какъ я это дѣлаю.

Эвлинь. Итакъ, выслушайте мепя. Одно слово... (Говорятъ другъ другу на ухо.)

Старый членъ. Мальчикъ, табакерку. (Мальчикъ приноситъ ему табакерку.—Входитъ сэръ Джонъ.)

Эвлинь. Понимаете?

Смутъ. Совершенно: очень радъ услужить вамъ.

Эвлинь (срѣзываетъ.) Вамъ славать. (играютъ.)

Сэръ Джонъ (охаеъ.) Мой будущій злѣ сорить деньги, и ведетъ себя какъ глупецъ! (Беретъ табакерку; старый членъ гнѣвно на него смотритъ.)

Блоунтъ. Ну Флатъ, копчимъ. (Вста-

етъ и считаетъ деньги). Ба! сэръ Джонъ, вы не играете?

Сэръ Джонъ. Играть! Боже избави! Еще проигралъ!

Эвлинь. Чортъ возьми карты! Я удвоиваю кушъ.

Смутъ. Какъ вамъ угодно: кончено.

Сэръ Джонъ. Да, кончено.

Старый членъ. Мальчикъ, табакерку. (*Мальчикъ беретъ ее у сэръ Джона.*)

Блоунтъ. Я выигралъ восемь points, не рискнуть ли... я никогда не проигрывалъ... я не играю съ Деэли Смутъ. (*Беретъ табакерку; старый членъ сердито смотритъ на него.*)

Сэръ Джонъ (*заглядывая къ Смуту, двѣляетъ знаки нетерпѣливъ.*) Сжалитсѣ ли надъ нами Господь? У Смута семь... Какъ велики ставки?

Эвлинь. Не мѣшайте намъ... у меня только четыре. Ставки, г. сэръ Джонъ, овъ огромны! Вотъ несчастіе! ни одной карты. Уйлите отсюда, сэръ Джонъ; я пачишаю бѣситься.

Старый членъ. Мальчикъ, табакерку! (*Мальчикъ приноситъ ему.*)

Блоунтъ. Сто гиней на съѣдующую ставку, Эвлинь!

Сэръ Джонъ. Глупость! глупость! не сбивайте его; все рыбы такъ и бѣгутъ на удочку!

Эвлинь. Сто гиней, Блоунтъ. О, ты всегда счастливъ... Я утроиваю кушъ, Смутъ.

Сэръ Джонъ. Я какъ на иглокахъ! Будьте покойнѣе, Эвлинь, внимательнѣе къ игрѣ, мой другъ. (*Беретъ табакерку.*)

Эвлинь. Какъ! какъ! Вы выиграли! проклятыя карты!.. другую колоду? (*Бросаетъ карты назадъ на сэръ Джона.*)

Старый членъ. Мальчикъ, табакерку. (*Нѣсколько членовъ толпятся вокругъ ироковъ.*)

Первый Членъ. Я никогда не впадалъ, чтобы Эвлинь сердился; вѣрно ужъ слишкомъ много проигралъ.

Второй Членъ. Да, это интересно.

Сэръ Джонъ. Интересно! бездѣльничь!

Первый Членъ. Бѣлаяжка! онъ разорится въ мѣсяцъ.

Сэръ Джонъ. У меня выступаетъ холодный потъ.

Второй Членъ. Этотъ Смутъ совершенный чортъ.

Сэръ Джонъ. Я спроважу въ алъ этого чорта!

Глоссморъ, (*положа руку на плечо сэръ Джона.*) А Смутъ искусный игрокъ! Сто фунтовъ стерлинговъ на эту игру, Эвлинь. (*Сэръ Джонъ беретъ табакерку; прежняя гримаса стараго члена.*)

Эвлинь. Вы? чудо! тысячу фунтовъ стерлинговъ.

Старый Членъ. Мальчикъ, табакерку.

Стотъ. Мнѣ кажется, что и я рискну. Двѣсти фунтовъ стерлинговъ на эту партію, Эвлинь.

Эвлинь (*оборочиваясь.*) Ха! ха! ха! успѣхи просвѣщенія наконецъ сошлись съ конституціею. Ахъ, Стотъ, Стотъ, счастье... Двѣсти фунтовъ стерлинговъ! ха! ха! ха! Я отдаю, Стотъ; чудесно! политическая экономія... ха! ха! ха!

Сэръ Джонъ. Опъ совсѣмъ потерялся... онъ заговаривается, стыдитесь сами себя! Вы его родственникъ. Они все въ заговорѣ: это просто шайка... (*Негодование членовъ клуба.*)

Стотъ (*членамъ.*) Штъ! Эвлинь женится на дочери сэръ Джона.

Первый Членъ. Какъ! на дочери? О! Члены (*хоромъ.*) Ха! ха! ха!

Старый Членъ. Мальчикъ, табакерку.

Эвлинь (*вставая, очень встревоженный.*) Довольно: и больше не играю. Слишкомъ довольно; Глоссморъ! Стотъ, Блоунтъ, я заплачу вамъ завтра... я... я... Чортъ возьми! это разорительно. (*Беретъ табакерку; прежняя гримаса стараго члена.*)

Сэръ Джонъ. Разорительно! я очень вѣрю. Сколько онъ проигралъ? Сколько онъ проигралъ, Смутъ? не слишкомъ много, не правда ли? (*Все окружаютъ Смутъ.*)

Смутъ. Бездѣлицу, сэръ Джонъ. Извините, мы никогда не говоримъ своихъ выигрышей. (*Блоунту.*) Какъ поживаете? (*Глоссмору.*) Кстати, Карлъ, не хотите ли продать вашъ домъ въ Гросвенорской улицѣ? Двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Э? —

Глоссморъ. Хорошо; а мебель еще около трехъ тысячъ.

Смутъ. Гмъ! мы поговоримъ. (Смoтритъ свой портфель.)

Сэръ Джонъ. Двѣнадцать и три—пятнадцать. Какое чертовское хладнокровіе!.. Пятнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, Смуть?

Смутъ. О! самый домъ никуда негодится; но мѣсто хорошее... Мнѣ кажется я буду въ состояніи его поправить, любезный Джонъ.

Старый членъ. Мальчикъ! табакерку (Онъ запускаетъ въ нее руку, дѣлая гримасу; больше ничего нѣтъ. Онъ отдаетъ ее мальчику, чтобы ее наполнить).

Сэръ Джонъ (оборачиваясь). Нѣтъ, нѣтъ!

Эвлинъ. Ничего нѣтъ! равно ничего. Смуть! клубъ слишкомъ шумевъ; сэръ Джонъ, вы всегда мѣшасте... Приходите ко мнѣ: мы поужинаемъ и выпьемъ шампанскаго. Кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не имѣетъ: счастье можетъ пережвѣняться, мы кончимъ въ одну ночь!

Сэръ Джонъ. Въ одну ночь! Ради Бога, Эвлинъ!, подумайте о томъ, что вы хотите дѣлать; подумайте о чувствахъ Джорживы; вспомните о вашей бѣдной покойной матери, подумайте о вашихъ будущихъ дѣтяхъ... подумайте...

Эвлинъ. Я не хочу ни о чемъ думать! Вы не знаете, что я проигралъ. Это ваша вина: вы поминутно мѣшали мнѣ. Ха! ха! ха! Смуть, еще одну почку!

(Смутъ и Эвлинъ уходятъ.)

Сэръ Джонъ, (сплудя за нимъ). Вы не будете играть, вы не должны играть... Эвлинъ! любезный Эвлинъ! онъ пьянъ... онъ сошелъ съ ума. Ужъ не пойти ли за полиціей?

Члены клуба. Ха! ха! ха! Бѣдный скрлг!

Старый членъ (вставая въ совершенномъ бѣшенствѣ). Мальчикъ! табакерку.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передняя комната въ домъ Эвлива. ТАБУРЕТЬ, МЕКФИНЧЪ, ФРАНЦЪ и другіе поставщики.

Табуретъ, (въ поволоку). Говорятъ, что г. Эвлинъ сдѣлался игрокомъ. Сегодня ходятъ странные слухи. Я незнаю, что объ нихъ думать. Намъ, купцамъ, нужно крѣпче держаться, г. Мекфинчъ, и косить сѣно пока есть солнце.

Мекфинчъ. Я бы желалъ, чтобы всѣ игорные дома пошли къ чорту. Стыдно для молодаго джентльмена итти разоряться, когда мы, честные купцы, можемъ сдѣлать это съ выгодною для искусствъ и торговли.

(Всѣ купцы дѣлаютъ головою знакъ

одобренія, входитъ Смуть съ портфелемъ и карандашемъ въ руку.)

Смутъ (осматривая все въ передней). А! прекрасныя картины! (шупаетъ занавѣсъ). Бархатныя, по новой модѣ! Гмъ! прекрасная мебель! Да, этотъ домъ лучше Глоссморова. А! г. Табуретъ, обойщикъ, ты мебелировалъ эту комнату! Все здѣсь лучшее.

Табуретъ. Все, самое лучшее. Г. Эвлинъ не имѣетъ привычки смотрѣть на издержки, сударь.

Смутъ. О, очень вѣрю, тебѣ конечно заплачево, Табуретъ?

Табуретъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ. У богатыхъ людей я долго не представляю счета. (Въ сторону). Счета какъ деревья растутъ въ ожиданіи.

Смутъ. Ужь! незаплачено! (*Вся толпятся вокругъ Табурета*).

Макфинчъ. Мнѣ не нравится это уфъ! что-то подозрительно.

Табуретъ (*друмигъ*). Это капитанъ Смуть, первый игрокъ въ Европѣ! Тотъ самый, который пустилъ по міру герцога Сидявали. Искусный человекъ!

Смутъ (*мѣрля переднюю болящими шагами*). Тридцать шесть шаговъ въ длину, и осьмнадцать въ ширину. Гмъ! кажется, что здѣсь хорошо бы слѣдвать полукруглое обѣдъ. Это я думаю не трудно, Табуретъ?

Макфинчъ. Если г. Эвлину угодно перелвливать свой домъ, то это лучше всего можетъ слѣдвать мой другъ Мекстукко.

Смутъ. Эвлину? я говорю о себѣ. Мекстукко, говоришь ты?

Табуретъ. Вы купили этотъ домъ, сударь?

Смутъ. Купилъ? гмъ! Это зависть... Такъ вамъ не заплачено? ни тебѣ, ни тебѣ?

Табуретъ. Нѣтъ, сударь; но что до этого? развѣ намъ можно опасаться на счетъ г. Эвлина?

Вся (*съ безпокойствомъ*). Чего вамъ должно опасаться?

Макфинчъ. Ахъ, сударь, чего намъ опасаться?... на два слова, капитанъ. Я бывшій человекъ, съ большимъ семействомъ. Въ моихъ книгахъ есть за вами не большой счетъ: мы вычеркнемъ его, ежели вамъ угодно будетъ сказать, что значать эти — гмъ!

Смутъ. Другъ Макфинчъ, не заставь меня взятъ за палку. Я не хочу, чтобы безпокоили Эвлина. Бѣдняжка! у него очень плохія карты. Такъ вамъ не заплачено? По крайней-мѣрѣ-не присылайте взшихъ счетовъ... слышите. Я конечно не испорчу этого дома, слѣлавъ въ немъ нѣкоторые переправки. Прощайте господа... гмъ! (*Уходитъ, смотря во всѣ стороны, разсматривая стулья, столы и проч.*)

Табуретъ. Ясно какъ день... овъ поставилъ свой домъ на плохую карту.

СЦЕНА II.

Прежніе, Шарпъ *входитъ встревоженный.*

Шарпъ. Боже мой, Боже мой!.. Кто бы подумалъ это! Карты—чертовская книга! Джонъ! Томасъ! Гарри? (*Звонитъ, и входитъ два лакея*). Томъ отнеси это письмо сэръ Джону Визи. Если не найдешь его дома... ищи вездѣ... Овъ дастъ тебѣ посылку. Ступай къ его банкиру, и получи отъ него *сво мниту*. Скорѣе! скорѣе! пошешь!

Табуретъ (*останавливая лакея*). Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло? Что г. Эвливъ?

Лакей. Худо, очень худо! Овъ провель всю ночь съ капитаномъ Смутью. (*Убѣгаетъ*).

Шарпъ (*другому лакею*). Да, Гарри, твой бѣдвый баринъ! Увы! увы! отнеси это письмо къ министру Бельгін, на портлендской площади. Паспортъ въ Остенде. Чтобы почтовая карета была готова.

Макфинчъ (*останавливая лакея*). Паспортъ! послушай, дружокъ: овъ хочетъ вѣрно отделить отъ насъ деньги моремъ?

Лакей. Не останавливайте меня;—болитъ грудь—перемѣна климата,—и капитанъ Смуть. (*уходитъ*).

Шарпъ (*ходитъ взадъ и впередъ*). А если банкъ не заплатитъ... капитану Смуту.

Табуретъ. Банкъ... какой банкъ?

Шарпъ. Банкъ Флаша! Флаша, зятя капитана Смута; что вы говорите? э?

Табуретъ. Что этотъ домъ слишкомъ много долженъ!

Шарпъ. Мнѣ нужно итти... Ступайте; вамъ нельзя видѣть сегодня г. Эвлина.

Табуретъ. Мой счетъ, сударь!

Макфинчъ. У меня тѣмъ дѣтей и плохая память.

Францъ. О, сударь! прежде всего надо полумать о портвомъ.

Шарпъ. Приходите послѣ... къ Рождеству. Банкъ, карты... карты, банкъ. Увы! (*уходитъ*).

Табуретъ. Банкъ!

Макфинчъ. Паспортъ!

Францъ. А плаща Эвлива, невидать какъ своихъ ушей. *Donner und hager!* Я остававляваю его. Я положу ему соли на хвостъ.

Табуретъ (*въ сторону*). Я проберусь, и узнаю, въ какомъ состояніи банкъ Флаша.

Мекфиничъ. Я посоветуюсь съ знающими людьми. Намъ остается только терпѣніе, господинъ Табуретъ.

Табуретъ. Да, да: будемъ дѣйствовать за одно: раздѣлимъ одну участь: это ужъ моя привычка.

Всѣ. Раздѣлимъ одну участь. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Входитъ слуга, Глоссморъ и Блоунтъ.

Слуга. Баринъ не совсѣмъ здоровъ, милордъ; но я доложу. (*Уходитъ.*)

Глоссморъ. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, чѣмъ кончилась эта партія наединѣ.

Блоунтъ. О, онъ такъ богатъ, что это вѣрно для него ничего незначитъ.

Глоссморъ. Бѣднѣйскія скряга Джорж! Но Джоржина была обещана вамъ?

Блоунтъ. Да, я очово любилъ молодую миссъ, хотя на зло ей и строилъ куры ея кузницъ. Но что можетъ сдѣлать человекъ противъ денегъ? (*Входитъ Эвливъ.*) Если бы мы были равно богаты, вы бы увидѣли, кого изъ двухъ предпочтеть Джоржина. Она жертва отца. Она сама мнѣ это сказала.

Эвливъ. Господа, намъ надо сосчитаться... сто гиней каждому.

Глоссморъ и Блоунтъ. Не говорите объ этомъ.

Эвливъ. Охотно. (*Отводя Блоунта въ сторону.*) Ахъ, вы не захотите мнѣ вѣрить; но я очень радъ не платить вамъ теперь, у меня нѣтъ денегъ, и я долженъ ждать доходовъ изъ Гроджинголя. И такъ, вмѣсто того, что я вамъ долженъ сто гиней, вообразите, что я вамъ долженъ *пятьсотъ*. Вы можете дать мнѣ остальные четыреста; и прошу васъ, ни слова объ этомъ Глоссмору.

Блоунтъ. Глоссмору! первой сплетницѣ въ Лондонѣ! и въ восхищеніи. (*Въ сторону.*) Не худо давать въ займы богачу: всегда останешься въ выигрышѣ. Кстати, Эвливъ, если вы хотите имѣть мою сѣрую лошадь, то я отдаю вамъ ее за двѣсти гиней; такъ всего будетъ семь сотъ.

Эвливъ (*въ сторону*). Это молный грабежъ: вашъ другъ не беретъ съ васъ процентовъ, онъ продаетъ вамъ лошадь. (*Громко.*) И такъ, это рѣшено Блоунтъ.

Блоунтъ (*пишетъ росписку съ разсыяными видоизм.*) Кажется, въ этомъ нѣтъ для меня ничего худого; лошадь хромаетъ.

Эвливъ (*Глоссмору*). Сто гиней, которыя я вамъ долженъ, теперь очень меня беспокоятъ: мнѣ нужна большая сумма для моего помѣстья въ Гроджинголь: можете ли вы мнѣ одолжить четыреста или пять сотъ фунтовъ стерлинговъ?

Глоссморъ. О, конечно! Гонкикъ умеръ; ваша помощь Сэйферу....

Эвливъ. О! теперь я не могу вамъ обещать *этого*. Но въ доказательство моей дружбы и призвательности, мнѣ очень лестно будетъ, если вы примете чудесную лошадь, которую я сегодня купилъ... за двѣсти гиней.

Глоссморъ (*въ сторону*). Сегодня купилъ... значить мнѣ нечего бояться. (*Громко.*) Любезный другъ, вы всегда покупаете, какъ принцъ.

Эвливъ. Бездѣлица; дайте мнѣ росписку, и прошу васъ, ни слова объ этомъ Блоунту.

Глоссморъ. Блоунтъ городская трещетка. (*Пишетъ.*)

Блоунтъ (*подавая свою росписку Эвливу*). У Вамсома.

Эвливъ. Благодарю... Вы просили руки миссъ Дугласъ?

Блоунтъ. Ну; да! Я готовъ былъ божиться, что правлюсь ей. Помните ли вы ее въ тотъ день, какъ вы свѣдали предложеніе миссъ Визи... и хочу сказать Джоржинѣ.

Эвливъ. У нея нѣтъ и половины приданого миссъ Дугласъ.

Блоунтъ. Вы забываете, сколько долженъ накопить старый скряга! по извините меня...

Эвлинъ. Понимаю васъ. Но ни слова сэръ Джону, а то онъ подумаетъ, что я разорился.

Глоссморъ (*передавалъ ему росписку.*) У Рамсона. Скажите, сегодня ночью вы выиграли или проиграли?

Эвлинъ. Програть! выиграть! Не будемъ лучше объ этомъ говорить, если вы мнѣ другъ. Мнѣ нужно точчасъ же поспать къ бакиру. (*Смотритъ на двѣ росписки.*)

Глоссморъ (*въ сторону.*) Какъ, онъ также занялъ у Блоута!

Блоутъ. Это росписка лорда Глоссмора.

Эвлинъ. Извините меня. Мнѣ вѣло одѣться. Я не могу терять ни минуты. Вы знаете, что обѣдаете сегодня со мною. Смутъ съ вами... (*прерывающимся голосомъ.*) Быть можетъ, я принимаю васъ здѣсь въ послѣдній разъ. Мой... что я говорю?—шутка.... Прощайте, до свиданія! (*уходитъ.*)

Блоутъ. Глоссморъ!

Глоссморъ. Блоутъ!

Блоутъ. Я боюсь, чтобы не было плохо.

Глоссморъ. Я думаю тоже.

Блоутъ. Но я продалъ ему мою струю лошадь.

Глоссморъ. Струю лошадь. Вы! Сколько она стоитъ?

Блоутъ. Такъ какъ она уже продана, я скажу вамъ... не стоитъ двѣнадцати копѣекъ.

Глоссморъ. Онъ далъ мнѣ ее! (*Эвлинъ, въ глубинѣ театра, отдаетъ приказанія лакеямъ.*)

Блоутъ. Это непріятно. Мнѣ дурно.

Глоссморъ. Дурно! пойдѣте скорѣе оставовить платежъ по нашимъ роспискамъ. (*Эвлинъ запираетъ дверь, и слуга проходитъ черезъ сцену.*)

Блоутъ. Эй, Джонъ, куда ты такъ бѣжишь?

Слуга (*съ озабоченнымъ видомъ.*) Извините, сэръ Фредерикъ. Къ г. Рамсову. (*Уходитъ.*)

Блоутъ (*сердито.*) Глоссморъ, мы въ дуракахъ.

Глоссморъ. Весь городъ узнаетъ это! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Токъ и другіе слуги.

Токъ. Ну, ну, двигайтесь. Намъ вѣче-го терять времени. Это поставьте сюда для шалей. Мистрисъ Крумиъ и другія домашнія пуетъ прислуживаютъ дамамъ. Прочь этотъ столъ! дайте мнѣ журналъ. (*Между тѣмъ, какъ Токъ садится, слуги ходятъ взадъ и впередъ.*) Стравные слуги носятся о осемъ баринъ. — Томъ побѣждалъ за паспортомъ. (*Входитъ Францъ, съ пакетомъ.*)

Францъ. Господинъ Токъ, добрый господинъ Токъ, и привезъ вамъ маленькій подарокъ.

Токъ. Джонъ и Карлъ, выйдите. (*Двое слугъ уходятъ.*) Я не хочу развращать этихъ людей.

Францъ (*показывалъ Току панталоны.*) Вашъ господинъ разорился. Онъ хочетъ убѣжать. Мы оба въ... какъ это назвать?... въ одной лодкѣ, господинъ Токъ. Позвольте только провести черезъ дворъ моего друга Клотча, и я его сегодня же арестую.

Токъ. Я принимаю эти панталоны; но вы забыли набить карманы.

Францъ. Въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ. (*Даетъ ему банквой билетъ.*)

Токъ. Рѣшетка на дворъ будетъ отперта. Дѣляйте все осторожнѣе; безъ костей, какъ говорятъ Французы.

Францъ. Добрый господинъ Токъ, завтра я набью другой карманъ. (*Уходитъ.*)

Токъ. Я не слишкомъ доволенъ своимъ господиномъ. (*Входитъ слуга.*)

Слуга. Какія лампы зажечь, господинъ Токъ? Ужъ становится поздно.

Токъ. Не мѣшай мнѣ... я обдумываю. Да, да, нѣтъ никакого сомнѣнія. Карлъ, отперта ли дверь на дворъ?

Слуга. Ахъ, все серебро въ кухнѣ... Я побѣгу и...

Токъ. Не вѣло; оставь ее отпертою.

Слуга. Но...

Токъ (*съ достоинствомъ.*) Это для оцѣнки. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Эвлинъ, Гревсъ.

Гревсъ. Вы взяли свои деньги отъ Флоса и Бриска?

Эвлинъ. Нѣтъ.

Гревсъ. Нѣтъ! Такъ... (*Входятъ сэръ Джонъ, леди Франклинъ и Джорджина*).

Сэръ Джонъ. Вы просили пятьсотъ гиней?... Очень радъ, что могу...

Эвлинъ (прерывая его.) О, какъ я вамъ благодаренъ... Какъ вы добры, и такъ кстати... Пятьсотъ гиней! Вы не знаете цѣны пятистамъ гинеймъ. Никогда я не забуду вашего великодушія.

Сэръ Джонъ (въ сторону.) Благодарность, великодушіе... Неужели онъ меня дурачить?

Эвлинъ. И въ этомъ непріятномъ случаѣ...

Сэръ Джонъ (въ сторону.) Непріятномъ! Онъ выбираетъ самыя гадкія слова изъ лексикона.

Эвлинъ. Я счелся съ Смутомъ; но все еще не совсѣмъ спокоенъ, и вы должвы мнѣ оказать другую услугу. Я еще не все заплатилъ за мое помѣстье въ Гроджинголь; остальные деньги я долженъ заплатить на этой недѣлѣ... кажется, завтра. Я уже продалъ часть доходовъ; деньги лежатъ у банкира, а я не могу взять ихъ потому что, ежели не заплачу въ назначенный день, то теряю и помѣстье и залогъ.

Сэръ Джонъ. Что онъ еще мнѣ скажетъ?

Эвлинъ. Богатство Джоржины десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я всегда думалъ, любезный сэръ Джонъ, что подарю вамъ эту бездѣлицу.

Сэръ Джонъ. Ахъ, Эвлинъ, ваше великодушіе трогаетъ меня. (*Утираетъ глаза*.)

Эвлинъ. Но извѣстіе о моихъ проигрышахъ испугало некоторыхъ. У меня въ эту минуту столько тѣгостныхъ долговъ, что... что... что... Но я вижу, что Джоржина слушаетъ, и потому обращаюсь къ ней...

Сэръ Джонъ. Нѣтъ, вѣтъ; дѣвицы ничего не понимаютъ въ этихъ вещахъ.

Эвлинъ. Я имсвно для того - то и хочу говорить съ нею. Здѣсь вопросъ не

о вещахъ, а объ чувствѣ. Стотъ, покажите сэръ Джону моего Корреджіо.

Сэръ Джонъ (въ сторону.) Чортъ возьми его Корреджіо. Этотъ человекъ рожденъ, чтобъ меня мучить.

Эвлинъ. Милая Джоржина, сколько вы меня знаете, мнѣ кажется, вы можете вѣрить моей чести?

Джоржина. И вы могли сомнѣваться?

Эвлинъ. Признаюсь, что въ эту минуту я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Я имѣлъ слабость много проиграть, и сдѣлать еще нѣкоторые долги. Я общаюсь вамъ, никогда болѣе не играть. Мои дѣла могутъ поправиться; но въ первые пять лѣтъ вашего замужства намъ необходимо будетъ жить скромнѣе.

Джоржина. Скромнѣе!

Эвлинъ. Нужно будетъ, быть-можетъ, жить совсѣмъ въ деревнѣ.

Джоржина. Совсѣмъ въ деревнѣ!

Эвлинъ. Ограничить наши издержки.

Джоржина (въ сторону.) Ограничить издержки! Я знала, что вамъ угрожаетъ что-нибудь ужасное!

Эвлинъ. И теперь, Джоржина, вы можете избавить меня отъ большихъ безпокойствъ и хлопотъ. Мои деньги задержаны... мнѣ необходимо заплатить долги, на честное слово... Вы совершенвольны... у васъ есть десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Сэръ Джонъ (который слушалъ вѣстость съ Стотомъ.) И на горячихъ угольяхъ!

Эвлинъ. Если вы можете дать мнѣ ихъ займы на одну недѣлю... Вы въ нерѣшимости. Ахъ, вѣрите болѣе чести того, кто будетъ нашимъ супругомъ, нежели клеветѣ глумцовъ, которыхъ называютъ свѣтомъ. Хотите-ли вы дать мнѣ этотъ залогъ довѣрія? Безъ довѣрія, что такое женитьба?

Сэръ Джонъ (тихо Джоржинѣ.) Нѣтъ! (*Гроико, смотря въ лорнетъ на картину*). Да, Корреджіо превосходенъ.

Стотъ. Да, но посмотрите на сюжетъ. *Джоржина (въ сторону.)* Быть можетъ, онъ хочетъ испытать меня; но лучше прелоставлю все батюшкѣ.

Эвлинъ. Что-жъ?

Джоржина. Вы... получите мой отвѣтъ завтра. (*Въ сторону*.) Ахъ! вотъ

милой сэръ Фредерикъ! (*Идетъ къ Блоуиту.* *Входятъ Глоссморъ и Смутъ; Эвлинъ кланяется имъ, и особенно услуживаетъ Смуту.*)

Леди Франклинъ (*Грессу.*) Ха! ха! не смѣшно ли—намъ вчера помѣшали?

Грессъ. Не говорите мнѣ никогда объ этомъ оскорбленіи.

Глоссморъ (*Стоту.*) Смотрите, какъ Эвлинъ ухаживаетъ за Смутомъ.

Стотъ. Какая низость! *Смутъ*... записной игрокъ... человекъ, который живетъ игрою... Я бы не хотѣлъ звать такого человека.

Смутъ (*Глоссмору.*) Итакъ Гопкинсъ умеръ? Вы хотите замѣнить его Сайферомъ? Э!

Глоссморъ. Какъ!... развѣ вы можете это сдѣлать?

Смутъ. *Смѣшной Чарльзъ!* Очень радъ услужить вамъ.

Стотъ. Какой вѣсъ думаетъ онъ имѣть въ Гроджинголь? *Глоссморъ,* представьте меня Смуту.

Глоссморъ. Какъ! игроку? человеку, живущему игрой?

Стотъ. Полно! его ремесло все равно что капиталъ, безирестанно возрастающій. Я самъ представляюсь. Какъ ваше здоровье, капитанъ Смутъ? Мнѣ кажется, мы идѣли въ клубъ; мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами. Что вы скажете объ дѣлахъ націи? Плохи, плохи! никакихъ успѣховъ; уменьшеніе общественныхъ доходовъ, невѣжество въ финансовыхъ оборотахъ. Одинъ человекъ можетъ спасти отечество, и это—Попкинсъ.

Смутъ. Онъ членъ парламента господни Стотъ? Позвольте узнать ваше имя?

Стотъ. Вениаминъ. Нѣтъ, избиратели такъ слыли, что даже не умѣютъ оценить его; онъ только ораторъ. Онъ немного занкается... Но за то мастеръ своего дѣла. Нельзя ли, чтобъ его выбрали въ Гроджинголь?

Смутъ. Господни Вениаминъ, объ этомъ надо подумать.

Эвлинъ (*выходя впередъ.*) Друзья, прошу васъ садиться; я хочу посоветоваться съ вами. Сегодня годъ, какъ я наслаждался несметною богатство, и по

счастливому стеченію обстоятельствъ, въ тотъ же день свискала ваше уваженіе; теперь я хочу знать, могъ ли я лучше издерживать мои доходы, по вашему мнѣнію...

Глоссморъ. Невозможно! утовченный вкусъ, чудесный домъ.

Блоуитъ. Прекрасныя лошади! (*Тихо Глоссмору.*) Особенно сѣрая.

Леди Франклинъ. Превосходныя картины!

Грессъ. И превосходный поваръ, сударыня!

Смутъ (*опуская руки въ карманъ.*) Я лучшей судья, Альфредъ, и по моему мнѣнію, вы не могли лучше истратить вашихъ денегъ.

Весь (*исключая сэръ Джона.*) Совершенная правда!

Эвлинъ. Что вы скажете, сэръ Джонъ? Вы, можетъ-быть, находите меня немного расточительнымъ; но вы знаете, что въ свѣтъ одно средство заставить уважать себя—хорошенько мотать.

Сэръ Джонъ. Конечно, конечно... Нѣтъ, лучше васъ невозможно было поступить. (*въ сторону.*) Я не знаю, что сказать.

Джорджина. Конечно. (*Съ насмѣшкою.*) Не ограничивайте вашихъ расходовъ, любезный Альфредъ!

Глоссморъ. Ограничивать! что можетъ быть простонароднѣе?

Стотъ. Простонародно, сударь; нѣтъ, хуже. Это противъ всѣхъ правилъ общественной правды. Теперь вся знаютъ, что расточительность есть благодѣніе для народовъ; что она поощряетъ искусства, даетъ занятіе художникамъ и умножаетъ ремесла.

Эвлинъ. Вы успокаиваете меня; признаюсь, я думалъ, что человекъ, достойный такихъ искреннихъ друзей, могъ бы занять чѣмъ-нибудь лучшимъ, кромѣ званныхъ объдовъ, моднаго одѣванья, и игры.

Глоссморъ. Все вздоръ! Это болѣе всего намъ правитель! (*Въ сторону.*) Все-таки, я хотѣлъ бы, что бы онъ отдалъ мнѣ мои шестьсотъ гиней.

Эвлинъ. И въ сегодня такіе же друзья мои, какъ и тогда, какъ мнѣ нужно бы-

ло десять фунтовъ лѣд мой старой кор-
миллицы.

Сэръ Джонъ. Въ тысячу разъ болѣе,
другъ мой. *(Всѣ аплодируютъ; захо-
дитъ Шарпъ.)*

Смутъ. Кто таковъ нашъ новый другъ?

Эвлинъ. Этотъ? — тотъ самый, кото-
рый первый объявилъ мнѣ о томъ богат-
ствѣ, которое ло вашему мнѣнью я такъ
хорошо издержалъ. — Но въ чемъ дѣло,
Шарпъ? *(Шарпъ отвѣчаетъ ему на
ухо.)*

Эвлинъ (громко.) Бавкъ лопнулъ!

Сэръ Джонъ. Какой банкъ?

Эвлинъ. Флаша, Бриска и кампанія.

Глоссморъ (Смуту.) А Флашъ вамъ
зять. Я очень жалю.

Смутъ (нюхал табакъ.) Напрасно,
Чарльзъ: я не имѣлъ денегъ у Фла-
ша.

Сэръ Джонъ (Эвлину.) Я говорилъ
вамъ... Взяли ли вы свой капиталъ?

Эвлинъ. Увы, нѣтъ.

Сэръ Джонъ. Но много ли вы имѣли
у Флаша?

Эвлинъ. Не говорилъ ли я вамъ, что
плата за Гроджинго. лѣбыла у моихъ бан-
кировъ?... Но нѣтъ, нѣтъ... не пугай-
тесь; она была не у Флаша: у Гоара...
у Гоара, слышите? увѣрю васъ, у Фла-
ша было немного моихъ денегъ... право,
клявусь честью! Завтра, Шарпъ, мы по-
говоримъ объ этомъ. Еще одинъ день; да
по-крайней-мѣрѣ одинъ день надо весе-
лится.

Сэръ Джонъ. О, прекрасное веселье!

Блоунтъ. А онъ завилъ у меня семь-
сотъ гиней.

Глоссморъ. А у меня шестьсотъ.

Сэръ Джонъ. А у меня пятьсотъ.

Стотъ. О, онъ порядочный плутъ.

Смутъ (сэръ Джону.) Джонъ, ска-
жите не время ли назначить хорошую
пѣву за весь этотъ домъ какъ онъ есть —
съ мебелью, картинами, книгами, брор-
зами и статуями.

Сэръ Джонъ. Боже всемогущій!

Стотъ (сэръ Джону.) Вы замѣша-
ли свою дочь въ худое дѣло. — Въѣлъ дочь
тотъ же капиталъ: отнимите ее.

Сэръ Джонъ (идя къ Джорджинъ.)
Ахъ! я боюсь, что мы слишкомъ суро-
вно обходились съ сэръ Фредерикомъ.

Онъ прекрасный молодой человекъ. *(Вхо-
дитъ Токъ.)*

Токъ, (Эвлину.) Извините сударь, Мек-
финчъ непремѣнно требуетъ, чтобы я от-
далъ вамъ это письмо.

Эвлинъ (читая.) Каково, сэръ Джонъ!
этогъ неголй Мекфинчъ хочетъ непре-
мѣнно, чтобъ ему заплатили: самое дерз-
ское письмо!

Токъ. Сударь; обойщикъ Табуретъ
стоитъ внизу и говоритъ, что не вый-
детъ отсюда, пока ему не заплатятъ.

Эвлинъ. Не выйdetъ, пока ему не за-
платятъ! Что дѣлать, сэръ Джонъ?
Смутъ, что дѣлать?

Смутъ. Ежели онъ не хочетъ вытти,
пока ему не заплатятъ, то велите слѣ-
лать ему постель, и я при описи возьму
его вмѣсто мебели!

Эвлинъ. Вамъ хорошо шутить, Смутъ;
но... *(Входитъ посланный отъ судьи, по-
даетъ бумагу Эвлину и тихо говоритъ
ему.)*

Эвлинъ. Что это? Портной Фраппъ!
бездѣльникъ! Чортъ возьми, это слыш-
комъ... Сэръ Джонъ, я арестованъ.

*Стотъ, (весело ударяя по плечу
сэръ Джона.)* Онъ арестованъ, любез-
ный другъ; но я не давалъ ему, взаимы
ни копѣйки.

Эвлинъ. И за бездѣлцу! Сто пятьде-
сятъ фунтовъ. Сэръ Джонъ, потрудитесь
заплатить этому негодю, или поручи-
тесь за меня, или что вамъ угодно...
между тѣмъ, какъ мы будемъ ѣдать.

Сэръ Джонъ. Заплатить!... поручить-
ся!... Чортъ меня возьми, ежели я что
вибудь сдѣлаю! Ахъ, мои пятьсотъ гиней!
Мои пять сотъ гиней! Господинъ Аль-
фредъ Эвлинъ, отдайте мнѣ мои пять-
сотъ гиней.

Гревсъ. Я сдѣлаю большую глупость;
потеряю душу и деньги; это мое дѣло.
Эвлинъ, ступайте ѣдать; я сочтусь за
васъ.

Леди Франклинъ. Я васъ люблю за
эту черту.

Гревсъ. Въ самомъ дѣлѣ! такъ я сча-
стливѣйшій... Ахъ, я не знаю самъ, что
говорю.

*Эвлинъ (Джоржинъ, между тѣмъ
какъ Гревсъ уходитъ съ посланнымъ.)*
Не вѣрьте ничему; повторяю вамъ, деся-

ти тысячь фунтовъ стерлинговъ достаточно, чтобы заплатить за все. Я ожидаю завтра вашего отвѣта.

Джорджина. Да, да.

Эвелинъ. Но не уходите!— И вы также, Глоссморъ? и вы, Блоувтъ? Стотъ? и вы, Смутъ?

Смутъ. Нѣтъ, я не оставлю васъ, пока вы будете имѣть хотя гиней, чтобы поставить на карту.

Глоссморъ. Всего этого можно было впередъ ожидать отъ такого двусмысленнаго человека.

Стотъ. Не задерживайте меня, сударь. Ни одинъ человекъ, съ самымъ простымъ образованіемъ, не расточилъ бы такъ своего богатства. Картины, статуи... ба?

Эвелинъ. Какъ! вы все говорили, что я не могъ лучше издержать моихъ денегъ! ха! ха! какое смѣшное недоразумѣніе! Вы думаете, что я пойду въ тюрьму! ха! ха! зачѣмъ вы не смѣетесь, сэръ Джонъ? ха! ха! ха!

Сэръ Джонъ. Милостивый государь, это ужасное безразсудство!.. Возьми руку сэръ Фредерика, моя бѣдная, невинная и оскорбленная дочь!— Господинъ Эвелинъ, послѣ этой несбыковенной сцены... вы не будете удивляться, что и... чортъ возьми!.. я задыхаюсь!..

Смутъ. Но, любезный Джонъ, они не имѣютъ права арестовать объѣдъ.

Стотъ (въ сторону.) Но избраніе въ Гроджинголлъ будетъ завтра. Это новость можетъ поспѣть поздно уже. (*Съ живостію подходякъ Эвелину.*) Пошкивсь викагда не покупаетъ голоса при избіравіи; но Пошкивсь держитъ съ вами цари тысячу гиней, что онъ не будетъ избранъ въ Гроджинголлъ.

Глоссморъ. Это безчестно, господинъ Стотъ! Сейферъ презираетъ все эти уловки! (*Тихо Эвелину.*) Но изъ любви къ конституціи, назначьте свою цѣну.

Эвелинъ. Я знаю достоинства Сайфера, и знаю глубокія познанія Пошкивса... Но уже слишкомъ поздно: выборъ сдѣланъ.

Джонъ. Обѣдъ готовъ!

Глоссморъ (задумываясь.) Обѣдъ!

Стотъ. Обѣдъ! хорошо!

Эвелинъ (сэръ Джону.) Суть а la tortue, дичина и проч. (*Вся останавливаются.*)

Эвелинъ. Все идетъ хорошо. Пойдемте... Но скажите же, Блоувтъ, Стотъ, Глоссморъ, сэръ Джонъ одно слово. Не одолжите ли вы мнѣ десяти гиней для моей старой кормилицы? (*Вся уходитъ въ негодование.*)

Смутъ и Эвелинъ. Ха! ха! ха!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Крокфордскій Клубъ.

СЦЕНА I.

Глоссморъ, и другіе.

Глоссморъ. Вы думаете, что уже продаютъ его лошадей?

Смутъ. Конечно, Чарльзъ.— Чудесный конскій заводъ!.. гмъ... а! Мальчикъ! стаканъ хересу.

Глоссморъ. Говорятъ, что онъ принужденъ выхвать изъ Аяліи.

Смутъ. Чтожъ, Чарльзъ!— Теперь самое лучшее время для путешествія.

Глоссморъ. Нужно, чтобы сегодня намъ всѣмъ заплатили, и это кажется сомнительнымъ.

Смутъ. Очень сомнительно, Чарльзъ! Гмъ!

Глоссморъ. Но въдъ вы все знаете; зачѣмъ вы не хотите сказать мнѣ, сколько вы выиграли? Домъ потерялъ?

Смутъ. Домъ не потерялъ, Чарльзъ; потому-что я сегодня видѣлъ его на своемъ мѣстѣ. Онъ не подвинулся ни на вершокъ. *(Слуга приноситъ письмо лорду Глоссмору.)*

Глоссморъ, (читая) «Изъ Гроджинголля; очень нужное» что это значитъ? я не понимаю. «Избрали г. Эвлица, и шкото не знаетъ его мнѣній. Мы проиграли. Конституція розстроилась. Сайферъ!» О! Эвлицъ поступилъ безсовѣстно! Онъ заставлялъ выбрать себя, чтобъ его не взяли подъ стражу.

Смутъ. Онъ способенъ на это?

Глоссморъ. Безъ великаго сомнѣнія. *(Входятъ сэръ Джонъ и Блоунтъ.)*

Сэръ Джонъ. Любезный другъ, умевая не каменное сердце, и тоже человекъ. Если Джоржина точно васъ любить, и я увѣренъ, что она васъ любитъ — она ваша: я это сказалъ ей сегодня утромъ.

Блоунтъ. Старая фраза!

Сэръ Джонъ. Она лучшая изъ дѣвицъ, кроткая, безъ хитростей. Ахъ! она была хорошо воспитана. Добрая дѣвушка бываетъ доброю женщиною. Вы сегодня объедаете со мною въ семь часовъ! мы поговоримъ о контрактѣ.

Блоунтъ. Да... я не ищу богатства.

Сэръ Джонъ. Ея десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ будутъ даны ей въ приданое, какъ я уже говорилъ.

Блоунтъ. Выполнѣ, падѣюсь. Право, я...

Сэръ Джонъ. Потомъ, мой милый, я оставляю вамъ всю мою экономію. Ахъ, вы знаете, что меня зовутъ скрягою. Чтожъ! достоинства дѣлаютъ человека.

Смутъ. И чѣмъ больше у него денегъ, тѣмъ больше достоинствъ. *(Уходитъ.)*

Блоунтъ (въ сторону). Да, у него только одна дочь... ей достанется все. Я не вижу тутъ для себя ничего худого, однако десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ... мнѣ понадобятся. Еслибы она только позволила похитить себя, мнѣ бы было лучше... *(Входитъ Стотъ, утирая лицо, и отводитъ сэръ Джона въ сторону.)*

Стотъ. Сэръ Джонъ, мы одурачены. Мой секретарь братъ перваго прикащика Флаша: у Эвлица только триста гиней у этого бавкира.

Сэръ Джонъ. Боже мой! я едва дышу. Но Смутъ, во арестъ... О! онъ вѣрно разорился!

Стотъ. Что касается до Смута «нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы онъ не сдѣлалъ, чтобы услужить»; это комедія, повѣрьте. Смутъ уже обманулъ меня; потому что сегодня Эвлицъ будетъ представителемъ Гроджинголля. Ко мнѣ Попкинсъ прислалъ парочкаго: онъ въ отчаяніи, но не за себя... за отечество. Сэръ Джонъ! что будетъ съ отечествомъ?

Сэръ Джонъ. Какая могла быть цѣль у Эвлица?

Стотъ. Цѣль? какую цѣль можетъ имѣть подобный оригиналъ? человекъ не имѣющій даже политическихъ мнѣній! цѣль? быть можетъ, разорвать союзъ съ вашей дочерью. Берегитесь, сэръ Джонъ, или Гроджингольское помѣстье будетъ потеряно для вашего семейства.

Сэръ Джонъ. А! я начинаю понимать! Но еще не слишкомъ поздно.

Стотъ. По дружбѣ къ Попкинсу, и былъ у лорда Спендвика, бывшаго владѣльца Гроджинголля; я сказалъ ему, что Эвлицъ не можетъ заплатить остальной суммы, а онъ мнѣ отвѣчалъ...

Сэръ Джонъ. Что?

Стотъ. Что Шарпъ уже заплатилъ. Для Попкинса вѣтъ болѣе надежды! Несчастный день Англіи!

Сэръ Джонъ (въ сторону). Джоржина дастъ ему займы! я дамъ! Весь мой домъ дастъ ему. Я снова начинаю чувствовать, что значитъ быть тестемъ! Но и буду остороженъ. Стотъ могъ съ нимъ сговориться... съти... нѣтъ. Однако я самъ пойду къ Спендвику... Сэръ Фредерикъ, извините меня... вамъ нельзя сегодня со мною объесть, и разудивши, мнѣ кажется, что было бы очень дурно оставить бывшаго Эвлица, теперь, когда онъ въ несчастіи. Я не могу и подумать объ этомъ, мнѣ очень пріятно будетъ видѣть васъ у себя какъ друга. Мальчикъ! карету!.. Какъ! они только пошутки! О! въ самомъ дѣлѣ прекрасная шутка! *(Уходитъ.)*

Блоунтъ. Господинъ Стотъ, что вы сказали, сэръ Джону? Что побудило противъ

меня, я знаю. Не оправдывайтесь, я требую удовлетворенія.

Стотъ. Удовлетворенія, сэръ Фредерикъ! какъ будто образованный человекъ можетъ найти удовлетвореніе въ дуэли! я не произнесъ даже вашего имени. Мы говорили объ Эвлинѣ. Знайте только, что онъ и не думалъ раззоряться.

Блоунтъ. Онъ не раззорялся. А! понимаю. Хорошо, увидимъ. Она ждетъ меня въ саду. (*Вынимаетъ маленькіе часы.*)

Стотъ (*вынимая свои большіе часы.*) Мнѣ надо идти въ приходское собраніе.

Блоунтъ. Теперь самая пора. — Десять тысячъ гиней! О! мол кровь кипитъ, — я не позволю себѣ собой такъ поступать. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II.

Компаты сэръ Джона Визи.

Леди Франклинъ, Гревсъ.

Гревсъ. Да, да, я увѣренъ, что бѣдный Эвлинъ все еще любитъ Клару; но вы не увѣрите меня, что она любитъ Эвлина.

Леди Франклинъ. Она въ отчаяніи съ тѣхъ-поръ, какъ узнала о его несчастіи, и вѣрно готова жертвовать всѣмъ, чтобы спасти его.

Гревсъ (*въ полмолоса.*) Пусть она только отдастъ ему его деньги. Я бы очень хотѣлъ испытать ее.

Леди Франклинъ (*звоня.*) Это очень легко. Я привимаю въ ней такъ много участія, что прошу вашему другу все, кромѣ его предложенія жениться на Джоржинѣ. (*Входитъ слуга.*) Гдѣ лѣвцы?

Слуга. Миссъ Визи, кажется, въ саду; миссъ Дугласъ только-что возвратилась домой.

Леди Франклинъ. Какъ, развѣ она не была съ миссъ Визи?

Слуга. Нѣтъ, сударыня; я провожалъ ее къ банкиру Друммонду. (*Уходитъ.*)

Леди Франклинъ. Къ Друммонду. (*Входитъ Клара.*) Скажи мнѣ, Клара, за

чѣмъ ты пришла къ Друммонду въ такое время?

Клара (*въ замѣшательствѣ.*) Ахъ! я... то есть... ахъ, господи! Гревсъ, что Эвлинъ? какъ переноситъ онъ свое несчастіе?

Гревсъ (*хладнокровно.*) Я боюсь, что онъ совсѣмъ потеряется... (*прикладываетъ руку ко лбу.*) Въ городѣ носятъ слухи, что онъ долженъ непременно выехать, даже, быть-можетъ, сегодня.

Клара. Выехать... сегодня?

Гревсъ. Но всѣмъ кредиторамъ его будетъ заплачено; его, кажется, беспокоитъ только мысль, вѣрна ли ему миссъ Визи въ несчастіи.

Клара. Итакъ, онъ ее любитъ?

Гревсъ. Г-мъ! ве знаю.

Клара. Вчера вечеромъ она говорила мнѣ, что Эвлинъ повторялъ ей, будто десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ избавятъ его отъ всѣхъ долговъ... десять тысячъ, не такъ ли?

Гревсъ. Да, онъ такъ говоритъ. Развѣ миссъ Визи даетъ ему займы?

Леди Франклинъ, (*въ сторону.*) Если она сдѣлаетъ это... она не будетъ дочерью сэръ Джона.

Гревсъ. Мнѣ кажется, что моему бѣдному другу нечего надѣяться на великодушныя женщины.

Леди Франклинъ. Очень учтиво! А развѣ мужнины великодушвѣе?

Гревсъ. По-крайней-мѣрѣ, я знаю человека, который въ бѣдѣ, будучи отвергнутъ женщиною, столь же бѣдною, какъ и онъ, получилъ огромное богатство, тотчасъ опредѣливъ отъ имени завѣщателя пожизненный доходъ, — о которомъ тотъ никогда и не думалъ, — той, которая презрѣла его.

Леди Франклинъ. И онъ никогда не говорилъ ей этого?

Гревсъ. Никогда... Вы не вѣрите, миссъ Клара. Прощайте.

Клара (*слѣдуя за нимъ.*) Ради Бога, одно слово. Поняла ли я васъ? Ахъ! какъ я была слѣпа! Благородный Эвлинъ!

Гревсъ. Вы дѣвите его, миссъ Дугласъ; Джоржина хочетъ оставить его? Клара, онъ все еще васъ любитъ... Но развѣ...

это хорошо? я мѣшаюсь въ чужія дѣла, какъ будто они стоятъ того..? (*уходитъ.*)

Клара. Джорджица оставитъ его. Вы такъ думаете? (*въ сторону.*) Ахъ! онъ узнаеть, что писемъ было не отъ нея.

Леди Франклинъ. Она сказала мнѣ вчера вечеромъ, что не хочетъ болѣе его видѣть. Въ самомъ-дѣлѣ, он не такая интересавка, какъ ея отецъ, и любитъ другаго, сколько можетъ любить. Даже будучи невестой Эвлива, она была всякойдеи въ саду съ сэръ Фредерикомъ.

Клара. А онъ одинъ, печальный, оставленный, раззореный! И я, которую онъ обогатилъ, я, созпаніе его благотворительности, я, жещина, когда-то имъ любимая,—остаюсь въ бездѣйствіи, доводствуясь просьбами и слезами! Ахъ, леди Франклинъ, скажитесь надо мною, пахъ нимъ: мы ему родныя; это даетъ намъ право утѣшать его. Пойдемте къ нему; пишите!

Леди Франклинъ. Нѣтъ, не прилично. Я не могу; что скажетъ свѣтъ?

Клара. Всѣ оставляютъ его; я пойду одна.

Леди Франклинъ. Ты такая горячая, мпительная?

Клара. Гдѣ гордость—когда ему нужнаешь другъ!

Леди Франклинъ. Онъ самъ виновъ своего несчастія.... Игрокъ...

Клара. Можете ли вы въ такую мпиту вспоминать о его проступкахъ? Я на это не имѣю права. Все, что я имѣю, да, все отъ него, и я въ томъ никогда не сомнѣвалась!

Леди Франклинъ. Но если Джорджица помогла ему?... что онъ подумаетъ?...

Клара. Что я не оставила его! Если онъ еще любитъ, я имѣю довольно для двонхъ... но это только прекрасный совѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ, чтобы я считала его братомъ... Въ подобную мпиту, мнѣ должно быть его сестрою! Но... я дрожу... Если послѣ всего... если... Однимъ словомъ, не слишкомъ ли я смѣла? Свѣтъ, моя совѣсть могутъ отвѣчать, что... Но неужели вы думаете, что онъ можетъ презирать меня?

Леди Франклинъ. Нѣтъ, Клара, нѣтъ. Твоя душа слышкомъ чиста, чтобы кто нибудь могъ дуло судить о ней. Какое-

то предчувствіе говоритъ мнѣ, что это свиланіе составитъ ваше счастье. Тебѣ нельзя итти одной; мое присутствіе все оправдываетъ. Дай мнѣ руку... мы пойдемъ вмѣстѣ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Эвлива.

Эвлинъ. Да, до-сихъ-поръ все превосходитъ мое ожиданіе. Я уврѣнъ въ Смутѣ; Шарпа я уговорилъ. Мое избраніе въ депутаты покажется средствомъ избѣгнуть тюрьмы. Ха! ха! право, это не много времени продолжится. Но мнѣ нужно еще нѣсколько часовъ, что бы совершенно раззориться. (*Входитъ Гревсъ.*) Ну, Гревсъ, что говорятъ обо мнѣ?

Гревсъ. Ничего хорошаго.

Эвлинъ. Назалъ тому три дня мепя всѣ уважали. Сегодня всѣ ужааются меня, а между-тѣмъ я все тотъ же.

Гревсъ. Гмъ! Зачѣмъ играть?

Эвлинъ. Пустой предлогъ. Преступленіе не играть, но проигрывать. Если бы я раззорилъ Смута, всѣ дружески пожимали бы мнѣ руку, всѣ поздравляли бы мепя. Ахъ, люди, люди! Не напрасно я былъ богатъ и блевъ. Пороки и добродѣтели писаны на незнакомомъ языкѣ, который свѣтъ читаетъ въ худомъ переводѣ, слышапомъ успѣхомъ или неудачю. Вы одни, Гревсъ, не измѣнились со мною.

Гревсъ. Я въ этомъ не вижу ничего особеннаго. Я всегда готовъ проливать слезы съ плачущимъ. (*Въ сторону.*) Я знаю, что дѣлаю глупость, но не могу удержаться. Послушайте, Эвлинъ. Я люблю васъ; я богатъ; дайте мнѣ выпутать васъ изъ бды; по-крайней-мѣрѣ у мепя будетъ предлогъ жаловаться на судьбу—на цѣлую жизнь. Ну, рѣшайтесь.

Эвлинъ (тропуть). Наковецъ я узналъ, что люди могутъ быть добрыми. Любезный другъ, еслибы я имѣлъ пужду въ вашей помощи, я принялъ бы ее; но я могу поправиться самъ собою. Какъ вы думаете, дастъ ли мнѣ Джорджица та-

кое же доказательство своего довѣрія и привязанности?

Грессъ. Развѣ вы будете неутѣшны, если нѣтъ?

Эвлинъ. Не стану скрывать, что я все еще люблю Клару. Наше последнее свиданіе возбудило во мнѣ чувства, которыя могли быть заглушены только всею силою души моей. И не изъ тѣхъ сибаритовъ чувства, которые считаютъ невозможнымъ для человека подавить любовь и называютъ свою слабость неизбежностью судьбы. Это жалкая отговорка жепщицы, потерявшей свою честь; развратника, измѣнившаго другу. Да, сердце союзникъ души, а не предатель.

Грессъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Эвлинъ. Вотъ что: если Джоржина предастся моей судьбѣ; если она захочетъ жить, не въ пищегъ и крайности, во въ скромномъ довольствѣ; если, однимъ словомъ, она любить меня для меня самаго, я навсегда изгону изъ сердца мысль о Кларѣ. Я обручусь съ Джоржиною, и пойду къ алтарю, чтобы оправдать ее привязанность.

Грессъ. А ежели она отвергнетъ васъ?

Эвлинъ (радостно.) И буду опять свободенъ, и тогда... о! тогда я осмѣлюсь просить Клару объяснить прошедшее и осчастливить будущее. (*Входитъ слуга и подаетъ письмо Эвлину.*) По жребій брошенъ. Мечта исчезла. Благородная Джоржина, да, и буду тебя достоинъ!

Грессъ. Джоржина! возможно ли?

Эвлинъ. И какая скромность! Одиѣ только женщины обладаютъ этимъ даромъ! Какъ мы худо судимъ о людяхъ! Я не считалъ ее способною на такое пожертвованіе.

Грессъ. И я также.

Эвлинъ. Теперь уже будетъ низко для меня продолжать это испытаніе; я напишу ей, чтобы успокоить ее благородное сердце. (*Пишетъ.*)

Грессъ. Я бы охотно далъ тысячу гилей, чтобы только маленькая Клара предупредила ее. Но ужъ мнѣ такое счастье! Ежели я пожелаю, чтобы молодой человекъ женился на дѣвушкѣ, то увѣренъ, что она

женится на другой, па зло мнѣ. (*Эвлинъ воитъ.*)

Эвлинъ (слугѣ.) Отнеси это письмо миссъ Визи. Скажи, что я буду къ ней сейчасъ. (*Слуга уходитъ.*) И теперь я навсегда отказываюсь отъ Клары... Зачѣмъ такъ замираетъ сердце? Зачѣмъ, сумая о будущей судьбѣ моей, я нахожу только воспоминаваніе о прошедшемъ?

Грессъ. Теперь вы опять принадлежите Джоржинѣ?

Эвлинъ. Навсегда!

=

СЦЕНА IV.

Слуга докладываетъ о леди Франклинъ и миссъ Дугласъ; Эвлинъ, Грессъ.

Леди Франклинъ. Любезный Эвлинъ, вашъ визитъ, быть-можетъ, покажется вамъ страшнымъ; но мы вамъ родныя; говорить, что вы уѣзжали изъ Англии. Мы пріѣхали безъ церемоній предложить вамъ услуги.

Эвлинъ. Сударыня, и...

Леди Франклинъ. Полно, не бойтесь намъ вѣтриться. Клара вамъ болѣе знакома. Вашъ другъ вѣрно позволитъ мнѣ съ нимъ посоветоваться (*Тихо Грессу.*) Оставимъ ихъ однимъ.

Грессъ. Вы ангель; но вы пришли слишкомъ поздно. (*Уходятъ въ другую комнату, въ которой отворена дверь.*)

Эвлинъ. Миссъ Дугласъ, я не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ. Ваша доброта, участіе...

Клара (увлекаясь.) Эвлинъ! Эвлинъ! не говорите такимъ образомъ. Доброта! участіе!... я уязвила все, все. Я должна говорить о благодарности. Какъ! въ то время, когда я обидѣла васъ... когда вы считали меня корыстолюбивою и холодною, когда вы думали, что я такъ слѣпа, что не могу оцѣнить васъ,—вы заботились о моемъ счастьи... о моемъ богатствѣ... о моей судьбѣ. Вамъ, вамъ обязана я всѣмъ, что исторгло блдную сироту отъ рабства и зависимости! Въ то время, какъ слова ваши были такъ извѣтливны,—дѣла такъ благородны! Ахъ! вели-

кодушный Эвлинъ, такъ это было ваше мщеніе!

Эвлинъ. Вы напрасно благодарите меня. Это мщеніе было пріятно; неужели вы думаете, что ничего не значить чувствовать, что я всюду слѣдую за вами, хотя безъ вашей воли? Что во всемъ, что давало вамъ золото, въ каждой бездѣлкѣ, въ нарядахъ, украшавшихъ насъ въ глазахъ другихъ, во всемъ, что удовлетворило цвинивымъ капризамъ женщины, — я имѣлъ участіе. Даже когда я буду навсегда разлученъ съ вами, когда вы будете женою другаго... если когда-нибудь, счастливою матерью, вы будете внимать вѣжному голосу дѣтей, я могу сказать себѣ: я не чужой этому счастью, я неизвѣстный благодѣтель, котораго она отвергла руку и презрѣла любовь.

Клара. Презрѣла! Смотрите, какъ я презираю васъ. Узнавъ, что вы обѣщали, я забываю свѣтъ, мою гордость, быть можетъ, мой полъ: я думаю только о вашемъ несчастіи... и вотъ я здѣсь!

Эвлинъ (въ сторону.) О, небо! дай мнѣ силы перенести этотъ ударъ! (громко.) Неужели это тотъ самый голосъ, который, когда я былъ у ногъ вашихъ, когда я просилъ только о надеждѣ когда-нибудь называть васъ своею, говорилъ мнѣ только о бѣдности, и отвѣчалъ: никогда?

Клара. Я была бы недостойною любви вашей, еслибы увеличила ваше несчастіе. Эвлинъ выслушайте меня. Мой отецъ, какъ и вы, былъ бѣденъ и великодушенъ; какъ и вы, чувствителенъ къ малѣйшему оскорбленію. Онъ женился, какъ хотѣли жениться вы, на женщинѣ, у которой не было другаго придаваго, кроме бѣдности. Альфредъ, я видѣла, какъ способности моего отца были для него гибельнымъ даромъ; и видѣла, какъ его честолюбіе пало передъ отчаяніемъ; и видѣла борьбу, упреженіе, мученіе его гордости; и видѣла его горькую жизнь, его раннюю смерть; слышала какъ мать моя упрекала себя за эту судьбу на его могилѣ. Скажите, Альфредъ: неужели женщина, которую вы такъ любили, могла заплатить вамъ такую судьбою?

Эвлинъ. Клара, мы бы вмѣстѣ раздѣляли ее.

Клара. Раздѣляли!... О, пусть женщина, которая истинно любитъ, не оправдываетъ своего эгоизма этой мечтою. Въ подобныхъ бракахъ, женщина не можетъ раздѣлять усилія борьбы. Одинъ мужъ долженъ дѣлать все, просить, трудиться, страдать! Женщина, увы! можетъ быть только свидѣтельницею отчаянія. Вотъ почему я отказала вамъ, Альфредъ.

Эвлинъ. Но сегодня я также бѣденъ, какъ и тогда.

Клара. Теперь я уже не бѣдна. Мы не бѣдны. Все мое богатство принадлежитъ вамъ, и ежели половины достаточно на уплату вашихъ долговъ, намъ остается еще другая половина, Эвлинъ.

Эвлинъ. Довольно, довольно... вы не знаете, какія я терплю мученія. Ахъ! когда я могъ имѣть надежду... ахъ! если бы вельми мнѣ заключить любовь въ мое сердце, и ждать лучшихъ дней...

Клара. И такимъ образомъ я пожертвовала бы вашею молодостью обманчивой надеждѣ, пока старость уже препятствовала бы вамъ сдѣлать счастливѣйшій выборъ. Я бы связала васъ клятвами, сдѣлала бы вашу жизнь однимъ ожиданіемъ до-тѣхъ-поръ, пока потеря моей молодости и красоты поздно разорвала бы эту тягостную цѣль. Нѣтъ, Альфредъ, вы и теперь еще меня не знаете.

Эвлинъ. Не знаю васъ! вы ангель, непоятый грубымъ чувствомъ человека! По-крайней-мѣрѣ я могу благоговѣть передъ вами. О, зачѣмъ прежде вы не произнесли предо мною этихъ словъ? Зачѣмъ я слышу ихъ теперь? Слишкомъ поздно... О, небо!... слишкомъ поздно!

Клара. Слишкомъ поздно! Ахъ, что я сказала?

Эвлинъ. Богатство! что оно безъ васъ? Съ вами, я сознаю его могущество: предупреждать все ваши желанія; окружить васъ всемъ, что счастливцы свѣта приносятъ въ дань красотѣ; потому, обладая вами, предпочесть ваше сердце всемъ драгоценностямъ міра... Да, золото, доставившее мнѣ это счастье, было бы для меня богомъ. Но напрасная мечта! Я привязанъ къ другой узамъ благодарности, чести...

Клара. Къ другой! Такъ она вѣрна вамъ въ несчастіи? Я не знала этого... я измѣнила себя. О, стыдъ! Теперь оны должны презирать меня.

СЦЕНА V.

Прежніе. Входитъ сэръ Джонъ, и въ то же время Гревсъ и леди Франклинъ подходятъ къ авансценѣ.

Сэръ Джонъ (принималъ открытый и благородный видъ.) Эвлинь, вчера я поступилъ слишкомъ опрометчиво; согласитесь, что это очень натурально; но Джоржина такъ сильно защищала васъ... (*Леди Франклинъ, которая подходитъ и слушаетъ.*) Сестрица, потрудитесь запереть эту дверь, прошу васъ... что я не могъ ей противорѣчить... что такое деньги безъ счастья? Сдѣлайте же намъ билетъ, потому-что она непремѣнно хочетъ дать вамъ взаимы десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Эвлинь. Знаю: я уже получилъ ихъ.

Сэръ Джонъ. Уже получилъ? Шутите? Право, вотъ уже два лия живу между удольскими тайнствами. Сестрица, вы видѣли Джоржину?

Леди Франклинъ. Не видѣла съ-тѣхъ-поръ, какъ она пошла гулять въ садъ.

Сэръ Джонъ. Ея нѣтъ ни въ саду, ни дома... гдѣ же она?

Эвлинь. Я писалъ къ миссъ Визн, и просилъ ее назначить день нашей свадьбы.

Сэръ Джонъ (радостно.) Въ самомъ дѣлѣ? Идите, леди Франклинъ, найдите ее сейчасъ; она должна быть дома. Возьмите мою карету; вы можете возвратиться въ одну минуту. (*Въ сторону*) Я бы пошелъ самъ, еслибы не боялся оставить Эвлиню, когда оны въ такомъ чудесномъ расположеніи духа.

Леди Франклинъ (Кларѣ, который хочетъ идти за нею.) Нѣтъ, нѣтъ; подожди моего возвращенія. (*Уходитъ*).

Сэръ Джонъ. Э! не отчаивайтесь, любезный другъ. Все мое—ваше. Между тѣмъ, если и могу теперь помочь вамъ тѣмъ-вѣбуль...

Эвлинь. Ха! ха! Вы? вы также, сэръ Джонъ; вы вѣрно читали мое письмо къ миссъ Визн? (*Въ сторону.*) Да и она не узнала ли истину прежде, нежели сдѣлалась столь великодушною?

Сэръ Джонъ. Нѣтъ, клянусь честью! я только заходилъ къ лорду Спену... я хотѣлъ сказать за гороль; Джоржина утѣхала... Можно ли быть несчастіе? (*За сценою слышны крики: Ура! ура! Сивіе! Да здравствуютъ сивіе!*) Что это значитъ? (*Входитъ Шарпъ*).

Шарпъ. Дспутаціи изъ Гроджинголля: вы избраны; вивать!

Эвлинь. А я старался объ этомъ, чтобы угодить Кларѣ.

Сэръ Джонъ. Господинъ Шарпъ, господинъ Шарпъ! Сколько г. Эвлинь потерялъ отъ банкротства Флаша и компаніи?

Шарпъ. О, много... очень много!

Сэръ Джонъ (встревоженный.) Какъ? много!

Эвлинь. Говорите правду, Шарпъ; полно таитья...

Шарпъ. Двести двадцать три фунта, шесть шиллинговъ и три пенса; огромная сумма.

Гревсъ. А! теперь я понимаю. Бѣдный Эвлинь попался въ свои сѣти!

Сэръ Джонъ. Какъ! ха! ха! ха! Комедіа! Такъ, господинъ Шарпъ, оны раззорился?

Шарпъ. Даже головой доходъ не державъ.

Сэръ Джонъ. Достойный человекъ! Я прискочу до потолка! Я счастливѣйшій тестъ во всѣхъ трехъ королевствахъ... и кажется, пріѣхала сестра.

Клара, (Эвлину.) Забудьте, что происходило между вами; ниъ ничего не останется здѣсь дѣлать. Прощайте.

Эвлинь. Если бы вы могли читать въ моемъ сердцѣ, видѣть, какою любовью, уваженіемъ и грустью оно наполнено, вы бы узнали, что богатство ничего не значитъ для счастья жизни; и вамъ должно разстаться... теперь... когда я не плакалъ о смерти моей матери! (*Входятъ леди Франклинъ и Джоржина, а за ними Блунтъ, смущенный и печальный.*)

Грехов. Сама Джоржина!... Пять болѣе писемъ, которое я получилъ сегодня утромъ?

Сэръ Джонъ. Какой чортъ привелъ сюда Блоунта? Джоржина, милая Джоржина, я хочу...

Эвлинъ. Отойдите, сэръ Джонъ.

Сэръ Джонъ. Но я хотѣлъ бы сказать ей одно слово... я хочу...

Эвлинъ. Отойдите, сэръ Джонъ, повторяю вамъ; ни одного слова, ни одного знака. Если ваша дочь должна быть моею женою, пусть одно ея сердце отвѣтствуетъ моему.

Леди Франклинъ (Джоржинъ.) Говори правду, Джоржина.

Эвлинъ. И такъ, вы отдаете мнѣ ваше довѣріе, ваше богатство... Поступая такъ великодушно, точно ли вы считали меня раззорившимся? Ахъ, простите мнѣ это сомнѣніе. Отвѣчайте такъ, какъ бы вы было здѣсь вашего батюшки... Отвѣчайте такъ, какъ бы отъ вашего отвѣта зависѣло счастье или несчастье моей жизни... Отвѣчайте, какъ должно отвѣчать сердце женщины, еще чистое и дѣвственное, тому, который весь отдался ей.

Джоржина. Что опъ хотеть сказать?

Сэръ Джонъ, (дѣлая ей знаки.) Она не хотеть смотреть сюда... Нѣтъ, чортъ возьми! Гмъ!

Эвлинъ. Вы въ перѣшимости? Умоляю васъ, отвѣчайте.

Леди Франклинъ. Правду.

Джоржина. Эвлинъ, ваше богатство могло ослѣпить меня, какъ и другихъ. Вѣрьте, я истинно сожалею о вашемъ несчастіи.

Сэръ Джонъ. Умница! Слышите, Эвлинъ?

Джоржина. Что такое девьги безъ счастья?

Сэръ Джонъ. Правда, правда... благородная чувства!

Джоржина. Ваше предложеніе отвергнуто, какъ сказалъ мнѣ батюшка сегодня утромъ. Я обѣщала мою руку тому, кто уже владетъ моимъ сердцемъ: сэръ Фредерику Блоунту.

Сэръ Джонъ. Я, я сказалъ тебѣ это? неправда, неправда! Она боится насъ, Эвлинъ. Она сама не знаетъ, что говоритъ.

Эвлинъ. Не во снѣ ли это? Но письмо,

которое я получилъ сегодня утромъ?

Леди Франклинъ (смотря на письмо.) Подписано—Друммондъ! Отъ бабкира!

Эвлинъ. Читайте, читайте.

Леди Франклинъ. «...Десять тысячъ гиней отъ неизвѣстной Альфреду Эвлинъ.» Ахъ! Клара, теперь я знаю, зачѣмъ ты ѣздила утромъ къ Друммонду.

Эвлинъ. Клара!... а другое письмо съ тою же подвисью... послѣ котораго я предложилъ мою руку и пожертвовалъ сердцемъ...

Леди Франклинъ. Было писано при мнѣ, и я хранила тайну...

Эвлинъ. Взгляните на меня, взгляните Клара... я свободенъ... простите ли вы меня? любите ли вы меня? будете ли вы моею? Мы богаты... богаты! Я могу дать вамъ богатство, и все его выгоды; и могу посвятить вамъ всю мою жизнь, мои мысли, сердце, душу; и вашъ, Клара, вашъ навсегда!

Сэръ Джонъ. Прекрасно такъ обманывать отца! И васъ также, леди Франклинъ, я долженъ благодарить.

Леди Франклинъ. Должны, потому что безъ меня ваша дочь была бы теперь на дорогѣ въ Шотландію, съ сэръ Фредерикомъ.

Джоржина, (рыдая.) Вы сами говорили, батюшка, что мы слишкомъ жестоко поступили съ Фредерикомъ, и что вы сами все устроите.

Блоунтъ. Переставьте, сэръ Джонъ; вы можете жаловаться только на самого себя и на обманъ Эвлинъ; къ тому же, я не соствѣмъ худая партія для вашей дочери, и десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

Эвлинъ. Я удивляю ихъ! Сэръ Джонъ, что такое девьги безъ счастья?

Сэръ Джонъ. Ба! пустяки... несмѣйтесь надо мною.

Леди Франклинъ. Но если вы не согласитесь, у ней совѣстѣмъ не будетъ мужа.

Сэръ Джонъ. Гмъ! объ этомъ надо подумать (тихо Эвлинъ.) Удвойте же ся прилавое... Хорошо, и не скупъ. (Блоунту) А вы, сдѣлайте ее счастливою. Дочь моя, я прошу тебѣ, (Шиплетъ се за руку.) Дуря!

Гревсъ, (леди Франклинъ). Я боюсь, это заразительно. Какъ вы думаете? Я тоже начинаю чувствовать охоту къ жеванью. Женимся ли мы? скажите откровенно?

Леди Франклинъ. Откровенно... вотъ вамъ моя рука, по съ условіемъ... окончить нашъ тапець въ день свадьбы.

Гревсъ. Согласенъ. Возможно ли? Слава Богу. Марія пасъ не вшитъ.

Смутъ (входя). Какъ поживаете, Альфредъ? Но л, кажется, не во время пришелъ.... здѣсь семейное собраніе.

Блоунтъ. Поздравьте пасъ, Смуть; Джоржиа моя, а....

Смутъ. А наши четыре друга составили партію. Любезный Джовъ, вы какъ будто поставили большой кушъ на дурную карту....

Сэръ Джонъ. Милостивый государь, вы... чортъ возми.... опъ убьетъ, какъ муху. (Входятъ Смуть и Глоссморъ съ стрелителнностью, споря между собою.)

Стотъ. Я увѣренъ, что опъ на нашей сторонѣ....

Глоссморъ. Я увѣренъ, что опъ изъ нашихъ, если его богатство дѣло....

Стотъ. Я узналъ о вашемъ избраніи, Эвлинъ. Поздравляю васъ. Собраніе въ пятницу. Мы палтемся на вашъ голосъ. Должно идти вмѣстѣ съ вѣкомъ.

Глоссморъ. Сохранять конституцію.

Стотъ. Ваше богатство сдѣлаетъ чудеса... Впередъ!

Глоссморъ. Всѣ уважаютъ такихъ владыцъ, какъ вы: будьте смѣлы.

Эвлинъ. Увѣряю васъ, что я очень уважаю мухъ, которыя хлопчутъ по обѣимъ сторонамъ кареты; но вхатъ скорѣе или тише зависить отъ толстаго джентльмена, сидящаго въ каретѣ, и платящаго почталюпамъ. И такъ, вся моя политика состоитъ въ томъ, что я могу сдѣлать для толстаго джентльмена.

Смутъ. Онъ говоритъ о Джонъ Буль. Старый Джонъ!

Эвлинъ (Кларъ). Ахъ, Клара! вы примирили меня со святомъ и людьми. Должно согласиться, друзья, что между глупостями, тщеславіемъ и пороками, дѣйствующими въ комедіи жизни, мы сами виноваты, если не встрѣчаемъ людей, безъ сомнѣнія рѣдкихъ, но которые блестятъ истинной и любовью.

Гревсъ. Но чтобы быть счастливымъ съ истинной и любовью, необходимо еще...

Леди Франклинъ. Доброе здоровье.

Гревсъ. Веселое расположеніе духа.

Клара. Доброе сердце.

Смутъ. Невинную партію въ вистъ.

Блоунтъ. Порядочный запасъ благо-разумія.

Стотъ. Образованность, постепенно возрастающую.

Глоссморъ. Безпристрастная политическія мнѣнія....

Сэръ Джонъ. Званіе свята.

Эвлинъ. И.... побольше денегъ.

О

ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ

ШИллЕРА.

Великимъ поэтамъ, которыхъ провидѣніе посылаетъ въ утѣшеніе человечеству; немногимъ дарована способность создавать свой міръ и свою жизнь, отдѣльно отъ міра и жизни вещественной. Мы удивляемся ихъ произведеніямъ, наслаждаемся ими, но, какъ говорилъ Шиллеръ о Шекспирѣ, напрасно стремимся уловить въ нихъ образъ ихъ творца. Среди безчисленныхъ рядовъ мыслей, картинъ, звуковъ страсти, — напрасно стараемся получить понятіе о *человѣкѣ*, который разсыпалъ передъ нами сокровища своего гения. Въ созданныхъ другихъ, напротивъ, и люди, и природа, — все носитъ отпечатокъ души самаго поэта; все служитъ самымъ вѣрнымъ отраженіемъ ихъ чувствъ, изображеніемъ самымъ живымъ ихъ собственной жизни. Не разбирая, которые изъ этихъ поэтовъ выше, скажемъ, что Шиллера, не ошибаясь, можно отнести къ послѣднимъ. Для него поэзія была высокою подругою; ей онъ повѣрялъ мысли, ощущенія, которые она одна можетъ понимать, она одна можетъ выразить на своемъ божественномъ языкѣ: Онъ любилъ ее, любилъ науки для нихъ самихъ, для чистаго наслаженія, которое доставляютъ онъ тому, кто предается имъ душою. Шиллеръ, равнымъ образомъ, можетъ служить типомъ поэта нѣмецкаго, съ дѣтства напитаннаго основательнымъ ученіемъ, которое обратилось въ привычку и необходимость въ продолженіе жизни

не развлекаемой никакими вѣшними вліяніями, которая, болѣе или менѣе, овладѣваютъ поэтами другихъ націй. Въ своемъ глубокомъ уединеніи, онъ жилъ въ сферѣ доступной только душамъ, которая отъ юности привыкла пятаться размышленіями о важнѣйшихъ предметахъ жизни и судьбы человѣческой. И гдѣ же болѣе поэзіи, какъ не въ этихъ внутреннихъ радостяхъ и горестяхъ, которыя пробуждаются въ насъ думами о назначеніи человека, о его будущей жизни, его нравственной свободѣ, о скоротечности времени, о вѣчности? Не трогаетъ ли насъ невольно характеръ поэта, который примѣшиваетъ эти возвышенные и ден и образы ко всемъ ощущеніямъ; соединяетъ ихъ съ мыслию о любви, находитъ отголосокъ ихъ во всей природѣ; не можетъ удивляться, любить, не возносясь къ первоначальному и вѣчному источнику любви и благодати. И какъ много внутреннихъ бурь совершается въ жизни такого поэта, — въ жизни, по видимому, столь мирной, ограниченной тѣснымъ кругомъ семейства и роднаго города! Читайте творенія Шиллера и вы поймете это; вы будете слѣдовать шагъ за шагомъ за всеми переворотами его существованія. Тамъ болѣе замѣтно это въ его лирическихъ стихотвореніяхъ. Сначала онъ является въ нихъ, обуреваемый страшнымъ умственнымъ волненіемъ, — въ ту эпоху жизни, когда, по словамъ г-жи Севинье, бурные порывы молодости

не так уже оглушают насъ, чтобы мы не могли заглянуть въ себя, о себѣ размыслить; въ ту эпоху, когда будущее не кажется уже необъятнымъ полемъ для надежды, а жизнь—вѣчностію; когда начинаютъ страсти, когда безотчетные порывы ума смѣняются размышленіемъ, когда человекъ понимаетъ, что время уже въ самомъ дѣлѣ начать путь жизни, къ которому до сихъ поръ онъ только готовился; когда устанавливается характеръ, опредѣляются наклонности и вѣровавія, и тѣ, которымъ предназначено чѣмъ нибудь сдѣлаться, составляютъ себѣ понятіе о томъ, чѣмъ они будутъ... Дайте, вы видите Шиллера жертвою любви; игрушкою страстей; видите, какъ онъ колеблется между добродѣтельными намѣрѣніями и буйнымъ ветерпѣніемъ при мысли о всякомъ нравственномъ игѣ; колеблется и въ вѣрѣ, безъ которой не могла существовать душа подобная его душѣ; но онъ никогда не впадаетъ въ сухое, легкомысленное безвѣріе.

Есть что-то чрезвычайно горестное въ чувствѣ существа, которое сомнѣвается не есть ли земная добродѣтель высокой обманъ, и между тѣмъ сознаетъ, что человекъ носитъ въ душѣ законъ добродѣтели и необходимость долга; сознаетъ, что самое благородное наслажденіе есть знать его, ему слѣдовать. Невольно любишь поэта, который очарованъ добродѣтельно даже и тогда, когда готовъ назвать ее обманомъ; невольно умиляешься, повторяя его восклицаніе: «Творецъ! дай мнѣ крылья, чтобы я могъ долетѣть до тебя!» Отвлеченный отъ поэзіи изученіемъ исторіи и философіи, Шиллеръ возвращается къ ней въ расположеніи духа менѣе горестномъ, и раздраженномъ. Стихъ его не выражаетъ болѣе терзавій юной, пылкой души, но тихую грусть человека, который жилъ уже на самомъ дѣлѣ,—размышлялъ, узнавалъ страданіе по опыту. Предметъ его думъ не измѣнился: его все занимаетъ природа и судьба человека. Философія не дала ему увѣренности, которой душа его такъ настоятельно требовала. Но она убѣдила его, что идея безконечнаго существа—не созданіе ума человеческого, но идея души его отъ вѣка, необходимое условіе его существованія;

что чувство долга не есть слѣдствіе человеческого разсужденія, но источникъ, начало этого разсужденія. Чтобы цвѣтн стихотвореніи Шиллера и понимать всю ихъ прелесть, необходимо переенестись и въ область его мыслей. Сознаніе пустоты и тщеты человеческой мудрости видно вездѣ въ твореніяхъ позднѣйшихъ эпохъ. Не рѣдко онъ съ кроткою ироніею доказываетъ недостатки ея философіи и тщетныя тревоженія умствователей. Видно, что мечты разрушились, но сердце его не ожесточилось, а только научилось пользоваться своими надеждами и желаніями; душа узнала разницу между благородною, обильною, спокойною жизнію мечты и бѣдною, тревожною жизнію существованія, но въ то же время научилась и бороться съ земными препятствіями, одушевляясь надеждою лучшей жизни за гробомъ.

Первое произведеніе Шиллера, его *Разбойники*—можно назвать страннымъ феноменомъ, характеризующимъ эпоху, въ которую онъ писалъ его. Какимъ образомъ въ душѣ юноши, котораго покровительствовалъ и одобрялъ самъ государь, воспитывая его съ молодыми людьми знатныхъ фамилій, какимъ образомъ пробудилась въ душѣ его, которой всѣ наклонности, были, впрочемъ, такъ благородны, добродѣтельны, благотивны, эта слѣпая ненависть къ общественнымъ правиламъ и учрежденіямъ, которыя, между тѣмъ для него собственно были добродѣтельны? Главная дѣль *Разбойниковъ* развитіе мыслей. Дѣйствіе и занимательность—въ нихъ предметы второстепенные. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что не хотѣлъ сочинить драму, во только заимствовалъ ея форму. Самая идея драмы есть уже оскорбленіе просвѣщенія; она состоитъ въ томъ, чтобы показать благородную, добродѣтельную душу, которая не можетъ найтн для себя мѣста въ обществѣ, гдѣ жизнь направляется закономъ, ввергается въ общество преступниковъ и тамъ находитъ болѣе поэтическое употребленія своихъ способностей. Сочинитель ставитъ разбойничій вертепъ въ параллель съ обществомъ и отдаетъ все преимущество первому. Конечно, Шиллеръ

не первый выдумалъ изобразить дѣйствіе, производимое на воображеніе независимую бродяжническую жизнь; выразить впечатлѣніе, порожаемое нравственнымъ чувствомъ, когда оно добровольно принимается людьми свободными отъ всѣхъ законовъ. Подобныя картины мы находимъ у Шекстера въ *Двухъ Веронцахъ*; съ глубокою шутивостію ихъ изобразилъ Лесажъ въ *Жильблязь*; есть онъ и у Фильдинга въ его *Ионаванъ Вильдъ*; у Сервантеса, еще съ большею глубокостію и большимъ сходствомъ съ Шиллеромъ, являются онъ въ эпизодъ разбойника *Рока Гинара*; и наконецъ, кто не знаетъ *Рабъ-Роя*, *Вальтера-Скотта* и портретовъ *Робинъ-Гуда* и *Тука* въ его очаровательной поэмѣ *Иванъ-Гос*. Но всѣ эти писатели лишь мимоходомъ трогаютъ струну человеческаго сердца; Шиллеръ, напротивъ, отбросивъ всякое драматическое правдоподобіе, находитъ какое-то странное удовольствіе съ восторженнымъ краснорѣчіемъ оскорблять все, что люди считаютъ священнымъ. Безъ стыда, безъ отвращенія, наперекоръ всякому позванію человеческого сердца, онъ выставляетъ столь же сомнительнымъ, какъ и добродѣтель. Расположеніе, въ которомъ онъ писалъ, было даже столь горько и холодно, что онъ не почувствовалъ надобности оживить сердце слушателя хотя нѣсколькими благородными и чистыми звуками; все его вдохновеніе истощилось въ изображеніи трехъ развращенныхъ лицъ. Для довершенія отвратительности драматическихъ разговоровъ, изъ которыхъ состоитъ почти вся пѣса, Шиллеръ не прибавилъ къ нимъ ничего, чтобы могло занять или возвысить воображеніе читателя. Если бы дѣйствіе происходило, какъ у названныхъ выше писателей, въ вѣкъ безпорядковъ, междоусобій, среди суровости среднихъ вѣковъ; если бы оно соединялось съ изображеніемъ нравовъ еще грубыхъ, если бы

лица заимствовали нѣкоторое величіе отъ историческихъ воспоминаній, — пѣса была бы облагогожева, во Шиллеръ помѣстилъ своихъ *Разбойниковъ* въ наше время, съ вашими правами, среди всѣхъ обстоятельствъ, которыя насъ окружаютъ въ борьбѣ съ настоящимъ обществомъ. Впослѣдствіи, самъ авторъ сожалѣлъ о безобразіи этого произведенія, объясняя его только расположеніемъ духа, въ которомъ оно было написано... «Въ теченіе 8 лѣтъ, говоритъ онъ, энтузіазмъ мой боролся съ законами заведенія, въ которомъ я былъ воспитанъ; во страсть къ поэзіи пылка и могуча, какъ первая любовь. То, что должно было бы ее заглушить, лишь оживляло ее новою силою. Чтобы избавиться отъ положенія, которое было для меня пыткой, сердце мое устремилось въ міръ мечты. Но міръ дѣйствительности постоянно оставался мнѣ чуждымъ; меня раздѣляли съ нимъ желѣзныя преграды. Я не зналъ людей; потому что четыреста человекъ, которые меня окружали, были всѣ одишь и тотъ же человекъ, копія одного и того же образца; всякая оригинальность, всякая свобода природы, столь разнообразной и богатой, — исчезала. Я не зналъ женщинъ: двери вашего заведенія отворялись только для тѣхъ, которыя еще не могутъ завимать, или для тѣхъ, которыя уже перестаютъ быть занимательными. Въ этомъ незнаніи людей и человеческого сердца, линія, отдѣляющая ангела отъ демона, неминуемо должна была ускользнуть отъ моего пера. По необходимости, я создалъ чудовище, какого къ счастью, не существуетъ въ мірѣ. Я желалъ бы однако же сохранить это произведеніе для потомства, какъ примѣръ уроковъ созданныхъ, порожаемыхъ соединеніемъ гевія и неволи. *Разбойники* давно вышли въ свѣтъ. Цѣлый міръ считаетъ эту драму оскорбленіемъ своему нравственному величію. Климатъ, въ которомъ это произведеніе получило жизнь, есть его едивственное извиненіе. Изъ всѣхъ обвиненій, которыя на него возводятъ, я сознаю справедливымъ только одно, а именно, что я осмѣлился изо-

бражать людей два года прежде, чѣмъ ихъ увидѣлъ. *Разбойники* стояли мнѣ семейства и отечества. Въ томъ возрастѣ, когда голосъ большинства останавливаетъ наше колебаніе, опредѣляетъ наши мысли и чувства; когда кипящая кровь юности еще болѣе разгорячается отъ взглядовъ одобренія; когда влали онъ видитъ уже божественное безсмертіе, среди наслажденій первыми, неожиданными и везаслуженными похвалами— въ это самое время, въ моемъ отечествѣ, мнѣ запретили писать подѣ страхомъ лишиться свободы... Послѣдствія всѣмъ извѣстны...» Эти строки, если не извиняютъ Шиллера, то доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что онъ чувствовалъ необходимость извиненія. Въ драматическомъ отношеніи *Разбойники* были безспорно признакомъ высокаго дарованія. Власть Карла Мора надъ товарищами, изображена самыми яркими красками. Совершенно повѣрно, что онъ непременно долженъ былъ овладѣть ихъ воображеніемъ и внушить имъ высокое явленіе о своемъ превосходствѣ. Сцена, въ которой онъ вызывается предать одного себя въ руки правительству и самъ привязываетъ себя къ дереву; — удивительна. Развязка отличается простымъ и глубокимъ характеромъ, который производитъ сильное впечатлѣніе.

Въ этой драмѣ, замѣтно рѣшительное подражаніе Шекспиру. Шлегель называетъ Франца Мора копіею *Ричарда III*-го; но копіею, которая не возвышается ни до одного изъ качествъ своего образца, и внушаетъ отвращеніе, не смягчаемое ни какимъ величіемъ. Онъ напоминаетъ также не мѣтѣ лице Эдмонда въ *Король Лиръ*. Слогъ этого отрывка, впрочемъ болѣе лирическаго, нежели драматическаго, чрезвычайно замѣчательнъ.

Фіеско—вторая драма Шиллера, есть безспорно самое посредственное изъ всѣхъ его произведеній. Характеры дурно замыслены и мало развиты. *Перрина*—карриатура республиканца, подражаніе и такъ уже утомительной роли отца въ *Эмилии Галотти*. Шиллеръ желалъ представить въ *Фіеско* блестящій, легкій характеръ вельможи, который въ одно и тоже время занимается дѣлами и предаетъ

ся удовольствіемъ, плѣняетъ прелестью и самовластіемъ своего обращенія, воонъ только успѣлъ сдѣлать изъ него что-то чрезвычайно тяжелое и неловкое. Сцены съ Юліею свободны до такой степени, что ихъ нельзя было бы извинить и тогда, если бы онъ блистали легкостью и остроуміемъ. Шиллеръ еще слишкомъ мало зналъ свѣтъ, чтобы отважиться на подобныя описанія. Самый Мавръ, котораго роль и до сихъ поръ пользуется благосклонностію партера, могъ бы многому поучиться у любого слуги прежней французской комедіи. Должно однакоже сознаться, что идея развязки прекрасна и насколько всъ удивительно, что вся пьеса была написана Шиллеромъ для одной этой идеи. *Фіеско и Коварство и любовь* написаны Шиллеромъ въ ту эпоху литературнаго переворота, когда, отбросивъ старинныя, привычныя формы, необходимость пышнаго, надутаго стиха и условныя несчастія классическихъ привѣссы и героевъ,—стали выводить на сцену событія жизни обыкновенной, — *целовъка*, ве разбирая въ какомъ классѣ общества поставило его провидѣніе, лишь бы онъ своею судьбою, чувствами, дѣлами могъ возбудить живое сочувствіе въ сердцахъ зрителей. Дидеро, во Франціи, первый подалъ поволъ къ этой реформѣ. Лессингъ, съ несравненно большимъ успѣхомъ, ввелъ такъ называемую *итальянскую* драму на нѣмецкую сцену. Гёте въ *Гетцъ фонъ-Верлихингенъ*, Шиллеръ въ *Фіеско и Коварство и Любовь*, заплатили дань требованіямъ эпохи. *Фіеско*, какъ мы уже видѣли, была только неудачная попытка въ этомъ родѣ и вмѣстѣ слабое подражаніе Шекспиру, во *Коварство и Любовь*—чисто мѣщавская трагедія, какъ понимали ее Дидеро и Лессингъ. Эта пьеса донынѣ пользуется чрезвычайно пародностію въ Германіи. Особенно нравится роль музыканта-отца, которая въ самомъ дѣлѣ очень трогательна. Въ идеѣ и подробностяхъ драмы опять замѣтенъ враждебный духъ противъ высшаго класса общества, который, по эту самую, представленъ въ преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ. Шиллеръ еще разъ могъ сказать, что онъ создалъ чудовище, какого не суще-

ствуешь въ міръ. Развращеніе «президента» доведено до степени, переходящей всѣ границы вѣроятія. Для осуществленія мысли Шиллера, достаточно было предположить, что президентъ, имѣя единственною цѣлю жизни свое возвышеніе, заключилъ союзъ съ презрѣнными интригантами; что онъ потворствуетъ порокамъ двора; и поставитъ его въ противоположность съ сыномъ, чистымъ и великодушнымъ юношею, не приписывая ему самыхъ ужасныхъ преступленій. Характеръ Маршала столько же преувеличенъ въ глупости, сколько характеръ президента въ злодѣйствѣ. Впрочемъ, сквозь это преувеличеніе, видно довольно тонкое наблюденіе нравовъ дворовъ наибольшихъ нѣмецкихъ княжествъ. Всего замѣчательнѣе въ этой пьесѣ характеръ, который авторъ придалъ любви. Это любовь совершенно въ духъ нѣмецкой мечтательности, мистическая, вѣчно парящая въ небесахъ, не заботясь о томъ, что происходитъ на землѣ,—любовь, которая глубоко убѣждена въ своей чистотѣ, и потому даже не видитъ никакой надобности бороться съ обязанностями, приличіями, общественными законами, ставить себя выше всего и на все смотреть съ презрѣніемъ.

Характеръ леди Мильфордъ, не смотря на всѣ усилія автора облагородить ея положеніе, сдѣлать изъ нея Магдалину, которой «будетъ много прощено, потому что она много любила», никакъ не восходитъ до идеала.

Донъ Карлоса сталъ писать Шиллеръ съ новымъ уже образомъ возрѣнія на драму. Онъ перемѣнилъ надутую прозу на легкій, бѣлый ямбическій стихъ. Впрочемъ самъ авторъ считалъ эту трагедію менѣе драматическимъ произведеніемъ, нежели поэмою, въ которой онъ желалъ выразить всѣ чувства и мысли, наполнившія его душу въ эту эпоху. Въ *Донъ Карлосъ* замѣтна прежняя наклонность автора къ восторженности и схоластическимъ тонкостямъ; тоже презрѣніе къ положительнымъ законамъ; горькая и преувеличенная сатира въ изображеніи лицъ, которая является представителями этихъ законовъ; таже апогеоза нравственности страстей; но, въ

то же время, эта нравственность страстей приняла характеръ болѣе возвышенный и чистый. Колоритъ сталъ мягче, нѣжнѣе; исчезла наклонность къ положеніямъ раздрающимъ сердце и жестокимъ до зѣрства; поэтический языкъ изгналъ бесполезное и принужденное употребленіе пошлыхъ подробностей. Великій драматическій поэтъ видѣлъ уже здѣсь сквозъ всѣ недостатки. Даръ создавать лица, вдыхать въ нихъ жизнь, могуществомъ воображенія изобрѣтать поразительныя положенія и представлять ихъ такимъ образомъ, что они производятъ полное дѣйствіе на зрителя, еще замѣтитъ въ *Донъ Карлосъ*, нежели въ первыхъ произведеніяхъ Шиллера. Роль Филиппа въ особенности возбѣщаетъ дурованіе, которое, въ послѣдствіи, развилось въ немъ съ такимъ блескомъ. Она уже заставляетъ удивляться его знанію человеческого сердца и тому безпристрастію генія, которое умѣетъ уловлять въ сердцахъ людей ихъ тайныя противорѣчія, которое дѣлаетъ, что изображеніе какого нибудь лица становится уже не сужденіемъ посторонняго зрителя, не созданіемъ поэта, а воскрешеніемъ живаго, мыслящаго, дѣйствующаго существа. Нѣсколько лѣтъ ранѣе, Шиллеръ представилъ бы Филиппа тираномъ, на которомъ бы излилъ всю свою ненависть къ деспотизму. Теперь же, характеръ его не менѣе ненавистенъ, но причины, почему онъ такимъ сдѣлался, болѣе развиты. Старый деспотъ почти внушаетъ участіе оттого, что поэтъ искусно раскрылъ его душу и показалъ, что и въ ней, какъ и въ душѣ каждаго человека, находятся источники добра и зла. Безпредѣльная гордость, которая заставляетъ его считать себя существомъ совсѣмъ другой природы, чѣмъ прочіе люди, представлена съ большою глубиною, какъ причина его развращенія и горестнаго одиночества. Въ этомъ заключается главная мысль роли; изъ нея же поэтъ извлекъ и наказаніе Филиппа. «Въ могилѣ есть человекъ, который отказалъ мнѣ въ уваженіи»—слова поразительныя красотою и силою въ положеніи тирана. Справедливо удивляются высокой и оригинальной сценѣ Филиппа съ великимъ

инквизиторомъ. Когда является этотъ старикъ дряхлый, слѣпой, чуждый до того дѣйствию и когда король, обладатель двухъ полушарій, столь самовластный, столь глубоко проникнутый чувствомъ своего величія, дрожитъ передъ нимъ, какъ дитя, — внезапный трепеть овладѣваетъ воображеніемъ. Оно глубоко поражено таинственнымъ, безпредѣльнымъ могуществомъ инквизиціи. Характеръ маркиза Позы далекъ отъ исторической истины. Его восторженность не естественна и отвлеченна; между тѣмъ невольно увлекаешься жаромъ, если лица, то самаго поэта. Все стремленіе души возвышенной, исполненной любви къ добру, является и въ самыхъ грѣхахъ его энтузіазма. Всякій помнитъ сцену Филппа съ Медивой. — Сидоніею въ присутствіи графовъ, и знаменитый отвѣтъ деспота, «я послалъ мой флотъ противъ непріятелей, а не противъ стихій.» Какое непріятное, тяжелое впечатлѣніе производитъ на читателя вѣрное изображеніе церемонной важности двора, гдѣ все приведено въ неизмѣнный порядокъ, котораго не смѣетъ паруть даже естественное, святое побужденіе материнской любви! Какъ прекрасна та сцена, гдѣ Поза, не надѣясь болѣе избѣжать мщенія Филиппа, проситъ Елисавету побуждать Карлоса къ исполненію плановъ, которые они составили для счастья и славы Испаніи, — передать ему, чтобы въ лѣтахъ мужества онъ сохранилъ уваженіе къ благороднымъ мечтамъ своей юности. Какъ проникаетъ въ душу горестъ Карлоса, когда на трупъ Позы онъ требуетъ отъ отца, чтобы онъ возвратилъ ему друга его молодости! Можно ли удивляться, послѣ этого, что Довъ Карлосъ имѣлъ въ Германіи такой общій блистательный успѣхъ, и до сихъ поръ считается піекою, которую нѣмецкая литература наиболѣе гордится?

Съ окончаніемъ этой драмы, Шиллеръ на долго простился съ драматическою музкою. Страсть его къ театру уступила мѣсто новой. Онъ съ жаромъ, который отличалъ весь его начинанія, занялся изученіемъ историческихъ наукъ. Достоянно замѣчалъ, что въ это изученіе онъ не допустилъ своего драмати-

ческаго генія; не старался проникнуть въ духъ каждаго вѣка, чтобы объяснить, какъ и почему совершались событія, изобразить людей въ дѣйствіи, сдѣлаться гражданиномъ странъ и эпохъ, которыя онъ намѣренъ былъ описывать. У него нѣтъ того безпристрастія, которое беретъ свое начало въ воображеніи и состоитъ въ томъ, чтобы, такъ сказать, переселяться въ каждое лице, усвоить себя на тотъ мигъ его мнѣнія, вѣрованія и желанія; чтобы възражаться внутреннему чувству читателя, которое всегда будетъ умѣть извлечь нравственныя благородныя заключенія изъ событій если только онѣ вѣрно представлены. Шиллеръ принадлежитъ неоспоримо къ школѣ историковъ XVIII столѣтія. Онъ писалъ болѣе съ тою цѣлю, чтобы разсматривать, анализировать событія минувшаго, а не передавать ихъ. Онъ не вѣрный повѣствователь, а зритель и зритель пристрастный, приносящій въ созерцаніе прошедшаго мнѣнія и понятія своего вѣка. Для него произшествія — безжизненные факты, доказательства; какъ и для многихъ, которые не замѣчаютъ, что эти произшествія способны попеременно принимать все краски и служить доказательствомъ для каждаго мнѣнія. Изъ историческихъ сочиненій Шиллера, его «Исторія 30-лѣтней войны» имѣла самый полный успѣхъ, который поддерживается и донынѣ. Эпоха, которую онъ въ ней избралъ, драгоценна сердцу каждаго германца. Онъ видитъ въ ней свой германскій бытъ. Ее можно назвать кровавою колыбелью реформаціи, точкою, отъ которой возникаетъ новая эра просвѣщенія. Шиллеръ изобразилъ ее съ жаромъ, живо и увлекательно. Онъ, поистинѣ, заслуживаетъ то отличное мѣсто, которое предоставлено ему въ ряду историковъ - философовъ, не смотря на то, что онъ не довольно воспользовался древними подлинными документами.

Между тѣмъ, какъ Шиллеръ съ такою ревностью предавался изученію исторіи, — духъ сомнѣнія и безвѣрія, который разлился во всей Европѣ, пробудилъ въ некоторыхъ слабыхъ умахъ суевѣріе, достойное временъ невѣжества. Бессильный обойтись безъ вѣры умъ че-

ловѣческой отыскивалъ и собиралъ самыя грубыя нелѣпости, которыя льстили его склонности къ чудесному. Отвергнувъ съ презрѣніемъ вѣру утѣшительную, онъ создавалъ вѣру въ то, что поражаетъ его страхомъ. Обманы Калиостро разбудили утомленное воображеніе и разсвѣлили скуку людей, которые чувствовали ко всему отвращеніе. Это состояніе умовъ Шиллеръ съ большимъ искусствомъ изобразилъ въ «*Духовидцѣ*». Въ этомъ произведеніи, онъ представляетъ вамъ рядъ странныхъ происшествій, совершенно сообразныхъ съ тѣмъ, что всѣ разсказывали о новомъ возрожденіи магіи, и представляетъ ихъ такъ, что они сильно дѣйствуютъ на воображеніе и подстрекаютъ любопытство. Читатель безпрестанно спрашиваетъ себя, объяснятся ли онъ естественнымъ порядкомъ вещей, или сочинитель перенесетъ его въ міръ чудесныхъ вымысловъ? Романъ нековчезъ, слѣдовательно загадка оставлена не разъясненною и эта мысль Шиллера кажется очень остроумною и замысловатою. Человѣкъ любитъ чудесное, жадно стремится разгадать его, но когда достигаетъ желанія, всегда сожалѣетъ о своемъ прежнему очарованіи.

Впрочемъ, Шиллеръ говаривалъ, что онъ имѣлъ памѣтленіе окопчить своего *Духовидца*. Говорятъ даже, что онъ не разъ разсказывалъ копецъ его, чрезвычайно занимательно и правдоподобно.

Вслѣдъ за страстію Шиллера къ исторіи, пробудилась въ немъ другая, которая скоро совершенно овладѣла его душою. Философія Канта начинала производить переворотъ въ умахъ. Въ Германіи ее приняли съ жалостію. Шиллеръ слѣдовалъ страстнымъ послѣдователемъ Кенигсбергскаго философа и, такъ сказать, ушвался его ученіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Всѣ его размышленія были направлены къ этому предмету. Умъ его, съ врожденнымъ ему свойствомъ стремиться необузданно въ одномъ направленіи, совершенно углубленъ въ развитіе идей Канта о прекрасномъ и объ основаніяхъ искусства. Шиллеръ оставилъ множество сочиненій, написанныхъ въ этомъ духѣ и въ особенности о метафизикѣ драматическаго искусства. Между утонченны-

ми разсужденіями и отвлеченностями, которыми онъ наполнены, встрѣчается множество умныхъ мыслей, вѣрныхъ и тонкихъ замѣчаній. Всего же болѣе достойна вниманія перемѣна въ образѣ возрѣпія Шиллера на нравственность. Мысли его о драматическомъ искусствѣ приняты совершенно иное на правленіе, чистое и возвышенное. Онъ полагаетъ источникъ всякой занимательности въ торжествѣ нравственной природы челоѣка надъ физическою. Онъ требуетъ, чтобы въ твореніи поэта все клонилось къ тому, чтобы доказать и утвердить идею добра и зла. Изъ философскихъ сочиненій Шиллера его разсужденіе о «*наивномъ и сентиментальномъ*» особенно замѣчательно по сравненію древней и новой поэзіи.

Прошло 12 лѣтъ и Шиллеръ снова вступилъ на драматическое поприще, но уже совсѣмъ не такимъ, какимъ явился онъ въ первыхъ опытахъ. Все въ немъ измѣнилось; все, кромѣ прекрасной, поэтической души. Понятія его объ искусствахъ и ихъ правилахъ были уже не тѣ, какъ прежде. Онъ глубоко изучалъ образцы; научился хладнокровно наблюдать людей и общество; узналъ прошедшее и научился сравнивать его съ настоящимъ. Онъ все болѣе и болѣе облагороживалъ, очищалъ поэтическій міръ, въ которомъ жилъ воображеніемъ. Шиллеръ хотѣлъ, чтобы трагедія не была недостойна высшихъ судебъ времени, въ которомъ онъ жилъ. Избравъ предметомъ *Валленштейна*, онъ занимался имъ совѣстливо. Онъ, по обыкновенію, долго размышлялъ, долго обдумывалъ свой предметъ прежде, нежели принимался за дѣло. «Я, рѣшительно, не иначе какъ съ тоскою думаю о своемъ *Валленштейнѣ*, «писалъ онъ къ другу.» Я долженъ посвятить этой повѣи покрайней мѣрѣ 8 мѣсяцевъ жизни, которую долженъ дорожить; а слѣдствіемъ этихъ трудовъ будетъ, можетъ статься, посредственное произведеніе. Мои первые драматическіе опыты совсѣмъ не таковы, чтобы могли внушить мнѣ довѣренность къ моему дарованію. Я вступаю на поприще мнѣ неизвѣстное; по крайпей мѣрѣ, на такое, на которомъ я себя еще не испытывалъ, потому что четыре года назадъ я принялъ совершенно новую систему.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Шиллеръ задумалъ писать *Валленштейна*, занимаясь *Исторіею тридцатилѣтней войны*. Подлинно-произведенія оныя преданы болѣе глубокому изученію той эпохи; и его трагедія имѣетъ болѣе исторической истины, нежели самая его исторія. Оныя совершенно перенесла въ эпоху, которую хотѣлъ изобразить; отъ него не скрылись и малѣйшіе ея оттѣнки. Трудно даже повѣрить, до какой степени оныя простирала свою совѣстливость въ изысканіи и сохраненіи малѣйшихъ историческихъ подробностей. Желая, на примѣръ, придать своему Валленштейну характеръ суевѣрія, который оныя имѣетъ въ исторіи, и страсть къ астрологіи, и не желая говорить о томъ, чего не зналъ, или заставить своего героя отбѣлаться нѣсколькими пошлыми фразами о звѣздахъ и вліяніи планетъ, оныя принялся изучать старинныя книги о судебной астрологіи и дошелъ до того, что самъ могъ препорочно составить гороскопы.

Драматическая поэма «*Валленштейнъ*» состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Первая—*Лагерь Валленштейна*, прологъ, безъ дѣйствія и развязки. Это самая вѣрная, остроумная и оживленная картина быта и характера солдата, который провѣлъ 16 лѣтъ въ непрерывной войнѣ. Въ этой картинѣ все современно; все носитъ отпечатокъ непреложной, вѣчной и всемірной истины, которая составляетъ красоту и достоинство драматическаго искусства. Шиллеръ прекрасно схватилъ прелесть жизни независимой, разгульной, исполненной приключеній, жизни столь беззаботной, столь оживленной всегдашнимъ ожиданіемъ опасности, столь заманчивой лѣтнею, которой солдатъ предается въ промежутки военныхъ дѣйствій, его вѣру въ свою силу, усы дисциплины, замѣняющія для него законы, безусловную преданность начальникамъ, которая служитъ ему вмѣсто нравственной силы. Вторая часть—*Пикколомини*, подобно первой, не имѣетъ ни дѣйствія, ни развязки; она такъ обрисовываетъ характеръ дѣйствующихъ лицъ и мѣсто происшествій. Знаніе человеческого сердца съ такою же силою обнаруживается въ изображеніи дол-

ководцевъ, какъ и простыхъ воиновъ. Въ первыхъ болѣе предусмотрительности, болѣе расчета, но все таже любовь къ опасности, таже гордое сознаніе своей храбрости и отвращеніе отъ всякаго закона. Лучше же всего схвачена смѣсь отваги и гордости, малодушія и отсутствія характера, что бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ необразованности, привычки къ субординаціи и уваженію къ одному только усѣху. Ознакомившись такимъ образомъ съ лицами и обстоятельствами, зритель приступаетъ къ главному дѣйствію. Тутъ оныя видятъ положенія драматическія въ самой высокой степени; вниманіе его безпрестанно возбуждается событіями, но эти событія не составляютъ главнаго, или завязки драмы; достоинство ея преимущественно заключается въ изображеніи характеровъ. Эти три пьесы, составляющія поэму *Валленштейнъ*, возбуждаютъ сильное и постепенное участіе, но совсѣмъ иначе, нежели такъ называемыя классическія трагедіи, гдѣ вся занимательность основана на развитіи какого нибудь одного положенія, или одной страсти. Трудно рѣшишь, гдѣ оно дѣйствуетъ съ большею силою и увлекательностію. Въ трагедіи, подобной *Валленштейну*, кажется, видишь, какъ развертываются передъ нами истинныя происшествія, которыхъ мы знаемъ причину, предвидимъ послѣдствія. Главное достоинство драматическаго писателя состоитъ въ томъ, чтобы, создавъ лица, вложить въ нихъ душу и жизнь, слѣлать ихъ знакомыми, близкими читателю. А какой поэтъ обладаетъ этимъ даромъ болѣе Шиллера? Во всей драмѣ, *Валленштейнъ*, нѣтъ ни одного лица, отъ перваго до послѣдняго, которое не носило бы отпечатка жизни; каждое говоритъ, дѣйствуетъ, какъ говоритъ, дѣйствуетъ живое существо, которое навсегда останется въ памяти. Не смотря на вѣрное соблюденіе исторической истины, какой-то рокъ, какъ злоеющее созвѣздіе управляетъ теченіемъ событій и съ самаго начала пьесы, проливаетъ въ душу томительное предчувствіе несчастья, которое составляетъ необходимое условіе трагедіи. Это не судьба трагедіи греческой, не

рокъ трагедіи Расиновой, основанной на волненіи страстей и слабости воли. Шиллеръ оставляетъ человѣку его нравственную свободу во всей ея полнотѣ; а между тѣмъ, изъ теченія обстоятельствъ, изъ самыхъ характеровъ лицъ рождается мрачное предчувствіе окончательнаго событія. Особенно поразительна смерть Макса. Она бросаетъ въ душу *Валленштейна* зловѣщую безнадѣжность, которая сообщается читателю и выливается погребальную тѣнь на всю остальную часть поэмы. Лица второстепенныя, — толпа пѣсы, — продолжаютъ надѣяться и дѣйствовать; но въ душѣ сочинителя и герон уже царствуетъ тайная покорность карающей, неизмѣнной судьбѣ.

Прекрасна и достойна души Шиллера мысль, что Октавіо долженъ былъ найти наказаніе своей низкой измѣны только въ награду, имъ полученной за свое преступленіе. Когда этотъ человѣкъ, который въроломно обманулъ друга, приготовивъ ему погибель, получаетъ у окровавленнаго его трупа грамоту императора на княжеское достоинство, слова: *Князю Пикколомини* раздаются, какъ голосъ высокой мести за добродѣтель и честь. Въ пьесѣ это письмо вручаетъ Октавію и громко читаетъ адресъ одинъ изъ его свиты. Но Ифлявъ, который своимъ дарованіемъ еще болѣе возвышалъ роль Октавія, обыкновенно бралъ письмо и читалъ самъ съ глубокимъ чувствомъ стылъ: — «*Князю Пикколомини*», — и впечатлѣвіе, производимое его голосомъ и этими всегнми словами, невыразимо.

Величайшіе гении осуждены носить отпечатокъ своего времени, говорить его языкомъ, болѣе или менѣе раздѣлять принятый образъ воззрѣнія на предметы. Точно также не всегда онъ можетъ отбросить свой собственный характеръ, перестать быть собою. Такимъ образомъ, не слишкомъ ли строго судятъ тѣ, которые порицаютъ Шиллера за то, что онъ изобразилъ Валленштейна мечтате-

лемъ, полнымъ духомъ анализа и слѣлалъ насъ повѣренными всѣхъ его размышленій и колебаній. Упрекаютъ его также и въ томъ, что Максъ и Текла понимаютъ и выражаютъ любовь, какъ понимали и выражали это чувство современники Шиллера, а не лица XVII-го столѣтія. Это не мѣшаетъ однакоже читателю принимать живѣйшее участіе въ этихъ двухъ существахъ, которыя среди бури политическихъ страстей хранили въ сердцахъ любовь и истину, которыхъ ни обстоятельства, ни вражда отцѣвъ не могутъ разлучить ни въ жизни, ни до смерти. Они являются трогательными, умилительными жертвами и ничто не можетъ быть прекраснѣе противоположности ихъ чистаго самоотверженія съ эгоизмомъ и страстями всѣхъ, кто ихъ окружаетъ.

Желаніе усовершенствоваться обладало Шиллеромъ во все продолженіе его жизни. Никогда онъ не былъ вполне доволенъ ни собою, ни своими произведеніями. Особенно въ его трагедіяхъ, не смотря на все ихъ достоинство, замѣтно, что онъ безпрестанно ищетъ новыхъ формъ, испытываетъ новые эффекты. Такъ, напр. очевидно, что, при созданіи *Орлеанской Дѣвы*, онъ, вслѣдствіе какой нибудь систематической идеи, отвлекся отъ пути, по которому слѣдовалъ въ *Валленштейнѣ* и даже въ первыхъ 3-хъ дѣйствіяхъ своей новой пьесы. Изобразивъ самыми яркими и сильными красками бѣдственное положеніе французскаго королевства, придавъ назначенію Іоанны всю степень чудестности, которая согласуется съ исторіею, Шиллеръ вдругъ переходитъ въ фантастическое, выпускаетъ высокія и трогательныя сцены ея суда, и вмѣсто ихъ вставляетъ какую то легенду. Что побудило его отступить такъ своевольно отъ истинны событія, котораго высокая простота и прелесть помрачаетъ, дѣлаетъ безсильнымъ всякій вымыселъ? Боюсь ли Шиллеръ, строго придерживаясь истины, остаться

ниже ея, или, обрабатывая одинъ предметъ съ Шекспиромъ, хотѣль избѣгать всякаго повода къ сравненію. Тѣмъ не менѣе *Орлеанская дѣва* (переданная Жуковскимъ на нашъ отечественный языкъ съ такою прелестью, что мы можемъ гордиться ею, какъ роднымъ произведеніемъ,) исполнена первостепенныхъ красотъ; особенно очаровательны лирическіе отрывки. *Мессинская Невѣста* принадлежитъ къ впохъ еще новыхъ понятій о драматическомъ искусствѣ. Шлегель написалъ трагедію *Аларкосъ*, въ которой имѣль намѣреніе не подражать Эсхилу, а только основать дѣйствіе на причинахъ простыхъ безъ развитія и перенести его въ то время, когда люди, еще безъ сознанія повинуются побужденію, не разсматривая его и не стараясь вступать съ нимъ въ борьбу. Гёте поставилъ эту странную піесу на Веймарскій театр, гдѣ она возбудила живое любопытство. Шиллеру вздумалось сдѣлать опытъ въ этомъ родѣ. Но вмѣсто того, чтобы придать правамъ, чувствамъ и даже ходу самой драмы характеръ дикости, онъ вставилъ въ раму греческой трагедіи предметъ, взятый изъ новѣйшихъ временъ, надѣясь, какъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, что форма сообщитъ ему высоту и простоту древнихъ твореній. Мысль совершенно ложная, и самъ опы не зналъ хорошо, какъ се выполнить. Употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ хора, есть первое противорѣчіе принятой имъ теоріи. Съ той минуты, какъ хоръ разделяется на двѣ враждебныя партіи, характеръ греческой трагедіи исчезаетъ совершенно. Трудно оправдать и ошибку, сдѣланную Шиллеромъ въ смѣшеніи религій. Напрасно стараешься разгадать, какія вѣрованія, нравы, какую общественность изображаетъ его піеса; она отдѣляется отъ новѣйшихъ обычаевъ, насколько не сближая насъ съ древними. Но не взирая на основные недостатки плана, гевій Шиллера блистаетъ въ этой трагедіи самымъ яркимъ блескомъ и

Мессинская Невѣста всегда останется однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Съ самой древности внодинъ предметъ небылъ такъ часто обрабатываемъ для театра, какъ *братья-враги*. Но Шиллеръ умѣль придать ненависти мессинскихъ приписевъ характеръ совершенно новый и оригинальный. Примиреніе ихъ искренно и трогательно. Сцена, въ которой довѣ Цезарь, не ввимаая мольбамъ матери, решается лишитъ себя жизни, прекрасна, хотя и слишкомъ продолжительна. Ревность, которую возбуждаетъ въ немъ усопшій, есть чувство исполненное истины и вѣжкости. Все это однакоже противорѣчитъ тѣмъ, простымъ, безыскусственнымъ причинамъ, изъ которыхъ Шиллеръ хотѣль вывести дѣйствіе.

Марія Стюартъ относится къ роду, изобрѣтенному Шиллеромъ для *Валленштейна*; однакоже болѣе приближается къ трагедіи французской, потому что все участіе сосредоточивается почти исключительно на развитіи одного положенія главнѣйшихъ лицъ этой піесы съ портретами, начертанными В. Скоттомъ съ тѣхъ же самыхъ лицъ въ его *Кенильвортъ* и *Аббатъ*. Конечно, въ романѣ можно свободно отдаваться всемъ требованіямъ воображенія и истины, не упустить ни одного оттѣнка въ характерѣ героевъ, изобразить время и мѣсто дѣйствія въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ; тамъ путь необходимости ни чѣмъ жертвовать единству и быстротѣ впечатлѣній. Въ драмѣ иное. Совсѣмъ тѣмъ, Шиллеръ изобразилъ характеры съ удивительнымъ искусствомъ. Низость души Лейчестера, скрытая подъ важными и изящными приемами, его постоянная мысль о себѣ, о своемъ положеніи предпочтительно передъ всеми, безпреставная забота о сохраненіи достоинства, которое замѣняетъ ему совѣсть; характеръ Бурлейга, соединяющаго духъ несправедливости и гоненія съ искренною и почти безкорыстною преданностію къ своей государынѣ и къ торжеству своего мѣстнаго—исполнены глубокой истины, тон-

кости, показывают такое глубокое познание человеческого сердца, которого, казалось, никакъ нельзя было ожидать отъ автора *Разбойниковъ* и *Коварства и Любви*. Театральный эффектъ новаго рода придаетъ этой трагедіи совершенно оригинальный характеръ. Въ 5-мъ дѣйствіи, великая надежда для Маріи исчезла; ни она, ни зритель, никто не остается уже въ безизвѣстности о ея судьбѣ. Приготовленія къ смерти, картина столь торжественныхъ минутъ, трогаетъ гораздо сильнѣе, нежели вся тоска ожиданія и палевды. Нравственная идея драмы—искупленіе великихъ заблужденій раскаяніемъ и страданіемъ, совершенно согласуется съ трагическимъ спокойствіемъ, которое предшествуетъ смерти несчастной Маріи. Характеръ двухъ королевъ—соперницъ изображенъ превосходно и вездѣ выдержанъ. Исторія представляетъ Марію довольно легкомысленною. Шиллеръ, какъ и слѣдовало, придалъ ей болѣе основательности. Двадцать лѣтъ заточенія и даже 20 лѣтъ жизни, какъ бы она ни протекла, великій урокъ для человѣка!

Вильгельмъ Телль, послѣдній цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Шиллера, по мнѣнію всѣхъ просвѣщенныхъ судей, считается образцовымъ произведеніемъ нѣмецкой сцены и драматическаго искусства. Это плодъ высокаго дарованія во всей его зрѣлости, созданіе воображенія самаго поэтическаго и самой благородной души. Шиллеръ нигдѣ не показалъ себя столь оригинальнымъ, какъ въ этой трагедіи. Онъ никому не подражалъ ни въ формѣ ея, ни въ ходѣ, видно даже, что онъ не старался ихъ и придумывать; они пронстекли сами собою изъ сущности предмета, лишь только онъ возникъ въ творческомъ умѣ Шиллера. Трудно понять, какимъ образомъ, по однимъ разсказамъ историковъ и путешественниковъ, воображеніе поэта могло достигнуть такого совершеннаго, подробнаго познанія стра-

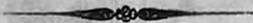
вы.—усвоить всѣ впечатлѣнія, которыя человѣкъ испытываетъ въ этихъ мѣстахъ. Вся трагедія Шиллера, такъ сказать, дышетъ Швейцаріею; видишь ея мѣстоположенія, облака, которыя раздѣляютъ ея горы и скрываютъ отъ глазъ землю,—ея охотниковъ, преслѣдующихъ черезъ пропасти легкую серну; слышишь ея пѣсни и звукъ горнаго рога, наблюдаешь ея нравы; преданія ея старинны, какъ волшебствомъ обновляются въ памяти. На судьбѣ этой живописной страны, на судьбѣ ея народа, столь простаго, во вмѣстѣ и столь мужественнаго, основава вся занимательность пьесы; а это самое и придаетъ столько движенія и столько единства дѣйствію. Всѣ сцены насилія и деспотизма, которыя совершаются постепенно въ разныхъ мѣстахъ и погружаютъ въ горестъ развѣя семейства, тѣсно между собою связанныя, образуютъ одну огромную картину угнетенія Швейцаріи. Борьба исполнена неподдѣльнаго жара и вѣриа съ исторіею и мѣстностию. Это не общія мѣста, не краснорѣчивая декламація, не воззваніе къ отвлеченнымъ правамъ человѣка. Достоинство характеровъ и необходимость правосудія не облакаются языкомъ повѣйшей философіи. Торжественная простота собраній, мѣсто сцены, лица и одежда начальниковъ, все поражаетъ величіемъ и простотою. Посреди этой картины народа первобытныхъ временъ, является колоссальная фигура Телля. Поэтъ отстранилъ его отъ общаго движенія соотечественниковъ; мысль чрезвычайно счастливая. Онъ отказывается принять участіе въ заговорѣ, и между тѣмъ все являетъ въ немъ силу, гордость, отвагу, любовь къ отчизнѣ. Ему предназначено умертвить Геслера. Единственный способъ облагородить это убійство, состоялъ въ томъ, чтобы показать его поступокъ слѣдствіемъ самосохраненія. Богъ что придаетъ такое величіе этому лицу ко-

торое Шиллеръ съ особеннымъ стараніемъ всегда и вездѣ показываетъ намъ, живущимъ внѣ общественнаго закона и повинующимся единственно самымъ благороднымъ побужденіямъ. «Обязанность драматическаго поэта, говоритъ Шиллеръ, состоитъ именно въ томъ, чтобы указать связь случая съ общимъ ходомъ происшествій»; — и онъ чудесно успѣлъ въ этомъ въ *Вильгельмъ Телль*.

Единство, которое царствуетъ въ четырехъ первыхъ дѣйствіяхъ трагедіи *Вильгельмъ Телль*, отражается и въ ея

слогѣ, исполненномъ поразительной простоты и благородства. Подробности швейцарскаго быта изображены въ піесѣ самымъ естественнымъ образомъ, безъ натяжки и придаютъ ей отпечатокъ времени первобытныхъ.

Какъ мы уже сказали, трагедія *Вильгельмъ Телль* была послѣднимъ произведеніемъ великаго поэта. Вскорѣ послѣ выхода ея въ свѣтъ, угасъ свѣтильникъ его жизни, такъ постоянно и прекрасно сіявшій въ мірѣ поэзіи для наслажденія и утѣшенія людей.

СЛУЖБА И ДРУЖБА.

Повѣсть Р. М. Зотова.

«Воскресенье! праздник! какія веселыя слова для дѣтей всѣхъ возрастовъ! Какое пріятное чувство для всѣдневныхъ поѣстителей классныхъ лавокъ и письменныхъ столовъ! Какое прекрасное учрежденіе эти торжественные дни, которые по календарю свободны отъ учевія и присутствія! Вѣрно первыя законодатели имѣли при этомъ въ виду одну только христіанскую надобность, и никакъ не воображали, что всѣхъ болѣе будутъ радоваться, этому постановленію *дѣти* и *чиновники*. Конечно, участвуютъ въ этой радости и другіе возрасты и сословія,—но у знатныхъ и богатыхъ всегда праздникъ, а у бѣдняковъ круглый годъ постъ и будни; у женщинъ есть охота наряжаться во всѣ дни и часы жизни ихъ. Но *дѣти* и *чиновники*,—о какъ они ждуть седьмого дня въ недѣль, или креста въ кружкѣ въ другіе дни, или всерадостныхъ праздниковъ царской фамиліи. Это истинная, несравненная радость, которую и постигнуть не могутъ другіе возрасты и сословія! Однимъ не учиться, другимъ не писать; одни не увидятъ карикатурныхъ лицъ своихъ вѣчныхъ учителей, которыхъ физиономіи, очень часто невыспавныя, неумытыя, недочесаныя, имъ и во снѣ мерещатся; другіе же не услышатъ однообразнаго и мучительнаго скрипа перьевъ, ушлыо раздающагося въ торжественной тишинѣ канцелярскихъ запытей; не увидятъ своихъ чернылицъ съ запыленными краешками, своихъ боль-

шихъ ножницъ съ изломанными кончиками, своихъ длинныхъ ливеекъ, испещренныхъ разными вырѣзками и остроумными надписями; не будутъ вздрагивать при громкомъ выговорахъ начальника. О, какое наслажденіе! какое восхищеніе! Да здравствуютъ праздники! Да будутъ вѣчно забвенны тѣ, которые указали не учиться и не присутствовать въ эти дни.

Въ одинъ изъ такихъ дней шумно волновались толпы молодыхъ, прелестныхъ дѣвицъ въ одномъ изъ заведеній общественной воспитанія, въ которыхъ благотворная рука Царей воздвигла храмъ образованія и счастья будущихъ матерей семействъ. Всѣ эти дѣвицы съ нетерпѣливою радостію ждали прибытія своихъ родственниковъ и приготовляли карманы свои, въ которые намѣревались укладывать конфеты и другіе гостиницы, которые имъ обыкновенно по воскресеньямъ приносили. Къ нимъ уже пріѣхали родители и воспитанницы устались ползть нѣхъ, рассказывая имъ про свои занятія, успѣхи, скрывая выговоры. Другія же еще бѣгали по тротурамъ и съ нетерпѣніемъ посматривали на дверь, ведущую въ пріемную залу. Въ эту дверь дежурныя дѣвицы безпрестанно просовывали свои головки и кричали: *Александрина Бельская, къ тебѣ пріѣхали! Марія Хрустова, тебѣ спрашиваютъ!* Вызикаемыя счастливицы стремглавъ бѣжали по лѣстницѣ, поправляя свою прическу и пелеринку.

Войдя же въ залу, когда надобно было проходить мимо неумолимой дежурной дамы, походка ихъ вдругъ перемѣнилась, онѣ тогда подвигались впередъ тихо, плавно. Впрочемъ, въ самыхъ дортуарахъ, гдѣ онѣ ждали приглашенія, замѣтна была большая разница и отдаленность между дѣвицами. Младшій возрастъ безопасно бѣгалъ по комнатамъ и занимался куклами и игрушками. Старшій же, хотя говорили и смѣялись гораздо еще громче, безпрестанно ужимали младшихъ. Старалась сохранить по возможности тишину, младшія играли почти вмѣстѣ; старшія были раздѣлены на малочисленныя группы и даже попарно. Тутъ уже были разговоры дружбы и планы будущей жизни. — А какіе планы! сколько воздушныхъ замковъ тутъ построено и разрушено! О, веселое время молодости! Вотъ истинный праздникъ жизни! Что значить для юности свѣтъ и весь его отношенія! Что значать весь условія чиновъ, связей и богатства! тоже, что арабскія сказки. — Счастливое, блаженное время! Все люди кажутся такими добрыми, милыми, (разумеется, кромѣ несносныхъ учителей и классныхъ дамъ) планы и предпріятія такъ вѣрны, все обѣщанія дружбы такъ святы, вселяя цѣль такъ благородна. И кто рвѣшится разочаровывать эти высокія, святыя чувства молодости! Напрасно горькая опытность родителей захотѣла бы объяснить имъ всю мечтательность ихъ идей: — молодость улыбается и не вѣрится. И прекрасно! оставьте имъ покуда эти идеи добра и чистыхъ чувствъ. Вообразите себѣ, что онѣ на высотѣ какого нибудь огромнаго зданія, котораго вершина всею выше. Какъ прелестенъ кажется имъ оттуда свѣтъ! Какъ мило, весело движутся, бѣгаютъ, играютъ подъ ногами ихъ маленькіе человѣчки. Онѣ оттуда не различаютъ ни званій ни возрастовъ. Имъ равны оттуда и торжествующій злодѣй и угнетенный глупецъ. Онѣ не могутъ повѣять оттуда — кто полковникъ и кто прапорщикъ; не видятъ разности между тайнымъ и коллежскимъ совѣтникомъ. Онѣ покуда счастливы... Придетъ время, онѣ сойдутъ съ высоты и очутятся вмѣстѣ съ нами на землѣ ус-

ловій и отношеній. Онѣ воймутъ тогда, что все толпы людей, которые имъ сперва казались муравьями, кипящими и двигающимися для забавы, дѣйствовали не по собственной волѣ, а по устройству скрытыхъ пружинъ, управляющихъ всеми и называемыхъ: *честолюбіемъ* и *корыстію*. Онѣ увидятъ тогда какое далекое разстояніе между людьми, особенно между чинами. О, это будетъ неспособное время; но оно придетъ неизбѣжно. Сперва опытность умертвить тѣло. Новое поколѣніе умертвить старое — и все пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Люди будутъ тѣ же; страсти тѣ же, исправителей будетъ много, исправленныхъ мало. Добрые всегда въ рѣдкость; злыхъ достаточно; слабыхъ еще больше; вичтожныхъ больше всего... Но возвратимся къ разсказу. И такъ въ одно воскресенье вошелъ въ пріемную залу высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ 45, во фракѣ, со звѣздою. Липо его было пріятно и весело; глаза полны живости и ума. По всемъ пріемамъ замѣтно было, что если звѣзда и придавала ему особенную важность, то онъ самъ ею не занимался; съ нимъ вмѣстѣ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ 28.

— Прикажете, князь, сказать дамъ? спросилъ молодой человѣкъ у старика со звѣздою.

— Нѣтъ, mon cher! я самъ скажу. У меня тутъ свои знакомыя и протекціи, отвѣчалъ первый и подошелъ къ сѣдѣвшимъ рядомъ дежурнымъ дѣвицамъ и младшимъ класснымъ дамамъ.

Одна изъ нихъ встала и съ какимъ-то смущеніемъ подошла къ князю.

— Вамъ вѣрно угодно видѣть вашу дочь? спросила она.

— Вы бы чувствительнѣе меня объяснили, Лизавета Ивановна, отвѣчалъ князь: — если бы привели ее ко мнѣ.

— Не угодно-ли вамъ сѣсть, князь, — а я сейчасъ схожу за M-me Sophie.»

Она незамѣтно присѣла и ушла, а князь съ своимъ товарищемъ расположился на лавочкѣ, въ ожиданіи ея появленія.

— Какая прелестная дѣвица! сказала молодой человѣкъ, глядя вслѣдъ классной дамѣ.

— Э, э, любезный, — да ты успѣлъ и заметишь, отвѣчалъ князь, съ улыбкою. Напрасно жъ я тебя взялъ съ собою. Я самъ въ числѣ ея обожателей и не желалъ бы имѣть такою соперника, какъ ты.

— Помилуйте, ваше сіятельство, моя похвала была простая дань удивленія. На мой счетъ можете быть спокойны: во мнѣ вы не найдете никогда и ни въ чемъ соперника. Это было бы для меня очень невыгодно.

Съ самодовольствіемъ кивнулъ князь головою и только что хотѣлъ сказать какую-то фразу въ утѣшеніе молодому человеку, какъ вдругъ помѣшали ему. Дочь бросилась въ его объятія.

— Здравствуйте, милый папа!

— Здорово, душечка... Покорно васъ благодарю, Лизвета Ивановна, прибавилъ князь, обращаясь къ классной дамѣ. Позвольте узнать: довольны-ли вы ученіемъ и поведеніемъ моей Софьи?

— Ахъ, папа! вскричала дочь. Можно-ли спрашивать объ этомъ? Вѣдь я *большая!* черезъ три мѣсяца съ половиною выйду изъ института. Притомъ же Лизвета Ивановна мнѣ другъ.

— Нѣтъ, душевнѣка, теперь она еще твоя начальница... Вотъ какъ ты выдешь, то я очень буду радъ, если Лизвета Ивановна удостоитъ васъ своимъ знакомствомъ.

— Разумеетсяъ, папа! Это ужъ между нами кончено. Какъ скоро я выду, то она оставитъ институтъ и перейдетъ къ намъ. Мы будемъ неразлучны. Будемъ вмѣстѣ ѣздить по баламъ и въ спектакль. Вѣдь у васъ, папа, есть абонированная ложа?

— Теперь итѣ, душевнѣка; на что мнѣ я одинъ. Вотъ какъ ты выдешь, — тогда увишимъ. Можетъ быть и возьму... Особливо если Лизвета Ивановна съѣзжаетъ вамъ честь и будетъ часто посѣщать васъ...

— Какъ, посѣщать, папа. Вѣдь я вамъ говорю, что она совсѣмъ къ намъ перейдетъ. Что ей здѣсь дѣлать? Она пеньшерка и осталась въ институтѣ, потому что у нея умерли родители. Но она можетъ всегда вытти, если найдетъ себѣ приличное мѣсто. А чего же луч-

ше, какъ у насъ? Я какъ выду, то конечно мнѣ будетъ съ вами, папа, очень несело, — во все таки гораздо веселѣе, если у меня будетъ подруга, съ которою я могла бы вездѣ ѣздить и обо всемъ говорить. Лизвета Ивановна была здѣсь всегда моимъ другомъ, и мы уже съ нею условились во всемъ. Не правда-ли, что я хорошо придумала, папа?

— Не только хорошо, другъ мой, превосходно! И я не знаю какъ благодарить Лизвету Ивановну за ея къ намъ дружбу. Но какъ ты немножко вѣтрена, то я покорнѣе прошу Лизвету Ивановну подтвердить мнѣ пріятное условіе, которое вы между собою заключили.

Лизвета Ивановна еще при началѣ разговора покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ и тихо шептала Софьѣ: замолчи пожалуйста, по та очень бѣглымъ образомъ продолжала свой рассказъ. Теперь же когда, князь требовалъ ея отвѣта, Лизвета Ивановна молчала и краснѣла, а Софья въ свою очередь шептала ей: да говори же, милая! Нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе. Вотъ видишь-ли, милая Софья, сказалъ князь, что ты невозможно свѣтреничала. Лизвета Ивановна не подтверждаетъ твоихъ словъ.

— Ахъ, папа, развѣ вы не видите, что это скромность, застенчивость; — во боюсь вамъ, что у насъ только и разговора, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ, гулять, танцовать, безпрестанно говорить объ васъ... Вы такіе добрые, милые. Eh bien та снере, перестань краснѣть и молчать. Скажи, папа, что мы все между собою уладили.

— Я не знаю, съ застенчивостію отвѣчала Лизвета Ивановна... угодно ли будетъ князю... а для меня бы пріятно было неразлучаться съ моимъ другомъ...

— Я почту себя счастливымъ, Лизвета Ивановна, если вы удостоите избрать мой домъ своимъ жилищемъ, отвѣчалъ князь. Обрадованная Софья бросилась цѣловать обоихъ.

— Ахъ, какъ мило, какъ безподобно! вскричала она. Черезъ три мѣсяца съ половиною выду и буду разѣзжать вездѣ съ моею подругою... Пожалуйста, ца-

па. абовируйте ложу... Мы непременно будемъ вздѣть въ французскій спектакль.

— Хорошо, хорошо. Ну чтожь у васъ есть новенькаго? Что ты дѣлала въ эту неделю. Небось, лѣвилась, была подъ штрафомъ.

— Ахъ, что вы, папа! говорю вамъ. что я большая. Черезъ три мѣсяца съ половиною я выду... А что, папа, есть у васъ дома хорошая библиотека? много у васъ романовъ?

— Есть, моя милая; но я ихъ вѣрно не дамъ тебѣ читать...

— Помилуйте, папа! да я только и жду выпуска, чтобъ начитаться романовъ. Вѣдь здѣсь вамъ ничего не даютъ. Все путешествія, да *journal des demoiselles*.

— Очень хорошо дѣлають. Вамъ надобно только читать, что полезно для ума и сердца, а романы вредны для того и другаго. И у меня ты не получишь ни одной книжки, ипаче какъ съ самымъ строгимъ выборомъ... Впрочемъ, я это поручу Лизаветъ Ивановнѣ и увѣрять, что она прелохранитъ тебя отъ дурныхъ книгъ.

— Ну, хорошо, папа! и согласна. Пусть Лизавета Ивановна выбираетъ книги и мнѣ и себѣ... Ну есть у васъ, папа, дача?

— Развѣ ты не помнишь, мой другъ, вѣдь ты часто жила на пей.

— Помню, папа,—но право не знаю гдѣ она, и ваша-ли дача или наемная.

— Моя собственная, другъ мой, въ пятнадцати верстахъ отъ города... Прелестнѣйшій видъ на возморье, садъ, арашжереи...

— Ахъ, какъ весело будетъ проводить время! сказала Софья и обняла свою подругу... Какая скука! еще три мѣсяца съ половиною. Какъ долго!

— Напротивъ какъ скоро! отвѣчалъ отецъ. Ты молода, моя милая; и тебѣ бы хотѣлось гнать время на почтовыхъ. Мнѣ же напротивъ хочется, чтобъ оно какъ можно тише тасило меня съ собою. Того и смотри, что закричитъ мнѣ: берегъ, берегъ! А мнѣ бы хотѣлось еще поплавать съ тобою...

— Что вы говорите, папа! какъ вамъ не стыдно! Вы еще такъ молоды...

— У кого 17-ти лѣтняя дочь, тотъ ужъ не такъ молодъ, мой другъ. Впрочемъ я и не хочу прикидываться старикомъ. Напротивъ жемаль бы плевнать и побѣждать.

Во все это время молодой товарищъ князя, пришедшій съ нимъ вмѣстѣ, былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ разговора, пристально поглядывая, то на Лизавету Ивановну, то еще болѣе на дочь князя.

— Рекомендую тебѣ, Jophie, наконецъ скажаль князь:—Николая Александровича Дольскаго... Мой секретарь по службѣ и другъ по сердцу. Тебѣ надобно съ нимъ познакомиться. Онъ живетъ у меня, какъ домашній. Человѣкъ ученый, известный литераторъ, пишетъ повѣсти, романы...

— Романы! ахъ, какъ это мило! вскричала Софья. Позвольте прочесть Николая Александровича...

— Я не думаю, чтобъ мои сочиненія были достойны вашего вниманія, сказалъ Дольскій.

— Скромность, мой другъ, сказалъ отецъ... Мы съ нимъ кромѣ службы занимаемся разными предметами...

— Какъ, папа, и вы тоже авторъ? О, напишите мнѣ хорошенькій романъ.

— Много душечка и безъ меня романистовъ. Я не очень-то люблю романы. Въ мои лѣта и въ моемъ званіи надобно что либудъ пососланивать... Ну, да ты увидишь мои запятія... Онъ вѣрно будутъ не въ твою вкусъ... какъ бытъ!

— Чтожь вы пишете, папа? исторію, географію, математику?...

— А вотъ увидишь, моя милая... Ну, такъ какъ ты здѣсь изъ первыхъ ученицъ,—то вѣрно и сама будешь продолжать заниматься; будешь помогать мнѣ...

— Ахъ, нѣтъ, папа. Какая скука! я и то шесть лѣтъ занималась всякой день по 10 часовъ. Страхъ какъ хочется отдохнуть и погулять... Развѣ впослѣдствіи, а въ первые полгода вѣрно не загляну ли въ одну ученую книгу.

— Прекрасно! моя милая. Такъ вотъ для чего вы учитесь! Только, что изъ института, такъ и забыли.

— О нѣтъ, я ничего не забуду—и по-года немножко буду изрѣдка заниматься. Но сначала,—это невозможно.

Въ ту минуту завопили; всѣ поспѣтели встали; раздалась прощальная пощелуи; Софья обняла своего отца, мелко въглянула на Дольскаго; Лизавета Ивановна присѣла книзу и покрасѣла; они разстались.

— Ну, братецъ, пойдемъ же. Что ты заглядѣлся? сказалъ князь Дольскому, который съ нѣкоторою задумчивостію смотрѣлъ вслѣдъ за ушелшими.—Ужъ вѣрно, злодѣй, въ кого нибуль влюбился... Смотри только не въ Лизавету Ивановну.

— О нѣтъ, ваше сіятельство!... Но мнѣ показалась знакомая физиогномія... только кажется ошибся.

Оба они вышли, сѣли въ коляску и отправились.

Князь Павелъ Александровичъ Р—въ былъ какимъ то управляющимъ, или директоромъ, или чѣмъ то въ этомъ родѣ. Богатство, связи и познанія доставили ему такое мѣсто. Но занятія по должности мало беспокоили его. У него былъ хорошій секретарь, опытные начальники отдѣленій и онъ съ удовольствіемъ подписывалъ приносимыя ему бумаги, разсуждалъ съ ними о красотѣ слога, иногда дѣлалъ имъ поправки, толковалъ съ ними объ изящномъ, эстетическомъ, приглашалъ ихъ обѣдать къ себѣ два раза въ недѣлю—и полчищныя были отъ него безъ ума. Онъ же занимался науками, художествами, даже ремеслами; любилъ доходить по всякой вѣсти до самыхъ мелкихъ подробностей. На новыхъ гостей это вводило скуку, но другіе слушали его съ удовольствіемъ и хвалили,—также какъ повара и вино. Главнымъ же достоинствомъ князя была: необыкновенная, неизмѣнная доброта сердца. Какъ всегда богатые и знатные ищутъ удовольствій, такъ онъ искалъ случая дѣлать добро. Никогда онъ не сердился ни на кого, никогда не огорчался; тотчасъ же забывалъ всякія непріятности и старался даже за тѣхъ, которые хотѣли ему вредить. Словомъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ людей, которые ошиб-

кою родились въ обществѣ. Онъ былъ вдовъ и единственная его дочь Софья воспитывалась въ одномъ изъ казенныхъ заведеній. Скоро долженъ былъ окончиться курсъ ея ученія—и князь сбирался преобразовать свой домъ. Онъ готовился поручить дочери все хозяйство дома и внутреннее управленіе, чтобъ уже безпрепятственно заниматься науками.

Мы уже видѣли, что секретарь его по службѣ и по домашнимъ занятіямъ былъ Николай Александровичъ Дольскій. Онъ былъ изъ хорошаго дворянскаго дома съ небольшою недостаткомъ. Очепь хорошо окончивъ курсъ въ лицѣ, при самомъ выпускѣ онъ былъ рекомендованъ князю однимъ изъ его родственниковъ. Скоро привыкнувъ къ дѣламъ службы, Дольскій съ искреннею охотою занимался ими и очень часто душевно соболазновалъ, что князь такъ мало занемался службою. Мудрено было, конечно, молодому человѣку говорить объ этомъ своему начальнику, — но онъ всячески старался разсказывать ему весь ходъ подписываемыхъ имъ бумагъ и не разъ привуждалъ, къ крайнему неудовольствію начальника отдѣленія, оставить и пересмотрѣть заготовленные бумаги. Это поспѣшило противъ Дольскаго вражду прочихъ сослуживцевъ, и хотя ему очень было грустно смотрѣть на ихъ недоброежелательство, но совесть ни въ чемъ его не упрекала, то онъ и продолжалъ дѣйствовать по прежнему. Изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій былъ онъ друженъ только съ однимъ. Это былъ Алексѣй Дмитріевичъ Кузиковъ, человекъ самый радужный, веселый, услужливый и, по видимому, совершенно открытый. Случайно познакомившись съ Дольскимъ, внушилъ онъ ему столько довѣренности и дружбы къ себѣ, что, при нечаянно открывшейся ваканціи въ томъ департаментѣ, которымъ управлялъ князь, Дольскій употребилъ всѣ усилія, просьбы и вліянія, чтобъ помѣстить Кузикова въ эту должность. Мало по малу, чрезъ дружбу съ Дольскимъ, Кузиковъ втерся въ довѣренность самаго князя. Такимъ образомъ Дольскій оставался любимцемъ князя по ученой части, а Кузиковъ по хозяйственной. Оба жили

дружно... Но на свѣтъ вѣтъ ничего прочнаго!

II.

Какой пріятный, торжественный и великопный видъ представляетъ всегда департаментъ или канцелярія въ минуты присутствія! Чиновники, облеченные въ вице-дундиры, каждый передъ своимъ въчпо-пензѣннымъ мѣстомъ, котораго всякое чернильное пятно ему исторически и хронологически извѣстно; каждый на своемъ привычномъ стулѣ, предъ своею постоянно-грязною чернилицею, предъ всегдашнею кипюю бумагъ, въ которыхъ только годъ, мѣсяцъ и число перемѣняются, а содержаніе остается почти тоже со времени изобрѣтенія буквъ. Чиновники важно, стройно и спокойно сидятъ, чинятъ перья, пробуютъ ихъ, опять чинятъ, посматриваютъ на заветную дверь, за которую сидитъ грозный вачальникъ отдѣленія и со вздохомъ принимается писать,—встаютъ и ходятъ за справкой, шопотомъ разговариваютъ съ другими о вчерашнемъ спектаклѣ и объ отвощеніи за № 2786, и потомъ возвращаются, опять скрипятъ перушками и уныло взглядываютъ па одвообразный ходъ часовъ, которые всякой день чѣмъ ближе къ радостнымъ тремъ часамъ, тѣмъ медленнѣе идутъ. И въ это время курьеры бѣгаютъ, унтеръ-офицеры носятъ зажженные свѣчи для пакетовъ, просители являются за справками, звѣпить торжественно колокольчикъ начальника отдѣленія, а иногда и самъ онъ выходитъ въ канцелярскую залу, чтобъ отдать для переписки какія нибудь бумаги, или чтобъ вымыть голову разсѣянному писцу за какую нибудь ошійку. О! какъ это все пріятно и великопно! Какая поучительная картина во всякой служебной сферѣ! Сколько въ ней философскаго и астрономическаго! Не такъ ли же все дѣлается въ ватурѣ? Не такъ ли безчисленны планеты, кометы и спутники идутъ, бѣгутъ, кружатся, шумятъ. поминутно затмѣваютъ другъ друга, никогда изъ учтивости не сталкиваются, а всегда сильно другъ друга затмѣваютъ, по мѣрѣ пользы своихъ и вѣса! Не такъ

ли же всѣ тѣмненькія тѣла грѣются около свѣтлыхъ, всасываютъ въ себя теплоту ихъ, радуются и важничаютъ забнуть и голодаютъ, судятъ о своихъ спутникахъ съ презрѣніемъ; стараются развѣдать, что дѣлается у сосѣдей и толкуютъ вкривь и вкосъ о чужихъ дѣлахъ, а также часто и о собственныхъ своихъ. Право, сравненіе вѣрно! Подумайте и милостиво разсудите гг. читатели.

Итакъ въ одну изъ этихъ торжественныхъ минутъ присутственныхъ застѣвацій какого-то департамента или канцеляріи (исторія право ве сохранила названія, да и какое въ томъ дѣло),—однѣ столоначальникъ, долго сидѣвшій на своемъ мѣстѣ безъ всякаго дѣла, взявъ какую-то бумагу, отправился, подъ предлогомъ справки, въ другой уголокъ канцелярской залы, гдѣ сидѣлъ другой знакомый ему столоначальникъ.

— Позвольте, Егоръ Аванасьевичъ, справиться у васъ вотъ по этому дѣлу, сказалъ онъ ему громко, показывая свою бумагу.—Егоръ Аванасьевичъ взглянулъ съ разсѣянностію на бумагу и хотѣлъ было ее взять изъ рукъ приходшаго, но тотъ отдернулъ ее и шопотомъ сказалъ ему:—Не безпокойся братецъ я такъ къ тебѣ пришелъ поболтать. Скука смертная. Работать сего-дня ужасно лѣнь, а до трехъ часовъ еще цѣлыхъ полтора часа.

— Тебѣ, другъ мой, Иванъ Петровичъ, вѣчно лѣнь; пресчастливая натура.

— Да нельзя, братецъ, все по гостямъ. Вчера засидѣлся за бостономъ до трехъ часовъ. Послѣ немможно сыгрывались, хватъ ужъ и шесть часовъ утра. Вотъ какъ видишь, не ложился еще и спать. Только умылся, да напился кофе. За то голова такая пустая. Глаза слипаются; работа на умъ нейдетъ. Да и что за работа! Вѣдь всего дѣла не передѣлаешь. Хотъ до чахотки доработаться, а дѣла все еще будутъ. Такъ изъ чего хлопотать?

— Философія не дурна, любезный Иванъ Петровичъ,—а что объ этомъ скажетъ Алексѣй Дмитріевичъ?

— Кто? нашъ начальникъ отдѣленія?

Вотъ мило! Да вѣдь и онъ съ нами былъ въ гостяхъ. Неможно пораньше только ушелъ, да игралъ въ 25 рублевый вистъ, вотъ и всл разница.

— Да пожалуй въ гостяхъ-то и никакой между вами не было разницы, — за то здѣсь...

— Э! братецъ, неужели ты думаешь, что я его боюсь? Вѣдь мы и сами имъ-емъ кой-какія протекціи. Вчера я цѣлый часъ разговаривалъ съ Николаемъ Александровичемъ Дольскимъ, премилый малой... Разспрашивалъ меня обо всемъ, что у насъ дѣлается, и я просилъ его, чтобъ, въ случаѣ нужды, защитилъ нашего брата отъ ватажекъ Алексѣя Дмитриевича.

— Оно конечно, любезный Иванъ Петровичъ... Дольской много значить у князя, и его протекція очень полезная вещь, но по моему лучше бы не имѣть въ ней надобности. И самъ частенько объѣдаю у Осипа Петровича Зимина (при этомъ важно-грозно имѣи руки Петра Ивановича невольно упали по швамъ), и онъ у меня распрашиваетъ всегда кое-о-чемъ, но я не болтую и люблю лучше держаться своего ближайшаго начальника... Вѣдь Алексѣй Дмитриевичъ человекъ дѣльной.

— Ну, ты его всегда защищаешь. Чая поладили съ нимъ? О! Алексѣй Дмитриевичъ на руку окулки не положитъ. Если бы князь зналъ всѣ его штуки!..

— Нужда ему большія знать, что между нами дѣлается. Шли бы хорошо дѣла, да не было-бы жалобъ на насъ, а прочее все постороннее дѣло. Въ студию и не такъ брали, но за то дѣло дѣлали, а чортъ-ли въ вытѣшскихъ ученыхъ и чистописныхъ лицествахъ. Скажи имъ о взяткахъ, они рады глаза выцарапать, но за то вѣдь и дѣло-то съ мѣста не двигается, за то не найдешь у нихъ протекціи въ червыи день, за то ни одинъ не заступится за лучшаго своего друга, если тотъ провинится въ чемънибудь. Вотъ и твой Дольскій такой.

— Такой, да не совсѣмъ. Въ немъ душа-то прелюбая. Прочти-ка его романы, повѣсти...чистая филантропія.

— Чортъ-ли мнѣ въ ней, да и во всѣхъ его сочиненіяхъ. Еслибъ я не зналъ

навѣрное, что онъ славно пишетъ дѣловыя бумаги, то литературныя его занятія не стоили бы ни гроша. На что онъ? къ чему всѣ пустыя романы, и безтолковыя повѣсти?—переволь бумагъ и денегамъ, больше ничего. Нѣтъ! для меня гораздо интереснѣе читать умную докладную записку, дѣловыи рапортъ, рѣзкое отношеніе, нежели вздоры литературныхъ щелкоперовъ.

— Ну, братъ Егоръ Афонасьевичъ, съ тобой не сговоришь... Ты книгамъ врагъ и читаешь только Сынъ Отечества. (*)

Въ эту минуту произошло всеобщее движеніе въ канцеляріи. Оба столоначальника оглянулись и съ удивленіемъ увидѣли Дольскаго, который расклаивался по обѣ стороны и вошелъ въ комнату начальника отдѣленія.

— Чтобы это значило, Егоръ Афонасьевичъ!спросилъ Иванъ Петровичъ,—зачѣмъ Дольскій пріѣхалъ сюда? Какое нибудь важное дѣло по нашему отдѣленію...Охъ! ужъ не компъ-ли въ столъ! Боже сохрани! Засалять за работу, а мнѣ ужасно дѣлы!

— Просто, я думаю, собираются куда нибудь вмѣстѣ ѣхать погулять, вотъ и все.

— Ахъ, прекрасно бы! можно было бы раньше трехъ уйти!.. А вѣдь, между вами сказать, Егоръ Афонасьевичъ, для меня удивительна дружба Дольскаго съ Кузиковымъ; они вовсе несхожи ни нравами, ни правилами.

— Что тутъ удивительнаго! въ свѣтъ все такъ дѣлается. Кузиковъ облизалъ Дольскому своимъ мѣстомъ, Дольской ему нуженъ,—слѣдственно онъ умѣлъ къ нему приласкаться, подружился съ нимъ, увѣрилъ его въ истинной своей привязанности. Дольскій, по молодости и самолюбію, этому вѣрить и все идетъ своимъ порядкомъ, до тѣхъ поръ, пока Дольской не свернется. Тутъ Алексѣй Дмитриевичъ первый нападетъ на него, первый прижметъ, первый оставитъ, первый будетъ смѣяться надъ его легковѣрностію...

(*) Повѣсть происходитъ около 1820 года; тогда Сынъ Отечества былъ звѣздою первой величины и почти единственнымъ петербургскимъ журналомъ.

Егоръ Аевонасьевичъ не успѣлъ окончить своей фразы, какъ Дольскій и Кузиковъ вышли изъ комнаты начальника отдѣленія.

— Извините, господа, что я васъ такъ рано оставляю, сказалъ Кузиковъ, кланяясь своимъ подчиненнымъ. Крайняя нужда... казенная удобность... Я увѣренъ, что каждый изъ васъ займется и безъ меня своимъ дѣломъ.

— Ну, какъ же! нашель дураковъ! сказалъ громко Иванъ Петровичъ, по ухоль Кузикова. Онъ будетъ гулять, а мы сиди, да пиши. Слуга покорный! У меня тоже крайняя нужда... казенная удобность. Да и голова страхъ болить. Прощайте, господа! прибавилъ онъ обратясь къ своимъ сослуживцамъ и писцамъ, — займитесь пожалуйста безъ меня до 3-хъ часовъ.

Съ этимъ словомъ онъ взялъ шляпу, раскланялся и подошелъ къ Егору Аевонасьевичу съ вопросомъ:

— Не будешь-ли ты сегодня въ театрѣ?

— Богъ съ нимъ! отвѣчалъ тотъ. Что тамъ смотреть, новаго ничего нѣтъ.

— Помилуй! а балеты Дилло. Поминутно новыя! прелесть!

— Что мнѣ въ нихъ! Только вы, батюшка, ученые люди, находите въ прыжкахъ и скачкахъ большое наслажденіе, видите тутъ что-то художественное, эстетическое. А и такъ человекъ простой, люблю Озерова, и уважаю Шаховскаго, до безумія восхищаюсь Катериной Семеповой, и люблю только чисто русскую драму. А ваши Аптоевы, Воляжи, Истомины; что мнѣ въ нихъ! Выйдутъ, поломаются, поскачутъ, покружатся, уйдутъ за кулисы, задыхаются, прокливаютъ жизнь свою и свое глупое ремесло, а мы, зрители, хлопаемъ, радуемся, восхищаемся, кричимъ, вызываемъ, а что мы видимъ? Танцы! Да что такое танцы! Неужели же пріятно смотреть на искаженную, на униженную натуру! (*) Мнѣ стыливо видѣть эти существа, которыя носятъ высокое имя *человѣка* и всю цѣль

жизни поставляютъ въ томъ, чтобъ кривляться, скакать, вертѣться и задыхаться. И въ этомъ другіе видятъ высокое наслажденіе! Для молодыхъ людей, я повѣрю, что аттитюды полувоздушшой, полупрозрачной флоры, должны бы быть пріятны и восхитительны, по разберите хорошенько сами эти чувства и вамъ будетъ совѣстно своихъ восторговъ. Заставьте эти же самыя позы и аттитюды сдѣлать мужчину и вы не будете смотреть на нихъ. Слѣдственно, не художественный восторгъ одушевлялъ васъ, а просто взволнованная кровь. Нѣтъ, батюшка! давай мнѣ сюда трагедій, комедій, да русскихъ, оригинальныхъ, — и я не загляну въ ваши балеты.

— Прощай! ты медвѣдь, Егоръ Аевонасьевичъ, сказалъ Иванъ Петровичъ и сильно зѣвнулъ отъ длинной выходки своего товарища, который всякой день его бѣсилъ, унижая любимый имъ родъ спектаклей. Всякой день тотъ съ нимъ спорилъ и оба старались убѣдить другъ друга въ превосходствѣ своихъ вкусовъ и сужденій. Видно, оба были чудаки... Развѣ можно спорить о вкусѣ и привить его другому. Никогда не должно и затѣвать подобныхъ споровъ. Пожалуйста и вы, добрые мои читатели, не вѣрьте этому Егору Аевонасьевичу: — во первыхъ, онъ не видалъ Тальони, во вторыхъ, у cadaго свой вкусъ. Пусть онъ ждетъ Озеровыхъ и Фонъ-Визиныхъ. Еще когда дождется. А мы до тѣхъ поръ будемъ себѣ два раза въ недѣлю посматривать на Тальони, да по восьми разъ за каждый спектакль вызывать ее. Чудакъ Егоръ Аевонасьевичъ! не звалъ во все время и этого послѣдняго наслажденія. Онъ съ братіею сидѣлъ молча цѣлый спектакль, да только хлопалъ руками, ногами и ушами. Ему никогда не приходило въ голову вдругъ остановить ходъ оперы, балета и даже трагедіи, для того, чтобъ вызвать разъ пять сряду артиста, который ему понравился, или которому онъ заранѣе общалъ эти крики и вызовы. А вѣдь это истинное наслажденіе! По крайней мѣрѣ поминутно помнишь, что это театрѣ, что это все шутка, и что смѣшило же до конца сидѣть чинно и пристойно. Нельзя удерживать порывы художественнаго восторга, если Юлія удачно

(*) Очень жаль, что Егоръ Аевонасьевичъ не могъ тогда видѣть Тальони. Онъ бы не судилъ такъ!

вышла ядъ, хорошо умерла и отпесена за кулисы, чтобъ быть положенною въ гробъ, то почему не вызвать ее въ это время на сцену? Это и приятно и забавно!—Если герой, послѣ жаркаго монолога, бросается съ сцены, чтобы кого нибудь зарезать, почему его не вызвать и заставить вытти, чтобъ онъ расмаивался со знакомыми. Это такъ натурально. Въ артистѣ обязавъ угождать публикѣ, какова-бы она ни была; онъ не долженъ вообразать себя, играя какую нибудь роль, что онъ и въ самомъ дѣлѣ жрецъ, или рыцарь, а просто актеръ, тавцоръ, который обязанъ, хоть 333 раза, по волѣ и капризу зрителей, выходить изъ за кулисъ, низко раскланываться и благодарить ихъ за то, что оставили холъ пьесы. Ей Богу весело!

Итакъ Иванъ Петровичъ зѣвнулъ самымъ дружескимъ образомъ, взялъ шляпу и ушелъ, ворча съ улыбкою про себя: чудакъ, медвѣдь!

III.

— А что, Совюшка, дѣлаетъ твоя Лизавета Ивановна, спросилъ однажды князь у своей дочери, когда она пришла къ нему по утру въ кабинетъ, чтобъ поздороваться и спросить:—будутъ ли въ тотъ день обѣдать у нихъ гости?

— Ничего папа! читаетъ *Ivanhoë*, отвѣчала дочь. Мы собираемся вѣхать въ англійскій магазинъ. Нужно купить кой-какія бездѣлны...

— Послушай, душечка, прервалъ отецъ. Я хотѣлъ съ тобой поговорить. Вотъ уже три мѣсяца, какъ ты вышла изъ института—и все это время прошло какъ въ чадѣ. Лизавета Ивановна по дружбѣ къ тебѣ согласилась жить съ тобою, и я очень радъ. По крайней мѣрѣ, у тебя есть всегда подруга, которая тебѣ можетъ полъ часъ дать и полезный совѣтъ. Но душечка... Въдѣ она для тебя оставила мѣсто, гдѣ имѣла жалованье, и хотѣ ей, здѣсь никогда ни въ чемъ пужды не будетъ, по надобно во всемъ поступать аккуратно. Надобно положить Лизаветѣ Ивановнѣ жалованье...

— Ай! папа! какъ можно! вскричала

Софья вспыхнувъ отъ досады: развѣ, Лизавета Ивановна, моя нянька, горничная; ова, мой другъ, моя сестра; она въ ту же минуту оставитъ нашъ домъ. Вы обидитесь смертельно. Нѣтъ, пожалуйте, и не затѣвайте этого.

Князь пожалъ плечами.—Ты еще настоящий ребенокъ Sophie. Лизавета Ивановна конечно изъ хорошаго дома, и дѣвушка хорошихъ правилъ. Но у нея нѣтъ никакого имѣнія, никакой родни. Хорошо, покуда она у насъ, — ну, а если... по какимъ нибудь причинамъ, она должна будетъ оставить нашъ домъ...

— Никогда, папа! Мы поклялись никогда не разлучаться. Никогда не можетъ быть обстоятельство, которыя могли бы принудить насъ разлучиться...

— Ну, а если ты выйдешь замужъ?..

На минуту Софья остановилась, опустила глаза, и погрузилась въ размышленіе. Прежде это не пришло ей въ голову. Но разумъ продолжалось не долго. Она съ живостью подвѣяла опять черныя свои блестящіе глаза, и съ рѣшительностію отвѣчала:

— Ну, такъ чтожъ! Неужели мое замужество можетъ мѣшать моей дружбѣ къ Лизѣ? Она останется со мною, будетъ также моей подругой, сестрой...

— Да въдѣ ты должва будещъ жить съ своимъ мужемъ...

— Ахъ, папа! я понимаю, какіе вы смѣшные! Въдѣ я помню еще, когда вы жили съ мѣленькой. Вы ее очень любили. Она бывало съ своей половины вмѣстѣ со мною приходила къ вамъ каждое утро, сидѣла у васъ полчаса, потомъ уходила, вѣдѣлась съ вами иногда за обѣдомъ, вѣдѣла съ вами иногда въ гости... Ну, и я буду точно такъ жить съ своимъ мужемъ. Лиза будетъ на моей половинѣ,—вотъ и все.

Князь улыбулся простодушію своей дочери, но не имѣлъ духа растолковать ей подробно, странность и несбыточность ея плаповъ, потому далъ другой оборотъ разговору.

— Поможимъ, что такъ, сказалъ онъ.

Ну, а если Лизаветѣ Ивановнѣ вздумается вытти замужъ... Въдѣ это вещь очень возможная... Она собою прелестна,

и вѣрно скоро найдетъ себѣ выгоднаго жениха... Что тогда! — Развѣ она и съ мужемъ своимъ, будетъ жить на твоей половинѣ?..

Софья опять задумалась. Это обстоятельство то же не входило ей въ голову. И на этотъ разъ живость ея ума стала въ тупикъ.

— Да, папа!.. если она... такъ я уже не знаю... а мы все таки поклялись другъ другу...

— И держите свои свои клятвы куда можно... Но когда общественныя и семейныя условія сдѣлаютъ ихъ невозможными, тогда вы разъедетесь, но будете все-таки друзьями. И такъ послушай же, Воротимся къ моей первой идеѣ. Лизавета Ивановна можетъ вытти замужъ и для того ей надобно имѣть свой собственный капиталъ, хоть самый небольшой. У нея нѣтъ теперь ничего, и мы должны по дружбѣ къ ней обезпечить ея состояніе. Вотъ почему я и хочу, чтобъ она получала что нибудь отъ насъ извѣстно и постоянно...

— Нѣтъ, право, этого нельзя сдѣлать. Да она ни за что не согласится. Какъ можно другу, сестрѣ, предлагать деньги?

— Очень можно и должно. Вѣдь ты моя дочь,—а я тебѣ даю же на карманые расходы. Вѣдь если бы у тебя была бѣдная родственница, сестра, развѣ ты не дала бы ей ничего?...

— Ахъ, папа! все возможное отдала бы...

— Ну такъ Лизаветъ Ивановнѣ надобно ассигновать что нибудь. Она дурно сдѣлаетъ, если обидится...

— Да какъ не обидится? жалованье... Послушайте, папа. Вотъ прекрасная мысль. Теперь пока она со мною живетъ, ей ничего не нужно и она ничего не приметъ, но когда она будетъ выходить замужъ, то тогда вы дадите ей въ видъ дружескаго подарка какую нибудь сумму. Не правда-ли л хорошо придумала.

— Не со взъмъ, другъ мой... Мы всѣ люди... Кто знаетъ... долго-ли кому остается прожить? Я могу вдругъ умереть...

— Ахъ! папа! Какъ вамъ не стыдно говорить такія вещи, вскричала княжна

и со слезами бросилась обнимать отца... Вы только огорчаєте меня, а ничего не доказываете. Вѣдь если бы это могло такъ случиться, то я раздѣлю тогда съ нею все мое имѣніе.

— Ну, а если ты тоже не переживешь меня? что тогда?...

— Тогда!... да полноте, папа, перестаньте...

Ну, хорошо, найду тебѣ и другой резонъ. Напримѣръ: мнѣ теперь 46 годъ. Я почитаю себя вовсе не старикомъ и очень могу влюбиться. Что, если я и самъ еще разъ женюсь? Какъ ты думаешь—можетъ-ли тогда Лизавета Ивановна остаться съ нами?

— Право, не знаю папа! отвѣчала Софья, съ целоумѣніемъ глядя на отца. Но у васъ сегодня престранныя идеи... мнѣ кажется, вамъ уаъ... не прилично жениться.

— Ошибаешься, мой другъ... это еще очень можетъ случиться... слѣдственно Лизавету Ивановну все таки надобно чѣмъ нибудь обезпечить. Мнѣ не ловко ей говорить объ этомъ, а ты должна все объяснить и пересказать: что я на первый случай положу на имя ея 10 тысячъ въ ломбардъ, ну, а если ей вздумается вытти замужъ, то и ты и я—оба постараемся сдѣлать, все что будетъ въ нашихъ силахъ.

— Десять тысячъ, папа! вскричала княжна съ радостію. О! это она приметъ. Это по крайней мѣрѣ значительный подарокъ,—а то вы было хотѣли жалованье... Вы себѣ вообразите, что она получила у насъ жалованья 500 въ годъ...

— Ну, такъ наше дѣло слажено. Сгупай же къ Лизаветѣ Ивановнѣ и расскажи ей.

— Хорошо, хорошо, милый, добрый папа! До свиданья. Она поклонилась и поцѣловала его въ щеку, повернулась и ушла: а князь, позвоня въ колокольчикъ, велѣлъ позвать Алексѣя Дмитріевича Кузикова. Тотъ вошелъ, принявъ самый откровенный и вмѣстѣ самый подобострастный видъ.

— Потрудитесь пожалуйста, любезный Алексѣй Дмитріевичъ, отвезти въ ломбардъ эти 10 тысячъ и положите ихъ

на имя дѣвицы Елизаветы Ивановны Смирновой.

— Слушаю, ваше сіятельство, было единственнымъ звукомъ, вылетѣвшимъ изъ устъ услужливаго подчиненнаго. Сложивъ деньги въ платокъ, и завязавъ его, Кузиковъ хотѣлъ уже вытти, какъ князь спросилъ у него, нѣтъ ли чего новаго по службѣ?

— Ничего особеннаго, ваше сіятельство. Подрядчикъ Пузацовъ явился только въ отдѣленіе и просилъ денегъ по послѣднимъ счетамъ.

— Ну, чтожь? если счеты провѣрены, то выдайте...

— Бухгалтеръ и контролеръ подписали ихъ... Но я къ завтраму еще разъ самъ ихъ просмотрю хорошенько. Съ такими людьми надо быть осторожнымъ. Сейчасъ обмануть.

— Я полагаюсь на васъ, сказалъ князь.

— Отъ того-то я и дѣлаю въ дѣлѣtero осторожнѣе обыкновеннаго. Я всю жизнь не простилъ себѣ ни малѣйшей ошибки. Милость и довѣренность вашего сіятельства мнѣ всего дороже.

— Благодарю васъ, Алексѣй Дмитриевичъ, и очень буду радъ, если удастся мнѣ доказать вамъ мою призвательность какими нибудь выгодами по службѣ. И если министръ не откажетъ моего представленія...

— Хотя, по довѣренности, которою ваше сіятельство пользуетесь при дворѣ и невѣроятно, чтобъ вы получили отказъ, но во всякомъ случаѣ я буду всю жизнь вполнѣ чувствовать ваши милости.

— Довольны ли вы всеми своими подчиненными?

— Я стараюсь какъ можно меньше имѣть въ нихъ надобности, самъ все дѣлаю, и нахожу что гораздо лучше и скорѣе успѣю самъ все написать, чѣмъ десять разъ переправлять и дожидаться... Впрочемъ я надѣюсь ихъ сформировать. Они немного избалованы, разсыяны, но помаленьку все это поправится. Подчиненныеникогда не виноваты, если дѣла худо идутъ.. Все дѣло въ начальникѣ, а усердіе мое къ вашему сіятельству безпредѣльно.

— Благодарю васъ... Пожалуйста же

поѣзжайте. Да скажите, чтобъ Дольскій ко мнѣ пришелъ.

— Я его видѣлъ въ библиотекѣ. Перебираетъ книги...

— Га! мы хотѣли сегодня заняться... Позовите же его.

Кузаковъ отклаваясь, а черезъ нѣсколько минутъ явился Дольскій, таща съ собою груду книгъ.

— Сколько ты сегодня набралъ книгъ! вскричалъ князь. Неужели мы безъ нихъ не составимъ нѣсколько путныхъ статей? Кажется, наши головы довольно снабжены памятью, чтобъ не искать безпреставо справокъ.

— На всякой случай, ваше сіятельство, чтобы не бѣгать послѣ въ библиотеку... А теперь же туда пришла Лизавета Ивановна и завялась чтеніемъ.

— Опять Лизавета Ивановна, сказалъ съ улыбкою князь. Смотрите Николай Александровичъ. У насъ будетъ съ вами дуэль.

— Орудіе паше слишкомъ неровно, отвѣчалъ со скромною гордостію Дольскій... Вамъ стоитъ сказать одно слово, чтобъ побѣдить меня.

— Благодарю, братъ, за комплименты, а все-таки съ Лизаветой Ивановной у васъ что-то есть. Она сама такъ умильно всегда смотритъ на тебя, всегда съ тобою разговариваетъ, съ тобою любитъ танцовать... И когда ты, по утрамъ въ библиотекѣ, то и она ужъ вѣчно туда придетъ.

— А кто вамъ это говоритъ всегда?

— Самъ же ты.

— Ну такъ для такого фیزیолога, какъ ваше сіятельство, это можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ, что вы ошибаетесь. Покуда я самъ рассказываю, то можете быть покойны. Истинныя тайны сердца глубоко заключены въ душѣ. Объ нихъ не только не говорятъ, но даже стараются скрывать отъ самихъ себя.

— А у тебя есть тайна?

Дольскій замолчалъ, а князь проникательно всматривался въ фیزیономію юноши, сильно вспыхнувшую отъ неожиданнаго вопроса.

— Прекрасно, сударь! Что это значить! спросилъ князь. Кажется я поймалъ васъ, отвѣчайте.

— Мать нечего отвечать, ваше сиятельство. Я уже сказалъ, что настоящія тайны стараются скрывать отъ самихъ себя. Покуда у меня вѣтъ ихъ. Но когда я принужденъ буду сознаться передъ самимъ собою то вы, какъ благодѣтель мой, первый узнаете тайну моего сердца.

— А теперь... вѣтъ еще призыва!.. вѣтъ еще ничего такого къ Лизаветѣ Ивановнѣ! А вѣдь чудная дѣвушка!

— Я сознаюсь, что она обладаетъ всеми возможными совершенствами...

Но, откровенно скажу; что не выбралъ бы ея предметомъ своей страсти.

— Какой же идеалъ у тебя въ головѣ... Васъ романствовъ не скоро поймешь. Какихъ героинь вамъ влобно.

— Но не угодно ли вашему сиятельству вачать работать?..

— Пожалуй, давай хоть писать, если не хочешь говорить про себя. Впрочемъ я вѣдь дождусь. Сего-дня подкараулилъ морально, другой разъ поймаю физически. Ну, какой же предметъ ты хотѣлъ сегодня обрабатывать.

Едва было начали они разбирать тетради, лежавшія на столѣ, какъ влетѣла въ комнату княжна, и за ней тихо и стыдливо Лизавета Ивановна.

— Ну, папа! вскричала Софья: а ей все рассказала и она пришла васъ благодарить.

— Я право, не знаю, князь, какъ благодарить васъ за ваши милости, прошептала Лизавета Ивановна... Я вовсе не заслуживаю ихъ...

— Перестаньте, пожалуйста, милая Лизавета Ивановна, по дружбѣ къ моей дочери, вы привесли большую жертву; вы болѣе одолжили меня, нежели я васъ...

— Напротивъ, князь...

— Ну полно, милая Лиза! Обними паненку и поѣдемъ въ магазинъ.

Лизавета Ивановна еще болѣе покраснѣла. Обнять князя легко дочери, по ей, каково-то ей! Она потупила глаза, и стояла неподвижно передъ княземъ.

— Да ну же, та снѣте, полно ребячиться. Ужъ не стыдишься ли ты обнять папа. Вотъ мило! Да онъ нашъ папа! Я его двадцать разъ въ день цѣлую, такъ значить и ты должна. Она схватила Ли-

завету Ивановну за руку и толкнула прямо на грудь князя, который съ вѣжностью поцѣловалъ объ ея пурпуровыя щеки.

Княжна съ своей стороны также обвила свои прекрасныя ручки вокругъ шеи отца и поцѣловавъ его нѣсколько разъ, закричала, что пора вѣхать и утащила съ собою Лизавету Ивановну.

Задумчиво смотрѣлъ Дольскій на эту картину, и грудь его сильно колыхалась. Весело взглянувъ на него князь и ласково спросилъ. — Что, Николай Александровичъ! ты что задумался? Каковъ поцѣлуй я схватилъ?

— Достойный вашего добраго сердца, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ, котораго не успѣлъ подавить.

— И вздохъ, прекрасно! вскричалъ князь. Признайся, что тебѣ завидно.

— Боже сохрани! сказала Дольскій. Зависть доказываетъ низость души, а я довольно самолюбивъ, чтобъ имѣть подобныя чувства.

Они хотѣли привѣяться за работу, но въ квигѣ судебъ написано было, что въ этотъ день имъ не удастся заняться учеными дѣлами. Осипъ Петровичъ Зиминъ пожаловалъ къ князю.

Дольскій сложилъ тетрадь и хотѣлъ вытти, но князь остановилъ его.

— Куда жъ ты? можетъ быть Осипъ Петровичъ такъ захалъ... Проси сюда, сказалъ онъ, обратясь къ лакею.

Черезъ минуту вошелъ съ любезною важностію, толстый, лысый, низенькій человекъ, съ очками на глазахъ и съ нѣсколькими орденами на шеѣ. Это былъ директоръ канцеляріи министра, къ вѣдомству котораго принадлежалъ князь.

— Его высокопревосходительство свидѣтельствуемъ вашему сиятельству свое почтеніе, началъ Осипъ Петровичъ.

— Покорнѣйше благодарю васъ, прошу садиться, отвѣчалъ князь, и видя, что онъ значительно посматриваетъ на Дольскаго, сказалъ ему, чтобъ тотъ отвесъ книги въ бібліотеку.

— Это кажется г. Дольскій, сказалъ Осипъ Петровичъ, глядя ему въ сѣдъ.

— Да, мой секретарь.

— Говорятъ учевый человекъ и писатель.

— И очень дѣловой чиновникъ, отвѣчалъ князь.

— Это рѣдкость, большая рѣдкость... Всѣ писатели худо знаютъ и понимаютъ службу... Но это вѣдь не мое дѣло... Меня прислалъ къ вамъ его в—ство, онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе... и поручилъ мнѣ объяснить кой какія бездѣлицы, по вашему департаменту.

— Что прикажетъ, его в—ство? спросилъ князь.

— Вотъ видите ли... дошли до него, сторовою, разныя неблагопріятныя слухи на счетъ нѣкоторыхъ вашихъ чиновниковъ, и такъ какъ онъ не вѣритъ имъ и не дѣйствуетъ по однимъ слухамъ, то и поручилъ вамъ *подъ секретомъ* все это разсмотреть, развѣдать и при первомъ свиданіи довести ему.

— Воля его будетъ въ точности исполнена.... Позвольте узнать теперь, въ чемъ состоятъ непріятныя слухи?

— Конечно, вы тутъ не виноваты, нельзя же вамъ знать всѣхъ подробностей каждаго дѣла и входить въ нравственныя и семейныя обстоятельства вашихъ чиновниковъ. Нашъ министръ чрезвычайно доволенъ вами и всегда объ васъ отзывался съ похвалою. Еще вчера говорилъ онъ за столомъ о своихъ директорахъ и именно сказалъ объ вашемъ сіятельствѣ, что вы бы могли служить образцомъ хорошихъ начальниковъ, еслибы были немного построже и еслибы...

Осипъ Петровичъ не окончилъ фразы, потому что нечаянно поперхнулся. Немудрено, онъ былъ человекъ мокротный. Другой на мѣсть князя доволенъ бы былъ тѣмъ, что ему сказано, но князь любилъ во всемъ подробности и хотѣлъ знать конецъ фразы Осипа Петровича.

— И еслибы... продолжайте, Осипъ Петровичъ. Хорошій подчиненный долженъ все знать, что говорить и думать объ немъ начальникъ.

— Еслибы вы были, князь, не много построже, и еслибы не слишкомъ изучали себя учеными занятіями....

— Понимаю, и съ покорностію принимаю это замѣчаніе. Оно справедливо. Я дѣйствительно люблю заниматься пауками и литературой, но дѣлаю это въ свободныя отъ служебныхъ занятій часы.

Доброта же моя.... Но позвольте узнать о слухахъ....

— Это такъ только пустяки!... Вотъ извольте видѣть.... Дошло до свѣдѣнія его в—ства, что нѣкоторые изъ начальниковъ отаѣлений... немножко любятъ деньги, то есть.... немножко дѣлятся съ подрядчиками... Можетъ быть это и не правда, но это самыя непріятныя слухи, потому онъ покорнѣйше проситъ, ваше сіятельство, обратить особенное вниманіе на счетную и хозяйственную части, и принять на себя трудъ самимъ разсмотреть счета....

— Непрѣменно исполню волю его в—ства, хотя заранѣе убѣжденъ, что лошадшіе до него слухи ничто иное, какъ интриги и клеветы, которыя обращены на одного меня, потому что всякій проступокъ подчиненнаго неминуемо падаетъ на меня.

— Помилуйте, ваше сіятельство! Повѣрьте, что вы на этотъ счетъ въ большомъ заблужденіи. Повторяю вамъ, что его в—ство чрезвычайно уважаетъ васъ, и ни мало не приписываетъ вашему неосмотрѣнію проступки этихъ господъ. А потому нарочно прислалъ меня къ вамъ, чтобъ дружески и по секрету сообщить вамъ объ этихъ слухахъ. Вы сами изволите убѣдиться, справедливо-ли все это дѣло, или одни наговоры и наушничество.

— На кого же именно изъ моихъ чиновниковъ падзютъ эти неблагопріятныя слухи? спросилъ князь.

— Во первыхъ на Егора Аѳонасьевича Хрюмина, который уже не разъ былъ замѣченъ и прежде въ подобныхъ поступкахъ, и его в—ство покорнѣйше проситъ удалить его отъ службы.

— За этого я и не думаю заступаться, отвѣчалъ князь. Вы знаете, что я уже не разъ говорилъ вамъ объ немъ и совѣтовался, какъ мнѣ поступить, чтобъ не погубить его. Вы сами....

— Да, да! очень помню, и я сказывалъ объ этомъ министру, сладостенно вы его призовете и пригласите подать просьбу объ увольненіи.... А есть ли у васъ достойный человекъ, чтобъ замѣнить его?... Если вамъ угодно, то я рекомендую....

— Благодарю васъ, Осипъ Петровичъ; во я давно уже назначилъ первую ваканцію начальника отдѣленія, для секретаря моего Дольскаго....

— Да!... очень хорошо!... Министръ вѣрно одобритъ вашъ выборъ.... хоть онъ правда и не очень любитъ писателей.... этотъ классъ людей вообще самый безпокойный и не прочный по службѣ. У нихъ совсѣмъ другія идеи.... Впрочемъ, не мое дѣло.

— Ну, а кто еще подвергся обвинительнымъ слухамъ, Осипъ Петровичъ?

— Да вашъ недавно опредѣленный Алексѣй Дмитріевичъ Кузиковъ.... Объявемъ самыя невыгодныя слухи въ городъ....

— Помилуйте, за него я готовъ заступитья всѣми силами. Еще передъ вами толковалъ я съ нимъ о счетахъ послѣдней моей постройки. Подрядчикъ просилъ денегъ, счета повѣрены и подписаны бухгалтеромъ и контролёромъ; а Кузиковъ все таки проситъ у меня позволенія еще разъ самому повѣрить счета, чтобъ не допустить меня до малѣйшей ошибки.

— Да-съ! оно конечно очень похвально. Но.... простите мнѣ мою откровенность. Вы при извѣстной добротѣ своей и благородству чувствъ не можете судить о подобныя людяхъ. Вы недавно еще знаете Кузикова.... Богъ знаетъ кто вамъ рекомендовалъ его.... Онъ мастеръ говорить, услуживать, отмалчиваться, но моральныя его правила очень на дурномъ счету. Я вамъ только то скажу, что получая тысячь пять жалованья, онъ издерживаетъ болѣе 20-ти; имѣнія никакого нѣтъ, а на квартирѣ у него погребъ бурговскихъ винъ. Откуда все берется! выпче мавна съ небесъ ужъ не падаетъ. А потому министръ остерегаеть дружески васъ отъ Кузикова. И за одно подозрѣніе Кузиковъ не можетъ быть терпимъ на службѣ. Примите съ нимъ свои мѣры, онъ можетъ васъ самихъ довести до неурядностей.

— Если неурядности будутъ заслуженныя, то я съ молчаніемъ перенесу ихъ; если же безъ причинъ....

— Вы слишкомъ хорошо знаете высокую душу нашего министра, чтобъ

предполагать съ его стороны какія нибудь неосновательныя причины. Смѣло могу утвердить васъ, что онъ сердечно расположеть къ вамъ и хотя я очень незнающій человекъ, по по милости и довѣренности ко мнѣ, всегда стараюсь поддерживать дружеское его расположеніе къ вамъ.

— Благодарю, любезнѣйшій Осипъ Петровичъ, и душевно желалъ бы съ моей стороны, быть вамъ чѣмъ нибудь полезнымъ.

— Кто знаетъ ваше сіятельство! можетъ быть я буду имѣть надобность въ вашей помощи. Теперь казенное мое порученіе окончилось. Позвольте спросить о вашемъ здоровьѣ... Молодая княжна что дѣлаетъ?

— Кажется уѣхала со двора... Здорова, живетъ да веселится.

— Какъ вы счастливы, имѣя такую дочь. Она чудо красоты, ума и любезности.

— Благодарю за похвалы. Для отла онъ всего пріятнѣе. А вы какъ поживаете, Осипъ Петровичъ! давно уже не навѣщали меня. Мы всегда дома объедаемъ..

— Да всякой день собирався... Все занятія да порученія.... Впрочемъ, если позволите.... Вы сегодня не дома ли кушаете?

— Дома. Сдѣлайте одолженіе. Мы будемъ ждать васъ....

— Поставлю себѣ за особенное удовольствіе.... Теперь позвольте раскланяться....

Еще нѣсколько фразъ учтивости, и они растаяли.

IV.

Прошло уже болѣе года, какъ молодая княжна красовалась въ свѣтъ. Сотни обожателей еженежно мелькали перелъ цѣю, то во время прогулки, то въ спектакль, то на вечерахъ. Неразлучною ея спутницей была Лизавета Ивановна, и хотя она неуступала ей въ красотѣ, но какъ не имѣла ста тысячь дохода, то и получала однѣ пошлыя фразы, и избитыя любезности. — Князь съ удовольствіемъ смотрѣлъ на еженежныя побѣды дочери, и поджидалъ предложеній. Но, какъ у насъ обыкновенно,

новенно влюбляются во весь карьеръ, а сватаются тихимъ шагомъ, то дела и оставались при однихъ волокитствахъ. Иногда отецъ любопытствовалъ, а иногда и старался тонкими дипломатическими средствами въводить у дочери, кого она предпочитаетъ въ тояжъ любезниковъ?— но старанія его были напрасны. Ни одно изъ имевъ ея обожателей не заставляло ее ни краснѣть, ни задумываться. Это казалось ему удивительнымъ. Сердце молодой дѣвушки, которая себѣ такъ долго не ищетъ пищи, должно быть вѣтрено, или безчувственно. А отецъ видѣлъ, что дочь его оларена сильными и постоянными чувствами. Следственно всѣ мелькавшіе около нея лица, не заслуживали особеннаго вниманія и привязанности. Оставалось ждать съ нетерпѣніемъ, покуда будильникъ зазвѣнитъ въ сердцѣ Софьи.

А между тѣмъ князь ошибался, Софья давно уже любила. Кого же?

Въ одно утро въ концѣ мая, Софья и полруга ея, послѣ обыкновеннаго свиданія съ княземъ и послѣ завтрака, сидѣли въ своемъ будуарѣ, и читали какіе-то новые французскіе романы. (Охъ ужъ эти французскіе романы! отбиваютъ у насъ, русскихъ, хлѣбъ.) Роскошно раскинувшись на диванѣ, Софья первая положила свою книгу и погрузилась въ глубокое размышленіе. Тихій вѣтеръ приятно навѣвалъ прохладу на пламенное ея чело, подпертое бѣлою ручкою. Отъ жаркаго-ли утра, отъ чтенія-ли романа, или отъ осемнадцатилѣтней кровп, ея были чрезвычайно жарко, душно, тѣсно.... Грудь ея сильно волновалась подъ прозрачнымъ газомъ, щеки пылали, глаза подернулись влажнымъ хрусталемъ, малевкій ротикъ непримѣтно раскрылся.

— Что ты, Sophie, задумалась? спросила у нея Лизавета Иваповна, которая тоже по причинѣ ввутренняго и наружнаго жара перестала читать.

— Такъ, моя милая, скучно!

— Такъ не хочешь ли чѣмъ нибудь заняться.

— Но чѣмъ?

— Гулять.

— Смертельная жара!.. Нѣтъ, милая Лиза. Я хочу такъ полежать и помечтать.

— О чемъ, та считаешь, о комъ?

— О твоёмъ Дольскомъ!.. Нѣтъ, Лиза! я не хочу тебя уступить его. Мы рѣшительно соперницы. И странно; вездѣ пишутъ о враждѣ и ненависти соперницъ, а я чувствую, что еще больше-прежнего тебя люблю. Лиза подошла къ ней и обняла ее.

— Я то же, Sophie. Объ насъ двоихъ можно бы было написать прекрасный романъ.

— Да никто не повѣритъ нашей дружбѣ.... Чтожъ намъ одвако, Лиза, дѣлать? Кто жѣ кому уступить?

— Никто одинъ другому; а объ уступимъ судьбѣ. Я еще не знаю любить-ли онъ тебя; но увѣрена, что онъ тебя полюбитъ.

— Онъ неправъ. Ты прелестна, сказала Софья и съ жаромъ поцѣловала ее.

— А я такъ думаю; Лиза, что онъ меня любитъ.

— Докажи.... говорилъ-ли онъ тебѣ что нибудь похожее?

— Никогда. Но это-то самое и убѣждаетъ меня въ сильной его страсти. Еслибъ онъ былъ равнодушнѣе, то искалъ бы случая сказать мнѣ, что нибудь пріятное, приторное; старался бы услуживать, льстить, преслѣдовать пламенными взглядами. Напротивъ онъ вѣчно со мною холоденъ, угрюмъ и молчаливъ. Это меня часто бѣситъ. Я стараюсь вырвать у него хоть слово нѣжное, и не могу. Повѣрь же, моя милая, что это истинная, глубокая страсть, или всѣ наши романы сущій вздоръ. Лиза вздохнула и долго не отвѣчала ни слова. Потомъ обнявши Софью, съ видимою тоскою сказала:

— Да, другъ мой! Ты права. Онъ любитъ тебя, потому, что онъ со мною всегда шутитъ и любезничаетъ, весело разговариваетъ и услуживаетъ; но ни искры постояннаго чувства. Я въ отчаяніи!

— Перестань, та считаешь! Кто знаетъ будущее! Все это можетъ быть одинъ романъ. Теперь мы его читаемъ, воспламеняемая, восхищены; потомъ прочтемъ, подумаемъ...

— Недоговаривай, Sophie. Неужели у тебя такія ввтренныя чувства? И ты въ состояніи разлюбить его, оставить!..

— Но... моя любовь къ Дольскому ос-

тается, можетъ быть, однимъ прочитаннымъ романомъ. Впрочемъ не знаю почему бы папа рѣшительно заупрямился. Онъ самъ любить Дольскаго...

— Да, онъ князь, моя милая, а Дольскій чиновникъ... я за тебя боюсь....

Въ эту самую минуту обѣ дѣвушки съ крикомъ вскочили съ ливана. Передъ ними стоялъ Дольскій.

— Извините меня. Софья Павловна, съ смущеніемъ сказалъ онъ... Меня прислалъ къ вамъ вашъ папенька... Онъ сейчасъ получилъ новый журналъ, и тутъ была картинка послѣднихъ парижскихъ модъ....

— Ахъ дайте, весело вскрикнула Софья и вырвала у него картинку.

— Князь проситъ васъ и Лизавету Ивановну, причесаться сегодня къ обѣду по этой картинкѣ.

— Да это будетъ очень неловко.... Какъ ты думаешь, Лиза?

— Если князю угодно, то почему же не сдѣлать, моя милая.

— Да вѣдь мы хотѣли причесаться по вѣнской картинѣ.... Гдѣ, бишь, она? дай посмотрѣть.

— Я се оставила въ библіотекѣ, отвѣчала Лиза. Погоди я сейчасъ принесу.

Съ этимъ словомъ она порхнула въ дверь, и оставила Дольскаго съ Софьею наединѣ. Лукаво взглянула княжна на молодого человѣка, который все еще былъ въ смущеніи и стоялъ потупя глаза. Теперь же наединѣ съ Софьею, онъ еще болѣе оробѣлъ, и не выжидая дальнѣйшихъ нападеній, рѣшился ретироваться, но Софья тотчасъ увидѣла его маневръ, и весело спросила: куда же вы, Николай Александровичъ? Вѣдь вамъ надобно сказать отвѣтъ папа. Погодите. Вотъ мы рассмотримъ, составимъ комитетъ, и рѣшимъ большинствомъ голосовъ.

— Вѣрно вы меня избавите отъ подавляющаго голоса. Я не могу мѣшаться въ дѣла, которыхъ не понимаю.

— Напротивъ, мужичины присвоили себѣ всю законодательную власть. Они объявляютъ намъ приговоръ свой,—которая мила, которая дурна. Извольте же и тутъ рѣшить.

— Я вовсе не изъ тѣхъ, которые

берутъ на себя подобные приговоры. Я самъ себя признаю дурнымъ знатокомъ и прошу уволить меня отъ комитета дамскихъ причесокъ.

— Нельзя, чтобы вы не имѣли никакого вкуса. Ну вотъ вы привесли картинку. Посмотрите на нея. Какъ вы думаете, къ лицу ли мнѣ будетъ эта прическа?

— Я думаю, княжна, что вамъ всякая будетъ къ лицу. Пресеріозно присѣла княжна передъ Дольскимъ.

— Тысячу разъ благодарю васъ, г. Дольскій, за комплиментъ. Я запишу его въ моему календарь: отъ васъ это такая рѣдкость, которую стоитъ замѣтить.

— За то отъ другихъ вы ихъ столько слышите, что мой прошлый комплиментъ можете и не въ счетъ ставить.

— Рѣдкость не всегда рѣдкость.... А я большая охотница до рѣдкостей.

Во время этого разговора княжна схватила гребенку, распустила прелестные локоны свои, и начала ихъ устроить по рисунку, который заставила держать Дольскаго. Положеніе молодого человѣка было самое опасное. Движенія Софьи во время пречески сдвинуло нѣсколько ея косынку и Дольскій, который во все это время краснѣлъ, начиналъ уже блѣднѣть.

— Что это Лизавета Ивановна пропала! продолжала княжна.... надобно кому вибудъ пособить.... Николай Александровичъ подержитепожалуйста эту сторону локоновъ, покуда я распушу другую. Дольскій повиновался, чувствуя, что холодный потъ обливаетъ его. Теперь долженъ онъ былъ прикасаться пальцами къ лицу Софьи и пожирающее пламя разливалось по его жиламъ. Умоляющимъ взоромъ поглядывалъ онъ, то на дверь, изъ которой ожидалъ возвращенія Лизаветы Ивановны, то на княжну, чтобъ видѣть скоро ли окончится эта мучительная прическа.

— Неприкажете ли, княжна... Я позову горничную, прошепталъ онъ жалобнымъ голосомъ. Она гораздо лучше меня поможетъ вамъ...

— О вѣтъ! не беспокойтесь. Я сейчасъ кончу.... Вы же такъ хорошо принялись за дѣло, продолжала она съ нас-

мѣшкою, что мнѣ жаль лишать васъ новой отрасли познаній. Это вамъ годится, въ какуюнибудь повѣсть, въ романъ.

— Вы смѣтаетесь княжна, а я бы заслуживалъ ваше сожалѣніе.

— Въ чемъ это, Николай Александровичъ... Ахъ, какъ вы неловки! За чѣмъ же вы опустили пукли? Сберите ихъ опять.

Это было всего хуже. Локоны лежали по плечамъ и прикоснованіе къ нимъ заставило Дольскаго трепетать. Въ глазахъ его засверкали искры и все подернулось какинъ-то туманомъ. Еще минуता и онъ кажется упалъ бы; но вдругъ вошла Лизавета Ивановна, которая давно уже стояла у дверей и подслушивала разговоръ; Дольскій отдохнулъ.

— Вотъ, милая Sophie, прежній рисунокъ. Немного разницы... А! да ты ужъ начала причесываться... И поздравляю! какая у тебя горничная. Гдѣ это вы, Николай Александровичъ, выучились этому искусству?

— Тамъ гдѣ все мы учились повиноваться приказаніямъ прекраснаго пола, отвѣчалъ онъ.

— То есть, мосье Дольскій, прибавила княжна, вы это сдѣлали не изъ угожденія, а насильно. Покорно васъ благодарю за этотъ комплиментъ. Хотя бы за глаза сказали... Ну что милая Лиза, такъ ли я сдѣлала?

— Да, точно такъ, очень мило! отвѣчала Лизавета Ивановна, не права ли Николай Александровичъ?

— Виновать! я уже говорилъ княжнѣ, что ничего тутъ не понимаю.

— Да вѣдь глаза-то у васъ есть, со смѣхомъ отвѣчала Лизавета Ивановна. И если я васъ спрашиваю, милая ли Софья въ этой прическѣ, то вѣрно можно отвѣчать яснѣе и учтивѣе.

— Что княжнѣ въ моей учтивости и похвалахъ, которыя ни для самолюбія, ни для счета даже не нужны.

— Вы всегда таковы, Николай Александровичъ, сказала княжна. Я вамъ это припомню. И сегодня же въ театрѣ; если вы опять задумаетесь, глядя на опущенную завѣсу, то по вчерашнему уколите васъ булавою. А нето на гуляньѣ, буду

столько ходить, столько, что замучаю васъ до утала. О! я вѣдь презлая.

— Вы недавно еще очень жестоко за себя отмстили, сами не зная этого.

— Чѣмъ это, сударь?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ.

— А если я требую.

— Бываютъ случаи, въ которыхъ я не смѣю повиноваться.

— А если я васъ повиную, сказала княжна, быстро и провинцательно взглянувъ на Дольскаго.

— О, вѣтъ! отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ испугомъ. Это невозможно.

— А если? повторила она съ угрозою.

— Нѣтъ! не шутите, такъ жестоко, княжна, я бы умертвилъ себя, еслибы измѣнилъ моей тайнѣ.

Съ этимъ словомъ онъ бросился изъ комнаты.

Молча посмотрѣли обѣ лѣвушки ему въ слѣдъ, потомъ взглянули между собою, а Софья упала въ объятія своей подруги, тихо прошептавъ ей: онъ меня любитъ!

— Будь счастлива, отвѣчала другая.

V.

Дольскій былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія, но Кузиковъ оставался почти въ прежней довѣренности князя, не смотря на все предостереженія Осипа Петровича. Новая должность Дольскаго не препятствовала ему жить въ домѣ князя и заниматься съ нимъ по прежнему. По вчерашнему же въ спектаклѣ и на гуляньяхъ былъ онъ всегласнымъ спутникомъ княжны и Лизаветы Ивановны. Впрочемъ съ вѣкотораго времени многое начало измѣниться въ его образѣ жизни. Во-первыхъ онъ уже не былъ по прежнему друженъ съ Кузиковымъ. Какъ-то нечаянно открылъ онъ въ одной смѣтѣ, поданной Кузиковымъ, вѣкоторыя преувеличенія и показалъ ихъ князю. Тотъ велѣлъ Дольскому пересмотрѣть все дѣло и открылось, что казна должна была потерпѣть значительный ущербъ. Съ этой минуты и князь и Дольскій начали остерегаться Кузикова. Но тотъ, не унывая ни отъ дур-

ныхъ приемовъ начальника, ни отъ холодности Дольскаго; а продолжалъ съ большою смѣлостію свои распоряженія на счетъ *благопріобрѣтенія*.

Доброта князя все переносила. Онъ догадывался, но явной уликой никакъ не рѣшался огорчить своего подчиненнаго, и часто даже бранилъ Дольскаго, когда тотъ наединѣ съ нимъ рѣзко говорилъ противъ Кузикова.

Притомъ Дольскій гораздо чаще началъ оставлять домъ князя и ходить по гостямъ. Сначала князь шутя ему выговаривалъ, но потомъ притворился, что не замѣчаетъ этого и молчалъ. Не разъ жаловалась на это молодая княжна, которая безъ кавалера должна была ѣздить въ театры и гулять по лѣтнему саду; но князь отвѣчалъ, что не имѣетъ права приказывать Дольскому—любить свой домъ и свое семейство. Не разъ княжна упрекала въ этомъ самаго Дольскаго; но онъ отмалчивался, и продолжалъ дѣлать тоже.

Однѣжды князь сидѣлъ по утру въ своемъ кабинетѣ и, желая заняться кое-какими работами, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ прихода Дольскаго. Вдругъ человекъ подалъ ему отъ него пакетъ.

Съ удивленіемъ распечаталъ его князь, прочелъ, и едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Дольскій просился въ отставку. Съ досадою положилъ князь письмо его на столъ и началъ перебирать въ своемъ умѣ причины, которыя могли заставить Дольскаго рѣшиться на подобный шагъ. Но ни одна не приходила ему въ голову. По службѣ Дольскій имѣлъ очень хорошее мѣсто и жалованье; князь вѣрилъ, что ему совершенно по управленію его отдѣленія и даже часто совѣтовался по дѣламъ другихъ. Собственное же обращеніе князя, не только съ нимъ, но и со всѣми чиновниками вполне заслуживало замѣчанія министра въ излишней доброте. А какъ Дольскій былъ болѣе другихъ домашнимъ человекомъ у него, то всѣхъ болѣе зналъ добродушіе и благородство князя, и никакъ не могъ имѣть причинъ къ неудовольствіямъ на него.

Въ эту минуту вошли къ князю съ утреннимъ визитомъ Софья и Лизвета Ивановна. Съ холодностію встрѣтилъ онъ ихъ ласки, не отвѣчалъ на поцѣлуи до-

чери и даже ни разу не взглянулъ на Лизвету Ивановну.

— Что съ вами, папа? спросила у него Софья, которая тотчасъ же замѣтила дурное расположеніе его духа. Вы сегодня чѣмъ-то огорчены.

— Да, милая! вотъ прочти! И онъ ей подалъ роковое письмо Дольскаго.

Княжна вспыхнула и на глазахъ ей невольно павернулись слезы.

— Что это значитъ, папа! развѣ онъ имѣлъ по службѣ какіянибудь неудовольствія?

— Никогда!

— Такъ съ вами не было ли какихънибудь объясненій? спросила она съ трепетомъ.

— Ни слова!... Да и я ужъ вѣрно не огорчу никого безъ значительной причины; я же, ты знаешь, любилъ всегда Дольскаго, какъ сына и какъ друга.

— Такъ что же это значитъ?

— Не понимаю.

— Что же вы намѣрены сдѣлать?

Князь пожалъ плечами: — Нашъ министръ не велитъ никому удерживать, кто захочетъ оставить службу.

— Да вы бы послали за нимъ, спросили его.

— Онъ пишетъ ко мнѣ официально по службѣ, и я принужденъ дѣйствовать по правиламъ службы. Онъ самъ видно не хочетъ видѣть во мнѣ прежняго своего друга. Богъ съ нимъ!

— Да, это ужасно! да это ни на что не похоже! вскричала Софья и залилась слезами.

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ князь на нее и только хотѣлъ спросить у нея, что это значитъ, какъ вдругъ взглянулъ онъ на Лизвету Ивановну, и еще большее изумленіе поразило его. — Та стояла прислонившись къ окну и заливалась слезами.

Свѣтлая идея блеснула въ головѣ князя.

— Софья! Лизвета Ивановна! да вы то обѣ что расплакались. Послушайте! Нѣтъ ли тутъ чего любовнаго? Я часто подсмѣивался на счетъ Лизветы Ивановны, но Дольскій мнѣ рѣшительно отвѣчалъ, что не влюбленъ въ нее. Неужели онъ обманулъ меня! неужели не хотѣлъ

признаться и по этой причине сталъ бѣгать отъ дома и теперь оставляетъ службу? Призайтесь же хоть вы мнѣ. Я можетъ быть найду средство поправить и уладить это дѣло. Говорите пожалуйста. Но онъ молчали и плакали.

— Какое глупое упрямство! продолжалъ онъ:—Софья! хоть ты скажи мнѣ правду. Отъ Лизаветы Ивановны я не имѣю права требовать откровенности, и можетъ быть скромность заставляетъ ее молчать, но ты... ты должна мнѣ сказать:—влюбленъ ли Дольскій въ Лизавету Ивановну?

Гордо и спокойно подошла Лизавета Ивановна къ князю и тихимъ голосомъ сказала:— Я васъ почитаю, князь, своимъ отцемъ и благодѣтелемъ, и вы имѣете полное право на всю мою откровенность. А потому на вопросъ вашъ рѣшительно отвѣчаю, что г. Дольскій не влюбленъ въ меня.

Съ этимъ словомъ она закрыла глаза и тихо вышла изъ комнаты. Съ удивленіемъ смотрѣлъ князь вслѣдъ за нею и собралъ въ умѣ своемъ разсѣяанныя идеи. Взглянулъ потомъ на дочь и, опусти голову, шопотомъ сказалъ:— не понимаю. Софья видѣла, что наступаетъ ужасная минута объясненія, и хотѣла ускользнуть отъ нея перемѣною разговора.

— Право, папа, вы бы послали за Дольскимъ. Онъ васъ любитъ, почитаетъ, и я увѣрена, что двухъ, трехъ словъ будетъ достаточно, чтобъ его образумить.

— Онъ мнѣ давно знаетъ, мой другъ, и моя ласковость для него не новость. Еслибъ онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ ней, то могъ бы быть увѣренъ, что я употреблю все, чтобъ помочь ему въ чемъбы то ни было. Но ты сама видишь его письмо. Тутъ нѣтъ ни слова дружбы. Онъ говоритъ какъ подчиненный съ начальникамъ. Могу ли же я поступить иначе.

— Но папа... вѣдь вельзя же, не узававъ причивы, сказать человѣку: пожалуйста убирайся... Вѣдь онъ давно при васъ служилъ... вѣдь я часто слышала, что когда управитель локладывалъ вамъ, что такой-то служитель отходитъ изъ вашего дома, то вы всегда призываете этого человѣка и спрашиваете у него о

причинахъ, по которымъ онъ оставляетъ васъ, ласкаете его, и награждаете... Все это дѣлается съ наемными людьми; а теперь вы не хотите сдѣлать этого съ чиновникомъ, съ дворяниномъ, который столько лѣтъ у васъ жилъ, служилъ, былъ къ вамъ искренно привязанъ. Она замолчала, и князь потупя голову, предался печальнымъ размышленіямъ. Самолюбіе боролось въ немъ съ врожденною добротою сердца и какъ ни сильна была послѣдняя, но гордость видимо одержала верхъ.

— Онъ самъ отказался отъ дружбы моей, и я нарушу приличіе и долгъ службы, если захочу его видѣть и объясняться съ нимъ. Мое дѣло отправить его просьбу къ министру...

— И потерять навсегда преданнаго вамъ человѣка?

— Ты этого не понимаешь, моя милая; ты разсуждаешь какъ дѣвушка, а я долженъ поступить какъ государственный человѣкъ. Нашъ министръ и безъ того упрекаетъ меня безпреставно въ слабости и излишней добротѣ. Онъ вѣрно узнаетъ, что Дольскій подавалъ въ отставку, и если я пошлю за Дольскимъ и буду уговаривать его остаться, то это послужитъ поводомъ къ неудовольствію на мнѣ министра. Это было бы съ моей стороны униженіе, котораго я не заслуживаю. Мнѣ очень жаль потерять Дольскаго, но и безъ него мы будемъ жить и служить не хуже прежняго.

Молча покачала Софья головою и горько улыбнулась. Итакъ вотъ доброта сердца, о которой кричитъ весь городъ! Изъ пустаго эгоизма, самолюбія жертвуютъ службою, счастіемъ, жизнію человѣка!—Князь Р—въ боится уронить приличіе и важность своего сана, если позоветь къ себѣ подчиненнаго, который ему столько лѣтъ доказывалъ свою преданность, и спроситъ его: не съ ума ли ты сошелъ, братецъ? зачѣмъ ты меня оставляешь?—Нѣтъ воля ваша, папа! это вовсе на васъ не похоже. Это просто ни на что не похоже.

Она зарыдала и быстро вышла изъ комнаты. Долго и грустно смотрѣлъ отецъ ей въ слѣдъ и, глубоко вздохнувъ, снова погрузился въ печальныя размышде-

ня. Онъ предчувствовалъ что-то тягостное, вовсе не служебное. Приходъ Кузикова прервалъ размышленіи князя. Разсѣянно выслушалъ онъ ловесевіе о какомъ-то дѣлѣ. Потомъ подалъ ему лежавшую на столѣ просьбу Дольскаго. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Кузиковъ на князя, прочтя ее и положила опять на столѣ.

— Что скажите, Алексѣй Дмитріевичъ? спросилъ князь. Вы прежде были другомъ Николая Александровича. Не знаете ли вы причину его просьбы?

— Не мудрево угадать, ваше с-во, съ усмѣшкою отвѣчалъ Кузиковъ. — Хотите какихъ нибудь выгодъ по службѣ. А какъ, по вашей къ нему довѣренности и милости, онъ внутренно убѣжденъ, что вы безъ него обойтись не можете, то и надѣется получить желаемое.

— Да что жъ я могу для него сдѣлать? Недавно еще получилъ онъ мѣсто начальника отдѣленія. Ему произойдетъ все положенное по штату содержаніе. Больше я не могу дать. Представленіе по службѣ я делаю всякій годъ. Чего же онъ еще хочетъ?

— Сколько можно больше! Кто же этого не хочетъ? Онъ же слишкомъ увѣренъ въ вашей милости и въ невозможности обойтись безъ него.

— Въ этомъ-то онъ и ошибается, отвѣчалъ князь:— безъ каждаго изъ васъ очень легко можно обойтись. Россія не клиномъ сошла. Больше ничего не остается, какъ послать его просьбу къ министру...

— Прикажете заготовить рапортъ? быстро спросилъ Кузиковъ.

— Нѣтъ, Алексѣй Дмитріевичъ. Я попрошу васъ по дружбѣ ко мнѣ и къ Дольскому, съѣздить къ нему и убѣдить его какими нибудь доводами, чтобъ онъ просьбу свою взялъ назадъ. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе.

— Помилуйте, ваше сіят-во, я почту себя счастливымъ, если успѣю сдѣлать вамъ угодное. Сію же минуту отправлюсь къ Николаю Александровичу... Неудобно ли между тѣмъ подписать заготовленную по докладу бумаги?

— Давайте! сказалъ князь и машинально взялъ перо, началъ подписывать положенныя передъ нимъ бумаги, и ве-

просмотрѣлъ ни одной. Когда онъ окончилъ, то Кузиковъ собралъ ихъ и поклонясь вышелъ, сказавъ: — теперь, ваше сіят-во, поѣду къ Дольскому.

Черезъ полчаса явился онъ опять и нашелъ князя, сидѣвшаго въ тѣхъ же самыхъ креслахъ и въ томъ же самомъ задумчивомъ положеніи, въ какомъ его оставилъ. Опытный наблюдатель физиономій, взглянувъ на это страдальчески-добродушное лицо, тотчасъ же догадался бы, что чувство добра давно уже пересилило эгоизмъ. Но Кузикову было налобно не то.

— Что, Алексѣй Дмитріевичъ? спросилъ у него князь съ видимою боязнью неудачи.

— Нѣтъ, ваше сіят-во. Этотъ человекъ рѣшительно сумасшедшій. И слышать ничего не хочетъ. Даже меня вывелъ изъ терпѣнія и я принужденъ былъ напомнить ему, что ваше сіят-во не погибнете безъ него, а скорѣе онъ безъ васъ.

— Что же онъ сказалъ?

— Да все вздоръ, котораго и слушать нечего. Обижелъ по службѣ, по жалованью, по представленіямъ; недоволенъ вашими домашними: однимъ словомъ лѣзетъ на стѣпу. Никакого способа нѣтъ. Вотъ и письмо къ вамъ прислалъ.

Съ жаромъ схватилъ князь письмо и прочелъ слѣдующее:

«Ваше сіят-во! я уже довольно несчастливъ, что принужденъ оставить службу и лично васъ моего благодѣтеля. Я теряю больше, нежели вы вообразить себя можете. Можетъ быть, самая потеря жизни ничего бы не значила въ сравненіи съ моимъ несчастіемъ. Но я долженъ, я принужденъ это сдѣлать. Послѣ вашихъ милостей, которыхъ «вспоминаніе сохраняю до гроба, не ожидалъ я конечно, чтобъ какой нибудь г-въ Кузиковъ явился ко мнѣ съ пасмѣшками и угрозами отъ вашего имени. «Вы бы его должны были лучше знать. «Во всякомъ случаѣ я его прощаю, а «васъ покорнѣйше прошу препроводить «мою просьбу куда слѣдуетъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.»

— Что это значитъ, Алексѣй Дмитріевичъ? съ нѣкоторою живостію спросилъ

квязь: — какія угрозы, какія насмѣшки говорили вы отъ моего имени?

— Помилуйте, ваше сіят-во... вы видите, что ояъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Я цѣлые полчаса уговаривалъ его, упрашивалъ, — ничто не помогло. Хочетъ на своемъ поставить, да и только. Увидяъ, де-скать, какъ то вы безъ меня съ княземъ управитесь. Наконецъ мнѣ стало больно, и я отиѣлъ ему цѣлую проповѣдь, сказавъ, что мы обойдемся легонько безъ него; что ояъ будетъ проситя опять къ вамъ, да ужъ ни за что его не примутъ; что ояъ видѣтъ себя не найдеть мѣста и съ голода умереть...

— И это вы, сударь, говорили отъ моего имени? съ неудовольствіемъ спросилъ князь.

— И отъ своего, и отъ вашего. Мнѣ больно было, что молодой мальчикъ такъ упрямъ и самолюбивъ. Я ему заранѣе объявилъ, что ояъ можетъ себя почитать уволеннымъ...

— А почему вы знаете? кто поручилъ вамъ сказать это?

— Да, ѣхавши къ нему, встрѣтился я нечаянно съ Осипомъ Петровичемъ. Я долженъ былъ рассказать ему обо всемъ происшествіи, и онъ сказалъ мнѣ, что мивистръ сегодня же принишетъ увольненіе Дольскому.

— Понимаю г. Кузиковъ, и вижу, что большую сдѣлалъ глупость, поруча вамъ дѣло. Вижу, что вы дружески постарались о Дольскомъ. Не понимаю, какая вамъ изъ этого выгода, но искренно сожалею о нашей нравственной натурѣ. Не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ помню я, какъ этотъ же самый Дольскій хлопоталъ, просилъ, умолялъ меня объ опредѣленіи васъ на теперешнее мѣсто, и я имѣлъ слабость согласиться. Хорошо вы ему заплатили за его услугу!

— Я ему очень благодаренъ, но долгъ службы и честь вашего сіят-ва для меня дороже всего. Если ояъ смѣлъ до того забытья, что почиталъ васъ погибшимъ безъ него, то кто изъ приверженныхъ къ вамъ лицъ, выдержитъ подобную глупость и дерзость?

— Я васъ благодарю, Алексѣй Дмитриевичъ, за вашу къ нему привязанность. Но лучше бы вы мнѣ самому предоста-

вили попеченіе о моей чести... Впрочемъ дѣло сдѣлано. Вы вѣрно тоже изъ преданности ко мнѣ поторопились довести объ этомъ Осипу Петровичу. Бѣжавый Дольскій! Вотъ тебѣ впередъ урокъ. Не хлопочи о другихъ. Благодаряніе — самое непрочное основаніе для дружбы.

— «Это вашему сіят-ву доказалъ г. Дольскій. Никто больше его не былъ вами благодѣтельствованъ, а чѣмъ ояъ за это заплатилъ?

— Все, сударь, не тѣмъ, чѣмъ вы ему. — Но прошу окончить этотъ разговоръ. Прощайте.

— А рапортъ къ министру о просьбѣ Дольскаго прикажете привести вашему сіят-ву?

— Пропу васъ не безпокоитья объ этомъ. Прощайте.

— Но Осипъ Петровичъ поручилъ мнѣ доложить вамъ...

— Г. Кузиковъ! я очень добръ, но мое терпѣвіе имѣетъ границы... я сказалъ, что хочу быть одинъ.

Кузиковъ опустилъ голову, руки, нижнюю губу и вышелъ. А князь снова погружился въ размышленія. Читатель вѣрно догадается, кто опять прервалъ ихъ. Софья не могла выдержать мучительнаго своего состоянія, и тихо съ потупленными глазами вошла въ кабинетъ отца. Молча и внимательно посмотрѣвъ отецъ на нее. А она, сложивъ руки, стала полдъ его креселъ и не имѣла силъ сдѣлать роковаго вопроса. Долго продолжалось тягостное молчаніе. Наконецъ Софья принуждена была прервать его...

— Что, папа? спросила она его едва слышимымъ голосомъ.

— Ничего... Я послушался тебя и сдѣлалъ глупость. Посылалъ Кузкова къ Дольскому, уговаривать его...

— Что жъ ояъ?...

— Вотъ письмо, которое ояъ прислалъ съ Кузиковымъ. Съ жадностію схватила его Софья, пробѣжала, и слезы снова навернулись на глазахъ ея. Она болѣе отца повнимала тайный смыслъ этихъ строкъ.

— Чтожъ это значить, папа? Что вы ему велѣли сказать чрезъ Кузикова?... Чѣмъ ояъ еще огорчился?...

— Это грязныя штуки Кузикова... Я

теперь только узналъ этого человека. Онъ испортилъ все дѣло. Не знаю теперь, что начать...

— Знаете ли что, папа? я придумала средство... Оставьте у себя эти несчастные бумаги на нѣсколько дней, не говоря объ ихъ ни слова. Въ это время, можетъ быть, Дольскій одумается, самъ явится къ вамъ, объяснится и все передѣлается.

— Да! это бы хорошо... за полчаса тому назадъ. Теперь все поздно. Уже министръ знаетъ обо всемъ.

— Боже мой! съ отчаяніемъ вскричала Софья. Пристально посмотрѣлъ на нее отецъ. Тѣлостныя идеи толпились въ умѣ его, но онъ не хотѣлъ ни остановиться на нихъ, ни изслѣдовать ихъ справедливость. Долго молчали оба, различныя чувства волновали ихъ. Вдругъ Софья зарыдала и бросилась на шею къ отцу.

— Что ты, что ты, другъ мой! сказалъ князь. Что съ тобою случилось?

— Я виновата передъ вами, папа!

— Въ чемъ? что такое?

— Я причиною всего несчастія!

— Какого несчастія? и почему ты?

— О! и не смѣю сказать вамъ. Простите ли вы меня. Но Дольскій... оставилъ вашъ домъ... потому... потому что любить меня.

Ударъ былъ папесень. Князь молча опустилъ голову и не отвѣчалъ на ласки дочери. Долго ждала она хоть слова, хоть взгляда, которые бы рѣшили ея участь, но князь былъ холоденъ какъ могила.

— И онъ тебѣ открылся? спросилъ отецъ.

— О нѣтъ! Онъ всегда бѣгалъ отъ меня, я... сама всякой день употребляла въ усилии, чтобъ вырвать у него это признаніе... но не могла.

— Почемужъ ты знаешь, что онъ тебѣ любитъ?

— О! въ этомъ и слишкомъ увѣрена. Одна привязанность къ вамъ удерживала его и принудила наконецъ къ сегодняшнему поступку.

— Теперь я понимаю его письмо... Охъ благородный человекъ. А ты... вотъ что значитъ чтеніе вашихъ романовъ!

— Могла ль я не любить его! Онъ всегда былъ со мною, и высокія качества души его лучше всѣхъ мнѣ извѣстны.

— Такъ и ты его любишь?

Софья бросилась въ объятія отца и прорештала ему:—да!—люблю!

Что такое человекъ, и что такое время? Вѣдь выдумали же мы названія, которыхъ и сами объяснить не умѣемъ. Ну, конечно, слово человекъ, означаетъ то существо, которое, расплодилось на одной темной, изношенной планетѣ, присвоило себѣ власть надъ всею природою, и даже иногда воображаетъ, что всѣ остальные міры, въ числѣ которыхъ его обиталище, незамѣтная точка, незримая пылинка, сотворены для его удовольствія и для его прекрасныхъ глазъ. Это такъ. Но время,—что такое время? Вотъ тутъ ужъ всѣ опредѣленія станутъ въ тупикъ. Если для этого взятыся за философію, то тотчасъ надобно обратиться къ философу, который обыкновенно не любитъ поученій. «Всякой-де, не глупѣе тебя, г. авторъ.» И разумеется. Всѣ на свѣтѣ умны. Каждый по своему. Слѣдственно и опредѣленія вещей и названій каждый по своему можетъ дѣлать. Вѣдь всякій понимаетъ слово: время? чего же больше! Конечно всякой его цѣнить по своему. Скажи иному, что ему надобно пять лѣтъ ждать для достиженія цѣли своихъ желаній, онъ будетъ очень доволенъ. Другому скажи, что ему только пять дней пострадать и все кончится, и онъ съ отчаяніемъ разобьетъ себѣ голову объ стѣну. Все на свѣтѣ дѣлается, чувствуется, понимается сравнительно, относительно. Человеку кажется, что проживъ лѣтъ 60, 70, онъ уже много видѣлъ и испыталъ, а 60-ти лѣтній дубъ еще молодой, а деревья, которые стоятъ цѣлыя тысячелѣтія, видѣли около себя разрушеніе цѣлыхъ народовъ, истребленіе нѣсколькихъ сотъ поколѣній, которыя всѣ улеглись и никто не помнитъ объ нихъ; въ самомъ составѣ вселенной, что значитъ человеческая жизнь? Тамъ время считается годами міра, а тотъ годъ долженъ быть очень долгъ! Со времени Цтолмеевъ, наше солнце, а съ нимъ всѣ планеты, кометы, и спутники нашей системы прошло до сихъ поръ 30°; когда

же оно оковчить всё 360°? И это будетъ ещеоднѣ только годъ вселеннй. А много ли годовъ суждено ей жити? А что будетъ потомъ? Вотъ вопросы, которые можетъ намъ объяснить тотъ, кто ясно опредѣлитъ слово время. Но ва что намъ это? Будемъ ли мы отъ этого счастливѣе и добрѣе? Верно нѣтъ. За чѣмъ же и желать бесполезнаго? По моему, земное время вичто иное какъ маляръ, который ходитъ по свѣту съ длинною мазилкою и помипутно перекрашиваетъ людей, города, народы. Стоитъ не побывать гдѣнибудь долго и заглянуть потомъ, что жъ? не узнаешь никого и ничего. Все перемалевано; другія лица, другія чувства, другія понятія, желанія, наслажденія, все другое. Разумѣется, черезъ нѣсколько еще времени и все поколѣнне будетъ перемалевано. Но ужъ не говоря объэтомъ, видна безпрестанно перекраска у тѣхъ же самыхъ лицъ. Иной недавно ходилъ по переднимъ и оживлялъ ласковаго слова вельможскаго камердинера; что жъ? Время его перекрасило, и онъ съ отчаянно-важною физиономіею принимаетъ теперь самъ просителей, или заставляетъ ихъ ждать въ своей передней. Иной былъ добрымъ малымъ, гулякою, игрокомъ, спустившимъ болте милліона, забубенною головою; вдругъ время помазало его кафтанъ, и кафтанъ сталъ золотой, лебъ мѣлвнй, руки магнитныя, сердце желтзное; и прѣквй добрый малый пыхтитъ отъ злости, воображаетъ себя госуларсвеннымъ челоѣкомъ, лавитъ прѣжнихъ друзей и окружаетъ себя одночамильцами. Иной ругалъ весь свѣтъ и знатность, и чины, и богатство; но время повязало ему руки и овъ преласковый, превнизкопоклонный и преусердый защитникъ всякаго авторитета. Иной волочился за всеми, вѣтъ падувалъ, жилъ на счетъ ближнихъ и смѣлся надъ жеватыми, теперь лебъ его подмазанъ и цвѣтеть. Боже мой! Боже мой! что это за время? что это у него за ужасная мазилка? Все и вѣтъ перекрашивается. О! когда-то эта перекраска и до насъ дойдетъ! Когда то мы вмѣсто повѣстей будемъ писать: Милостивый Госуларъ и прочее. Когда то пустые ваши карманы позолотятся? Когда то и злость чернста людская по-

бѣлвють! Когда то голось челоѣколюбія пайдеть доступъ къ позолоченнымъ лицамъ? Когда то? когда то?... прекрасная вещь воображеніе! и думай, и желай все, что тебѣ угодно, и все это даромъ! Все это какъ польская лоттерей: столько же желаній, сколько билетовъ, а многое ли сбудется? Увы! Не вѣмъ быть счастливыми 84-й пробы.

Можетъ быть, читатель спроситъ: къ чему все это разглагольствованіе? и что въ немъ общаго съ повѣстью? А вотъ извольте видѣть въ чемъ дѣло. Стоитъ только пропустить нѣсколько мѣслцевъ съ того роковаго дня, какъ Долевскій подавъ просьбу, а Софья призвалась отцу что любить его, и вы увидите во вѣхъ этихъ лицахъ преудивительныя перемѣны. А все время! Мазнуло мимоколомъ и вдругъ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

Гѣто. Дача на 19-й верстѣ (неизвѣстно, на которой дорогѣ); богатый домъ съ англійскимъ садомъ и паркомъ. Вечеръ. Иллюминація по дорожкамъ. Домъ ярко освѣщенъ. Сѣзжаются гости на балъ. Близъ живущіе сосѣди, которые незваны на этотъ балъ, потому что незнакомы съ хозяиномъ, толпятся у садовой рѣшетки и ждутъ фейерверка, о которомъ они слышали.

Бубликовъ. Michel! видѣлъ ты? сейчасъ въѣхалъ Кузиковъ.

Хрюшинъ. Неужели это онъ? какая коляска? какія лошади! Вотъ, mon cher, какъ надо жить. Учись у него наслаждаться.

Бубликовъ. Не мудреная, братъ, наука, да не всякому такое счастье. Иной за шепочку запнется; а другой скачетъ черезъ заборы... Да развѣ ты знакомъ съ нимъ? Вѣдь онъ теперь довольно значащее лицо.

Хрюшинъ. А изъ всего лица корчитъ еще важности на 200°. Знаю, mon cher. Я помню, какъ онъ перебивался еще по нашему; былъ армейскимъ офицеромъ и воспитавъ-то на мѣлпыя деньги; говорить по французски какъ гостинодворецъ...

Бубликовъ. За то собою красавецъ.
(*Хохочетъ*).

Хрюшинъ. Да! грѣхъ поклѣпать красотою, — и при всемъ этомъ вездѣ, во всемъ успѣхъ...

Бубликовъ. Вотъ на-примѣръ: какимъ образомъ онъ все еще вхожъ къ князьшнему хозливу, князю Р-ву.

Хрюшинъ. Вѣдь онъ у него нѣсколько лѣтъ служилъ и былъ домашнимъ чело-вѣкомъ.

Бубликовъ. Знаю, братецъ. Да прошло года онъ попался въ какое то грязное дѣло... Вошелъ тихонько въ какіе-то подряды по собственному своему департаменту. Кажется, это узнали...

Хрюшинъ. Э! братецъ! Совсѣмъ не то. О подрядѣ его всѣ знали и смотрѣли сквозь пальцы, а кажется, онъ пустилъ какой-то доносъ на князя.

Бубликовъ. Прекрасно! И зготъ теперъ принимаетъ его въ домъ.

Хрюшинъ. Да этотъ князь, какое то баснословное лицо золотого вѣка. Доброта выше всего на свѣтѣ. Радъ злѣйшему своему врагу сдѣлать добро. — И когда Кузикову пришлось было худо за свой доносъ, то князь первый за него вступился, отстаивалъ и, не имѣя возможности сохранить его при себѣ, досталъ ему другое мѣсто, еще лучше прежняго. Теперъ же, когда Кузиковъ явился къ нему съ поздравленіемъ на счетъ замужества молодой князвы, то князь просилъ его учавствовать по прежнему во всѣхъ празнествахъ своего дома.

Бубликовъ. Счастье, да и только... Это кто подѣхалъ в вылезаетъ изъ кареты?

Хрюшинъ. У! братецъ! могучій богатырь, Осипъ Петровичъ Зиминъ.

Бубликовъ. Какая смѣшная фигура!

Хрюшинъ. Говори, братецъ, тише. Не долго и до неприяностей.

Бубликовъ. Какой вздоръ! Не могу же я его назвать Адовисомъ... ба! да у него и звѣзда.

Хрюшинъ. Недавно получилъ... А ты знаешь ли, что прежде, чѣмъ князь рѣшился выдать дочь свою за выпѣшняго жениха, Осипъ Петровичъ просилъ ея руки.

Бубликовъ. И вмѣсто руки остался

съ посомя... а онъ у него препорядочный. Ненужно было и прибавки... а! Вотъ начался балъ, музыка заиграла польскій.

Дьявица Лилина (подходитъ). Мосей Бубликовъ! постарайтесь пожалуйста, чтобъ насъ пустили въ садъ. Здѣсь становится тѣсно... Пропасть простаго народа. Вѣдь вы говорили, что съ кѣмъ то здѣсь знакомы въ домъ.

Бубликовъ. Да я съ жевихомъ въ послѣднее время часто обѣдывалъ у Дюме... Еслибъ я могъ съ нимъ повилаться. Но какимъ образомъ онъ попадетъ сюда.

Лилина. Пожалуйста постарайтесь.

Хрюшинъ. Да, я думаю просто итти черезъ дворъ въ садовую калитку. Вѣрно никто не остановитъ.

Лилина. Ахъ! пожалуета спросите. Какъ мы будемъ благодарны (*Хрюшинъ уходитъ*.) А вы знаете невесту, мосей Бубликовъ?

Бубликовъ. Какъ-же-съ! очень часто видалъ ее въ театрѣ и постоянно лор-вировалъ. Сначала ова мейя и не замѣчала, но теперешній женихъ ея бывало всегда съ ней сидитъ и вѣчно дуется, если ова на кого нибудь взглянетъ.

Лилина. Реввивъ! Фи! какъ это дурно! *Mauvais genre!* Вилно, что дурно воспитавъ.

Бубликовъ. *Mille pardons, mademoiselle!* Онъ вѣдь писатель. Я думаю вы то же читывали его романы.

Лилина. Какіе? русскіе? *Fi donc!* Развѣ можно ихъ читать?

Бубликовъ. Такъ, для смѣха.

Лилина. Какой смѣхъ? скука! гадость... Толи дѣло нашъ милый Поль-де-Ковъ!

Бубликовъ. Гюго, Eugene Su!

Лилина. Не вспоминайте, я безъ ума отъ нихъ. Когда то наши авторы будутъ такъ писать.

Хрюшинъ (возвращается). Вѣлно сказать, что вхожь въ садъ князя никогда не былъ запрещенъ для сосѣдей, а тѣмъ менѣе сегодня.

Лилина. *Mais c'est charmant!* Пойдемте! Ахъ какъ миль, какъ любезень князь! пойдемте! пойдемте! поскорѣе... посмотрите! женихъ велеть весь польскій по саду. Это неподобно.

(*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Зала для играющих въ карты. Множество столовъ залато, пожилыми людьми обоего пола. Вдали слышна музыка, на которую играющие не обращаютъ однако вниманія. Только два лица сидятъ на диванѣ и тихо разговариваютъ между собою. Это князь и Осипъ Петровичъ.

Зиминъ. Да! ваше сіятельство! только вашей добротѣ и великодушію можно было допустить опять къ себѣ въ домъ челоуѣка, подобнаго Кузикову.

Князь. Что вы тутъ находите удивительнаго! Онъ долго былъ при мнѣ; занимался моими домашними дѣлами усердно и честно... Послѣ вышли небольшие непріятности... Но я его вовсе не виню. Онъ въ своемъ доносѣ видѣлъ пользу службы, и свою. Это его образъ мыслей. Онъ даже былъ правъ во многомъ. Я дѣйствительно слишкомъ много вѣрилъ всемъ меня окружающимъ и часто, не читая бумаги, подписывалъ; зная впрочемъ заранѣе, какія мнѣ именно подадутъ. При исторіи объ удовольствіи Дольскаго я даже и этого не зналъ, и подписалъ Кузикову, въ разсѣянности тогдашнихъ обстоятельствъ, на смѣхъ уволить вмѣсто утверждается. Я былъ тутъ кругомъ виноватъ.

Осипъ Петровичъ. Хорошій подчиненный долженъ былъ возвратить вамъ бумагу, а не дѣлать изъ ничтожной ошибки...

Князь. Повторяю вамъ, что это его образъ мыслей, его точка зрѣнія—и я давно уже простилъ ему. Недавно узнавъ о помолвкѣ моей дочери, онъ явился ко мнѣ съ поздравленіями и раскаяніемъ о случившемся. Неужели я долженъ былъ играть роль сердитаго, оскорбленнаго... О, Боже мой! какъ я далека отъ этого! Мнѣ бы самому на себя было досадно, если бы я чувствовалъ какое нибудь огорченіе. А потому я отвѣчалъ ему, что помяну олднѣ его прежнія услуги и прошу по прежнему навѣщать меня. Онъ это и сдѣлалъ.

Осипъ Петровичъ. Налобно для этого мѣдвнй лобъ... (Въ эту минуту проходитъ мимо нихъ дама, самымъ богатымъ и щегольскимъ образомъ убраная).

Князь. Куда ты, милая Лиза?

Лизавета Ивановна. На минуточку въ кабинетъ. Распустились волосы.

Князь. Поди сюда! и ихъ поправлю. (Она подходитъ).

Лизавета Ивановна. Хорошъ парикмахеръ! Да ты въ этомъ толку не знаешь.

Князь. Любовь научитъ всему. (Она убиралась).

Осипъ Петровичъ. Книгина прелестна во всякомъ уборѣ волосъ.

Князь. Слышишь! какіе тебѣ комплименты отпускаютъ!

Лизавета Ивановна. Очень благодарна Осипу Петровичу,—но кажется, онъ это же говорилъ Сяичкѣ.

Князь. Ай, ай, попались, Осипъ Петровичъ! съ этими женщинами бѣда. Презлопамятныя.

Осипъ Петровичъ. Да развѣ я въ обоихъ случаяхъ не могу быть правъ?

Лизавета Ивановна. Очень можетъ быть, но мы женщины любимъ что нибудь повилькое.

Осипъ Петровичъ. Пожалуйте! да это невозможно, похвала красотѣ всегда олдн и таже. Новыхъ фразъ не придумать.

(Лизавета Ивановна, которой князь окончилъ поправку волосъ, за это цѣлуетъ его руку).

Князь. (цѣлуетъ ее). А все-таки Осипъ Петровичъ правъ. Ты прелестна.

Лизавета Ивановна. Вотъ мило! Ужъ и мужья вынче лгать. Это редкость; слѣдственно тѣмъ пріятнѣе.

Князь. И то редкость, что молодые жены любятъ старыхъ мужей; это еще пріятнѣе.

Лизавета Ивановна. Я думаю, что всѣ бы молодые промѣняли своихъ мужей на такихъ стариковъ какъ ты.

Князь. Вотъ вѣдь и ты говоришь мнѣ мадригалы.

Лизавета Ивановна. А вотъ къ нимъ печаль... (она его цѣлуетъ и уходитъ горько). Посмотрѣть, что дѣлаетъ Совичка.

Князь. Обмѣновешпо!—смотреть на женуха.

Осипъ Петровичъ. Удивительно, какъ все это у васъ перемѣнилось. Давно ли, кажется, я видѣлъ княгиню Лизавету

Ивановну, почти безмолвно сидѣвшую за столомъ, какъ подругу вашей дочери. Теперь же всякой побожится, что овѣкъ была квягивсю. Такъ величественна, ловка, умна, прелестна.

Князь. Вы забыли самое лучшее. *Осипъ Петровичъ:* — добрую душу сл. Это суцій ангель. Безъ нея врядъ ли бы я согласился выдать дочь за Дольскаго. Помню еще, какъ дочь призналась мнѣ, что любитъ его, хотя я чувствовалъ все благородство его поступка, и все таки отказалъ ей и въ малѣйшей надеждѣ на соединеніе. Дольскій былъ уволенъ. Я уѣхалъ съ дочерью и съ Лизою въ чужіе края. Путешествіе сблизило меня съ этою дѣвушкой. Я узпалъ всю ея душу и всѣмъ сердцемъ полюбилъ ее. Можетъ быть досада имѣла тутъ тоже какое нибудь вліяніе, но я рѣшился преложить Лизѣ мою руку, и ова согласилась, только съ условіемъ, — именно, чтобъ выдать дочь за Дольскаго. Я сердился, колебался, молчалъ, по какъ водится, уступилъ. Съ моей стороны слѣдалъ я тоже условіе, чтобъ свадьба Софьи была чрезъ полгода послѣ моей.

Осипъ Петровичъ. Теперь окончились и эти полгода. Черезъ велью еще будетъ счастливая чета.

Князь. Дай нѣтъ Богъ таковаго же счастья, какъ я пашелъ. Вотъ все мое желаніе!

Осипъ Петровичъ. Бѣдный Николай Александровичъ много пострадалъ въ это время. Дѣла его были очень въ худомъ положеніи. Верно вы опредѣлите его опять на службу.

Князь. Онъ прѣсилъ меня объ этомъ. Горько... не хочется жить на счетъ жены.

Осипъ Петровичъ. Позвольте мнѣ похлопотать, ваше сіятельство, объ этомъ дѣлѣ.

Князь. Нужно ли говорить, что это

будетъ величайшимъ для нея одолженіемъ.

Осипъ Петровичъ. А для меня величайшимъ удовольствіемъ. Теперь же Николай Александровичъ долженъ быть на другой ногѣ; советъ въ другой сѣрѣ... Я ужъ постараюсь.

Князь. Я васъ заранѣе благодарю отъ всего сердца. (*Вдругъ приближаютъ Дольскій и Софья*).

Софья. Папа! папа! пойдѣте смотреть фейерверкъ.

Князь. Да намъ и отсюда изъ окопъ будетъ видно. Прошу и васъ не ходить на балконъ. Теперь сыро.

Софья. Да мнѣ вовсе не жарко.

Дольскій. Все-таки оставайтесь, князь, здѣсь.

Софья. Вотъ мило! Вы мнѣ, суларь, се мужъ, что приказываете. Папа! неужели падобно слушаться.

Князь. Непремѣнно. Мнѣ вотъ Лиза желала здѣсь сидѣть, такъ я смирихонь-ю и сижу.

Софья. Такъ слѣдственно и я должна приказывать мужу. Слышите?

Князь. Долженъ всегда тотъ повиноваться, кто больше любитъ другаго.

Софья. Ну, такъ я!

Дольскій. Извините, я!

(*Спорятъ между собою*).

Князь. Дай Богъ, чтобъ у васъ никогда не было другихъ споровъ. А на счетъ фейерверка я васъ помирю. Оставайтесь здѣсь оба.

Вотъ какъ время перекрасило всѣ отношенія лицъ повѣсти. Заглянуть быльть черезъ десять на этихъ же людей! Какія то у нихъ перемены? Покуда еще неизвѣстно. Авторъ же получалъ еще странныхъ объ этомъ свѣдѣній. Говорятъ только, что у молодыхъ супруговъ были и другаго рода споры. А князь съ княгинею, говорятъ, жили какъ голубь съ голубкою. Все это говорить, оффиціальнаго еще не опубликовано.

СТИХОТВОРЕНІЯ

II

КУПЛЕТЫ.

ВЕЧЕРНІЙ ГИМНЪ.

(Изъ Ламартина).

Когда свѣтилъ всѣхъ царь, свершивъ свой
путь блестящій,
Нисходятъ медленно за горизонтъ земной,
И въ яркихъ облакахъ скрывая ликъ горя-
щій,
Браздой багровою уносятъ свѣтъ съ собой,
А блѣдная луна, всплывая въ отдаленья,
Лампадой лизною является въ выси,
И льетъ свой тихій свѣтъ за доли и селенья,
И міриады звѣздъ зажгутся въ небеси,
Тогда, въ тотъ самый часъ, боренья свѣта съ
тьмою.
Природа шлетъ свой гимнъ къ Создателю
всего...
Гимнъ чудный и святой, исполненный хва-
лою,
Къ премудрости Творца, и къ славы дѣлу
его.
Въ тотъ часъ міръ Божій — храмъ; всѣ звѣз-
ды огнь священный;
Весь небосклонъ — глава, земля — его прес-
толь...
Но гдѣ же ливный гимнъ, природой возне-
сенный?
Окрестъ безмолвіе: молчить его глаголю.
Одинъ во мракѣ я; одинъ мой гласъ вы-
пасть

Къ нему, царю царей, восторженной душой..
И мню, — быть можетъ онъ словамъ моимъ вни-
масть..
И въ горня страмы лечу тогда мечтой.

А. Влзуевъ.

СТАРЫЙ АЛЬБОМЪ.

Отъ меня моя старушка
Запираетъ на замокъ
Книгу въ петлю переплетъ,
Въ книгѣ высохшій цвѣтокъ.

Какъ рука, которой сорвалъ
Тотъ цвѣточекъ ни суха,
Какъ теперь моя старушка
Ни безчувственно-тиха, —

А тайкомъ, какъ ни раскрыть
Книгу старую, всякъ разъ,
Какъ на тотъ цвѣтокъ ни взглянуть,
Слезы выступатъ изъ глазъ...

Что таятся въ старой книгѣ?
Сжечь бы книгу въ камелькъ!
Нѣтъ въ той книгѣ—*память дѣтства,*
Память сердца—въ томъ цвѣткѣ.

П. Ободовскій.

МНѢ ЖАЛЬ ЕЯ!

—Qui sait sous quel fardeau la pauvre
ame succombe!

V. Hugo.

Мнѣ жаль страдальцу младую!
Я съ грустью думаю порой:
За чѣмъ же душу не родную
Судьба свела съ ея душой?
Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, не знаетъ,
Однимъ безстрастіемъ дыша,
Какъ здѣсь томится, какъ страдаетъ
Ея прекрасная душа.
Какъ много чувства въ ней святаго,
Какъ много въ этой бы груди
Могла для счастья земаго
Душа кипучая найтѣ.
Но свѣтъ на все владеть условья,
Но въ свѣтѣ грусть запрещена,
И потому печатъ безмолвья
Ей на уста положена;
И потому страдающія слезы
Не смѣютъ брызнуть изъ очей:
Онъ закапали бы розы
На платки праздничномъ у ней;
Онъ на грудь ея младую,
Спадая тихо предъ толпой,
Улыбку святомъ заказную
Могли бы смыть своей струей.
Но въ то мгновеніе, быть можетъ,
Какъ улыбаются уста,
Тоска - зѣва ой сердце гложеть,
Кипитъ завѣтная мечта.
И можетъ быть осуществленье
Для ней свершилось — и въ тиши
Къ нему всѣхъ чистыхъ думъ стремленье
Ея младенческой души.
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Въ глазахъ толпы окружена,
Его встречать суровымъ взглядомъ
При всѣхъ обязана она.
И ни движенія, ни звука
Не смѣтъ пѣ отраду здѣсь подать,
Тому, въ чьемъ сердцѣ таже мука
И таже чувства благодать!
Таятся и во мракѣ ночи,
Чтобы коварный сонъ не могъ

Ручьями слезъ наполнять очи,
Иль изъ груди исторгнуть вздохъ.
Чтобъ не открыла въ ней страдающія
Самозабвенія мечта;
Чтобъ сердцу милое названье
Вдругъ не промолвили уста!..
И въ жизни нѣтъ для ней мгновенья,
Гдѣ бы не ждала ея гроза,
Гдѣ бы хотъ свободное теченье
Могла найти себѣ слеза.
Мнѣ жаль страдальцу младую!
Я съ грустью думаю порой:
За чѣмъ же душу не родную
Судьба свела съ ея душой!

Н. Грековъ.

ДОМОВОЙ.

Изъ Баранже.

(А. Д. Раевскому).

Взошла луна; ушла родная—
И сладкій мигъ насталъ давно,
Когда мой милый, припѣвая,
Придетъ и станетъ подъ окно.
Не спитъ сестра моя, малютка:
Она лукава... Боже мой!
Усни дитя мое, — не шутка,
Здѣсь скоро будетъ домовой.
Онъ страшень, онъ со злой душой
И всюду смерть за нимъ слѣлать,
И всюду онъ подъ мглою ночью
Дѣтей неспящихъ сторожитъ.
И грозный взоръ его, малютка,
Горитъ огнемъ, грозитъ бѣдой,
Усни дитя мое, не шутка,
Здѣсь скоро будетъ домовой.
— Его, я видала, напрасно
Молва такъ бѣднаго хулитъ:
Онъ добръ и взоръ его прекрасный
Не злобой кротостью блеснитъ.
Онъ пѣлъ — и горлица порою
Его бѣ заслушалась со мной;
Сестра, ты шутишь надъ сестрою, —
И мнѣ не страшися домовой.
Зарядившись и потуля взоры,
Ей говорить тогда сестра:
— Возьми вотъ шитые уборы,
Усни, душа моя, — пора. —
Тогда, склонясь въ постель главою,
Дитя вздыхая говорить:
— Прощай сестрица, Богъ съ тобою!
Чу! домовой сюда спѣшитъ. —

В.

ПЕРЕПУТЬЕ.

Надежды призракъ легкрыльи
 Въ остывшемъ сердцѣ затая,
 Стою безмолвный и унылый
 На перепутьи бытiя.
 Боюсь взглянуть въ дни доли мрачной,
 Страхусь ворочаться назадъ—
 Я быль такъ весель неудачно.
 Я быль такъ счастливъ невпопадъ.

В.

ПИРЬ.

Кипитъ пзобильемъ, веселиемъ пирь,
 Блится и пурпуръ и злато,
 И зала большая, прекрасна какъ мирь,
 И все на пирю томъ богато.
 И гости стремятся вселой толпой,
 И жадно хотять насладиться;
 И счастья и радости полною рькой
 Хотять въ изступленнiи упиться.
 И время разноситъ тамъ яства гостямъ,
 Но гости не долго ликуютъ:
 Насытятся, отходятъ къ безвѣстнымъ странамъ
 И вотъ ужъ другіе пируютъ!
 Приходить, уходить... а время всегда
 Безъ отдыха тамъ суетится;
 И нѣтъ недостатка въ гостяхъ никогда,
 И пирь безконечный все дается!

Фурманъ.

AUS DEN AUGEN—AUS DEM SINN! (*)

Хоть по пальцамъ тутъ различаи,
 А выходитъ что сподряя:
 «Съ глазъ долой—и вонъ изъ мысли!»
 Нѣмцы дѣльно говорятъ.

(*) Нѣмецкая пословица: «съ глазъ долой—и вонъ изъ мысли.»

Пусть душа и ужъ согрѣты,
 Сердцу ты не властельвь;
 Людямъ мы какъ блескъ ракеты:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!
 Часто насъ мечта голубить
 Сердце нѣгою полъ,
 Что насъ страстькю вѣчною любить
 Имя чье: душа мол!
 Но разлука подосвѣла,
 Хоть на мѣсяць, на олянв...
 И душа забыла тѣло:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!
 Ты пришелъ къ судьѣ съ поклономъ:
 Правота яснѣй стекла,
 Общаетъ онъ закономъ
 Оградить тебя отъ зла.
 И клянется передъ Богомъ,
 Что онъ слову господивъ...
 Но едва ты за порогомъ:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!
 Въ нерѣдко, чай, видали
 Неутѣшную вдову,
 Въ уповательной печалъ
 И во снѣ и на яву, —
 Слезь удерживать не въ свѣтъ,
 И что часъ, объ немъ помнятъ,
 Но покойникъ годъ въ могилѣ:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!
 Авторъ дружбой журналиста
 До небесъ превознесень;
 Вотъ онъ геній—дѣло чисто!
 Но на долго ль? — Умеръ онъ...
 Погляншь, умомъ кумира
 Топить публики каминъ.
 Вотъ что значить слава мiра:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!
 Бѣдняка почти изъ грязн
 Вы подняли... онъ вашъ рабъ!
 Вотъ пошелъ онъ, слѣдаль слядъ,
 Въ гору лезеть, какъ ни слабъ...
 Вотъ завелъ онъ дачи, ломы,
 Есть и орденъ, есть и чинъ...
 Вы ему ужъ не знакомы:
 Aus den Augen, aus dem Sinn!

Федоръ Ковъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

АВТОРЪ БЕЗЪ УМА.

Тридцатаго ноября 1772 года королевская труппа актеровъ въ Парижѣ играла «Доктора по неволѣ» и *Графа Эссекса*, очень дурную трагедію Томы Корнеля, которая однако почти цѣлый вѣкъ держалась на сценѣ, и успѣхомъ своимъ обязана была только одному хорошему стиху. Но въ то время публикъ уже начиналъ надоедать этотъ знаменитый стихъ, и комедія, въ которой прекрасно игралъ *Превиль*, одинъ изъ первыхъ актеровъ въ Европѣ, привлекала ее болѣе, нежели трагедія. Театръ былъ полонъ; хотя нѣсколько ложъ и оставались пустыми, но за то въ партерѣ не было свободнаго мѣста. — Мольеръ и ноябрь мѣсяцъ всегда увеличивали сборъ во французскомъ театрѣ. Между зрителями замѣтно было волненіе; раздавался шопотъ, который всегда предшествуетъ поднятію завѣса. — Особенно занимала всѣхъ новая трагедія Дюссиса, *Король Лиръ*, которую онъ укралъ у Шекспира и объ которой очень хорошо отзывались актеры. Вдругъ, у дверей оркестра явился человекъ лѣтъ тридцати пяти; онъ былъ взволнованъ, и голосомъ, заглушающимъ всеобщій шумъ, требовалъ минуты молчанія. Публика всегда предпочитаетъ такіе эпизоды тѣмъ, которые заранѣе приготовлены на сценѣ; всѣ разговоры были прерваны; всѣ взоры, всѣ лорветы устремились на оратора.

— Господа, началъ онъ, обращаясь къ партеру, и говоря скоро, но ясно: — мое имя Францискъ Билларъ. Я родился въ Нанси. Отецъ мой богатъ и уважаемъ всеми. Я служилъ секретаремъ у добраго короля Станислава, у этого польскаго Тита, достойнаго тестя нашего государя. Да здравствуетъ король! я говорю о зятѣ; и тотъ, котораго перепиской я имѣлъ честь завѣдывать, давно умеръ и погребенъ. — Онъ отеръ глаза платкомъ и, видя, что странное начало его рѣчи возбудило общее любопытство, продолжалъ. — По смерти моего высокаго покровителя я былъ назначенъ сборщикомъ податей... — Намъ что въ этомъ прибыли! закричалъ кто-то изъ партера. — Вамъ, господа, конечно въ этомъ нѣтъ никакой прибыли, по мнѣ это мѣсто доставляетъ 12 тысячъ годоваго дохода, и этимъ я хочу доказать, что съ вами говорить не какой нибудь первый встрѣчный. — Въ свободное время я занимался литературою. Я написалъ піесу для здѣшняго театра, я не внимая прозбамъ моего семейства, составилъ духовную и отправился въ лилжансъ въ Парижъ, чтобы прочесть актерамъ «Соблазнителья», комедію въ 5 дѣйствійхъ, въ стихахъ, съ танцами, хорами, маршами, сраженіемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ. У меня въ карманѣ, господа, лежатъ доказательства того, что я говорю правду: мое свидѣтельство о крещеніи, назначеніе сборщикомъ податей и моя комедія.

Билларъ вынулъ изъ кармана огромный

свертокъ бумаги и началъ имъ махать какъ фельдмаршалскимъ жезломъ. — Вы не можете себя представить, господа, сколько перенесъ я огорченій, униженій, оскорбленій, убитковъ и обидъ, прежде нежели удалось мнѣ достигъ до могущественныхъ вельможъ, именуемыхъ у насъ королевскими актерами! Они мстятъ писателямъ за свистки, которыми награждаете вы ихъ такъ справедливо. Осмнадцать мѣсяцевъ весь усилія мои были напрасны; часто приходило мнѣ на мысль, что короче всего бросить комедію въ огонь, а автору кинутся въ воду, но по счастью, сего дня утромъ удалось мнѣ наконецъ собрать весь комитетъ. Вы сами постигаете затруднительное положеніе скромнаго автора: мнѣ нельзя самому хвалить свою комедію, но могу однакожъ сказать, что она заслужила одобреніе многихъ честныхъ и образованныхъ людей. И что-жъ г-да актеры отвергли ее все въ одинъ голосъ! У меня не достаетъ силъ пересказать вамъ сколько дерзостей они позволили себѣ во время чтенія. Одинъ заснулъ еще до начала; другой уперся ногами въ решетку камина и просидѣлъ спиной ко мнѣ отъ перваго до послѣдняго стиха; дамы шептались о чепцахъ и перемигивались съ кавалерами; г-нъ Девенъ все время тихонько разговаривалъ съ дѣвицею Севвалъ, ужъ объ чемъ, я не знаю, а г-нъ Бризаръ колесилъ около моихъ кресель; и режисеръ несъ такую околесную, что Боже упаси! Такіе поступки не требуютъ развѣ мщенія? Справедливоли, чтобы отъ каприза шести пустомелей и столькихъ же танцовщицъ на одной ножкѣ исчезъ въ мракъ неизвестности, безъ надежды на спасеніе и вознагражденіе, плодъ четырехлѣтняго труда, въ потъ лица и съ мозолями на пальцахъ?

— Нѣтъ, господа, это злоупотребленіе, которому нѣтъ и названія, и вы, высшіе судьи актеровъ и писателей, вы, пособите мнѣ искоренить его!

Громъ рукоплесканій прервалъ Лотаринскаго оратора. Французы вообще уважаютъ оригиналовъ, а притомъ много разъ были жалобы на злоупотребленіе, объ которомъ говорилъ Францискъ Билларъ.

— Благодарю васъ, господа, продолжалъ поэтъ, за рукоплесканія, они даютъ мнѣ смѣлость точнѣе изложить мою просьбу. — *Графъ Эссексъ* трагедія достойная уваженія, но скучная, и я готовъ на 12 разныхъ тоновъ пропеть вамъ единственный стихъ, при которомъ вы можете аплодировать:

« Не въ казни нашъ позоръ, а въ преступленіи! »

— И такъ я рѣшаюсь предложить вамъ приказать актерамъ молчать и выслушать мою комедію; вы увидите, достойна ли она быть такъ дерзко отвергнута, и ежели ваше мнѣніе не сходно будетъ съ мнѣніемъ этихъ господъ, то вы имѣете доволно вѣса, чтобъ принудить ихъ играть «Соблазнителя.»

Новизна предложенія способствовала его успѣху. Говоръ одобренія раздался по всему театру; *читайте, читайте!* кричали все, находившіеся въ оркестрѣ и очистили мѣсто Биллару. Онъ въ восторгѣ уже развертывалъ свою рукопись, какъ вдругъ два маленькіе отряда стражи явились въ одно время у обоихъ входовъ въ оркестръ.

— Милостивый государь, сказалъ полицейскій офицеръ, полойда къ писателю: — у васъ чудное красворчье. Подивитесь его могуществу: я дождался, когда вы кончите, чтобы сдѣлать вамъ свои замѣчанія. Вы меня не совершенно убѣдили; я еще сомнѣваюсь, чтобы капризъ одного человѣка могъ служить поводомъ къ нарушенію порядка въ театрѣ. Публика собралась сюда смотрѣть представленіе, а не слушать, какъ вы будете читать комедію; не угодно ли вамъ слѣдовать со мною.

— Вы, милостивый государь, кажется человѣкъ, отвѣчалъ Билларъ, и я очень буду радъ имѣть такого слушателя. Сдѣлайте одолженіе, садитесь и позвольте мнѣ прочесть «Соблазнителя.»

— Мнѣ, сударь, очень непріятно лишать себя удовольствія васъ слушать, но я долженъ прежде всего исполнить долгъ свой. Я буду въ отчаяніи, если мнѣ придется дойти до какихъ нибудь непріятныхъ крайностей.

— Какъ это? до какихъ крайностей? Не

ужеля вы осмѣлитесь покуситься на неприкосновенность моей особы?...

— Да, сударь, если вы меня къ этому принудите.

— Убирайтесь къ чорту! Вы видите, что публика хочетъ слушать мою комедию.

Зрители вмѣшались въ разговоръ.

— Вонъ полицейскаго офицера! Читать! читать!

— Вы, слышите, милостивый государь, — говорилъ Билларъ, стараясь освободиться.

— Очень хорошо, отвѣчалъ полицейскій, схватя поэта за воротъ. Гей! Пикарь, Ларозъ, пособите, во имя короля!

Четыре сильные руки схватили Биллара и вынесли изъ залы, прежде чѣмъ партеръ успѣлъ подать ему помощь. Подняли занавѣсъ, чтобы играть графа Эссекса, но взволнованную публику не легко было успокоить, и на этотъ разъ знаменитый стихъ не удался.

Между тѣмъ почтенный сборщикъ податей барахтался руками и ногами, не жалея кулаковъ и пятокъ.

— Берегитесь, г. поэтъ! сказалъ полицейскій офицеръ; излишній жаръ опасенъ, подъ окнами караульной течетъ рѣка.

Билларъ выбился изъ силъ, его бросили на койку.

— Извините, сударь, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, и напрасно горячился, но это очень простительно; я напѣлся, что партеръ отласть мнѣ должную справедливость, въ которой мнѣ отказали актеры. Вы не знаете, каково имѣть комедию, которую не хотятъ играть. Я увѣренъ, если бы вы ее читали, то вѣрно раскаялись бы въ своемъ поступкѣ; а впрочемъ, отчего же вамъ ее не прочесть? Видите, у меня кровь такъ волнуется, мысли такъ кипятъ... я задохнусь, если не докажу комунибудь несправедливости актеровъ. Я буду читать комедию при васъ и вашихъ солдатахъ!

— Я плохой судья въ этомъ отношеніи, сказалъ испуганный офицеръ: — солдаты мои тоже не отличные знатоки въ поэзіи.

Но Билларъ уже развернулъ свою ру-

копись. Солдаты, собравшись въ кружокъ, смотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Соблазнитель, комедія въ 5 дѣйствійхъ, въ стихахъ, съ принадлежавшими къ ней хорами, танцами, маршами, сраженіями и великолѣпнымъ спектаклемъ, отвергнутая французскимъ театромъ, — началъ онъ своимъ громовымъ голосомъ. Дѣйствующія лица...

Въ это время вошелъ полиціймейстеръ.

— Вы причину теперешнихъ безпорядковъ во французскомъ театрѣ!

— А тамъ безпорядки?

— Да, сударь; публика освистала всѣхъ актеровъ; г-жа Вестрисъ упала въ обморокъ.

— О, великодушный партеръ, онъ мститъ за меня!

— Кромѣ того публика громогласно требуетъ чтенія вашей комедіи.

— Я готовъ исполнить ея требованіе.

— Очень хорошо, но не угодно ли вамъ итти за мною?

— Въ театръ?

— Нѣтъ, ко мнѣ.

— Если такъ, милостивый государь, то позвольте мнѣ лучше остаться въ караульной; я буду читать мое сочиненіе господамъ служивымъ. О! они поймутъ меня: тутъ и солдатское сердце и драгунская кровь.

Но полиціймейстеръ остался неумолимымъ и увезъ въ каретѣ Биллара, который почти прихромалъ въ бѣшенство.

— Да, это заговоръ противъ меня, насиліе, позоръ, я прежній секретарь короля польскаго, я, сборщикъ податей, въ службѣ его величества; и долженъ... они хотятъ уничтожить мою комедию... я этого не позволю. А! я понимаю... я назвалъ ее «Соблазнитель»... король не хочетъ, чтобъ ее играли!

— Не старайтесь дѣлать свое положеніе еще худшимъ, сказалъ спокойно полиціймейстеръ.

— Худшимъ? Что же мнѣ могутъ сдѣлать худшаго?.. Голова моя нужна, что ли?... Пусть ее снимутъ! А, вы не хотите, чтобъ я читалъ свою комедию?... Чортъ возьми! такъ я васъ же заставлю ее выслушать!

Карета остановилась; Биллара ввели въ гостиную полиціймейстера.

— Успокойтесь, сударь, сказалъ онъ писателю, опомнитесь; я повѣду собирать свѣдѣнія объ васъ. Черезъ часъ я возвращусь. — Жаннета!

Красвошекая дѣвка, атлетическаго сложенія, вошла въ комнату. Она была самымъ надежнымъ сборомъ полиціймейстера.

— Присмотри за этимъ господиномъ.

— Опасности нѣтъ, спросила она?

— Нѣтъ.

Билларъ между тѣмъ почти упалъ въ кресла; его гнѣвъ превратился въ совершенное изнеможеніе, казалось, онъ ничего не слышалъ. Мало по малу онъ началъ приходить въ себя.

— Гдѣ я? спросилъ онъ слабымъ голосомъ, какъ обыкновенно спрашиваютъ герои драмъ, очнувшись отъ обморока.

— У г-на Совалы, полиціймейстера.

— Ахъ! я несчастный! Куда меня закинула судьба!

— Не печальтесь. Въ чемъ дѣло? Верно часы или платокъ, или золотая табакерка? Эка важность! Ну, посажать въ тюрьму месяцевъ на 15, да и только.

— Только!

— Вамъ кажется, что этого мало? Ну, чтобы сказать навѣрное, надо знать, что вы такое сочинили...

— Комедію.

— Это что такое?

— Ты не знаешь, что такое комедія въ 5 дѣйствійхъ съ хорами, маршами, тапками и великолѣпнымъ спектаклемъ?

— И повятія не имѣю.

— Милая моя, ты сейчасъ это поймешь. воскликнулъ Билларъ съ прежнею живостью. Скорѣ свѣчку и стаканъ воды съ сахаромъ: не вало терять ни одной минуты.

Когда полиціймейстеръ воротился домой, то засталъ Биллара читающаго свою комедію Жаннетѣ, которал, развалиаясь въ креслахъ, спала сномъ праведниковъ.

— Это ужъ черезъ чуръ, государь мой! Какъ, вы не пожалѣли и этой бѣдной дѣвочки.

— Самъ Мольеръ, сударь, слушалъ совѣты своей кухарки, если вы хотите звать. Но я еще только читаю второе дѣйствіе; позвольте мнѣ кончить.

— Довольно и этого.

— Извольте итти за мною.

— Она спала! вскричалъ смущенный поэтъ, взглянувъ на Жаннету.

Они слова сѣли въ карету и ѣхали около двухъ часовъ.

— Куда вы меня везете? спрашивалъ Билларъ; въ Бастилію, въ Венсенскій замокъ? Какое приключеніе для секретаря короля польскаго! О, актеры, актеры! я вамъ отмщу за это!

Карета остановилась у большаго дома, гдѣ поэтъ встрѣтилъ привратникъ самой отвратительной варужности. Биллара провели черезъ большой дворъ и черезъ нѣсколько длинныхъ корридоровъ.

— Такъ, говорилъ онъ, я не ошибся: я въ государственной темницѣ. Сколько времени я здѣсь оставусь?

— Это будетъ зависть отъ вашего поведенія.

Его помѣстили въ комнату, гдѣ онъ въ тоскѣ провелъ остатокъ ночи. Утромъ ему позволили вытти подышать свѣжимъ воздухомъ, и прогуляться по двору, вмѣстѣ съ другими заключенными. Ихъ было четверо; всѣ претерпѣли великія бѣдствія, всѣ жаловались на судьбу. Билларъ увѣрялъ, что событіе, съ нимъ случившіяся, страшше и ужаснѣе тѣхъ, которые ему разсказывали. Для большаго убѣжденія онъ предложилъ прочесть свою комедію.

Въ тотъ же день Бризаръ, лучшій *благородный отецъ* изъ всей французской труппы, всталъ рано утромъ, взялъ со стола бумагу съ печатью полиціймейстера, велѣлъ заложить лошадей въ карету и, садясь въ нее, закричалъ кучеру: «*Въ Шарантонъ.*» Домъ сумасшедшихъ.

По дорогѣ онъ вслухъ повторялъ роль, назначенную ему въ повой трагедіи Дюссиса. Прѣхавъ въ Шарантонъ, онъ пошелъ прямо къ директору.

— Милостивой государь, сказалъ онъ ему: вотъ дозволеніе отъ полиціймейстера осмотрѣть ваше заведеніе во всей подробности. Я, Бризаръ, буду играть роль сумасшедшаго въ повой трагедіи: *Король Лиръ*, и хочу взять нѣсколько уроковъ у самой природы.

— Какъ угодно вамъ будетъ начать: съ сумасшедшихъ смирныхъ, или съ бѣшеныхъ?

— Съ смирныхъ.

Служитель ввелъ директора и актера въ залу, гдѣ четыре человѣка, очень почтенной наружности, усѣвшись полукругомъ, слухали пятого, который что-то читалъ.

Актеръ и читающій оба вскрикнули отъ удивленія, увидѣвъ другъ друга.

— Вы что здѣсь дѣлаете, господинъ Билларъ?

— А вы за чѣмъ сюда пожаловали, г-нъ Бризаръ?

— Вы вчера надѣлали порядочную тревогу!

— А вы вчера произнесли прекрасное сужденіе!

— Какъ! вы еще не утѣшились въ неуспѣхъ вашей комедіи?

— Потрудитесь съѣсть, и посудите сами о дѣйствиіи, которое производитъ на слушателей мое твореніе. Только и слышно смѣхъ, рукоплесканія, восклицанія!.. Слава Богу, вотъ первые дѣльные люди, которыхъ я встрѣчаю въ столицѣ.

— Да вы вѣрно не знаете, что вы въ сумасшедшемъ домѣ?

При этихъ словахъ всѣ слушатели Биллара вдругъ встали и бросились къ актеру съ вопросами. Несчастный поэтъ закрылъ лице руками; собравъ однакожь мысли, онъ воскликнулъ.

— Да за кого же меня принимаютъ?

— Любезный Билларъ, сказалъ Бризаръ, помирая со смѣху, вы слишкомъ жестоко наказаны. — Господинъ директоръ, тутъ есть какое вибудь недоразумѣніе. Я отвѣчаю за его разсудокъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ его комедіи.

Начались объясненія; Биллара увели. Сумасшествіе прилипчиво:—Увы! говорилъ онъ, у этихъ господъ однакожь много здраваго смыслу. Жаль что они не выслушали 5-го дѣйствиія.

Въ тотъ же вечеръ его освободили. Скоро рассказы объ его приключеніяхъ заняли всѣхъ жителей столицы. Шесть маркизъ и три герцоги ни хотѣли услышать ихъ отъ него са-

мага. Онъ не пропустилъ удобнаго случая прочесть въскольکو разъ свою комедію. Во Франціи, какъ и вездѣ, очень выгодно играть роль *юлимаю*. Черезъ мѣсяцъ авторъ и сочиненіе приобрѣли колоссальную извѣстность.

— Г-нъ Билларъ, сказали ему однажды герцогъ Дюранъ, первый камергеръ, завѣывавшій управленіемъ театровъ:—актеры ошиблись на счетъ достоинства «Соблазнителя.» Я хочу чтобы прослушали его еще разъ. Приготовьтесь.

Францискъ Билларъ, осыпанный похвалами, превозносимый вездѣ, перевосилъ свое счастье уже не такъ философски, какъ свои бѣдствія. Онъ прочелъ актерамъ «Соблазнителя», и сочиненіе, отвергнутое общимъ мнѣніемъ, было на этотъ разъ принято съ восторгомъ.

Первое представленіе было дано 7-го марта 1773. Моде игралъ роль соблазнителя. Стеченіе народа было неимоверное, всѣ интересовались звать объ успѣхъ комедіи. Не смотря на это, паденіе ея было торжественное. Актеры объявили, что ихъ первое мнѣніе было всегда самое лучшее.

Что касается до Франциска Биллара, онъ воротился въ Нанси и умеръ тамъ спокойно, исправляя должность сборщика податей и цвоторя, что его не умѣли оцѣнить и не постигли!

Когда королю довели о его смерти, и рассказали о кутермѣ, которую покойникъ патворилъ своимъ «Соблазнителемъ», его величество пожелалъ видѣть эту комедію. Ее представили при дворѣ, король изволилъ смѣяться и благоволилъ аплодировать... Комедія вошла въ моду и имѣла блистательнѣйшій успѣхъ. Билларъ причисленъ къ замѣчательнымъ поэтамъ Франціи!

ПРАВОВОУЧЕНІЕ.

Видно и въ искусствахъ и въ созданіяхъ мысли есть своего рода фортуна:

Кого Господь пощеть — вознесеть!

ДВА МУЗЫКАНТА.

Когда Генрихъ Исаакъ, этотъ великій композиторъ XVI вѣка, былъ привуж-

день оставить Инспрукъ, свое любимое жилище, онъ выразилъ свои чувства въ мелодіи, которая начинается словами: «Инспрукъ, я долженъ тебя покинуть!» Горестъ артиста была истинна; музыка вышла высокая. Вся Германія ее повторяла; церковь усвоила ее, составивъ изъ нея одинъ изъ самыхъ высокихъ и наиболее внушающихъ благоговѣніе гимновъ. И теперь еще, по прошествіи трехъ столѣтій, не только въ городахъ, но въ самомъ отдаленномъ, въ самомъ безвѣстномъ селеніи Германіи, вы услышите дѣтей, поющихъ мелодію Исаака.

Мелодія Исаака играла важную роль въ сценѣ, которая происходила въ минувшемъ вѣкѣ, въ Зальцбургѣ, гдѣ съ такою славой блистали органисты Мюффа, Андреасъ Гоферъ и Гайднъ. Герои повѣсти были ученики послѣдняго. Ихъ звали Рудольфъ и Германъ. Германъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ предназначеніе опредѣлить трудно: онъ носилъ въ себѣ зародышъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ. Лишившись отца еще младенцемъ, онъ былъ воспитанъ слабою матерью и достигъ двадцатилѣтняго возраста, не встрѣчая никакихъ препятствій необузданной своей воли. Въ немъ развился характеръ пылкій, упрямый и мстительный; короче сказать, смотря по обстоятельствамъ, Германъ могъ сдѣлаться или героемъ, или злодѣемъ. Кротость, доброта и покорность, были отличительными свойствами Рудольфа. Соединяя ученость и даръ убѣжденія съ скромностію, онъ при первомъ взглядѣ, не производилъ никакого впечатлѣнія; но успѣхъ его былъ тѣмъ продолжительнѣе, что онъ никогда не искалъ и не старался возбуждать удивленія. Его честолюбіе ограничивалось тихими радостями семейнаго круга; только музыка уносила его изъ этой сферы мирнаго счастья въ предѣлы восторга и страсти; но и тогда дѣйствовала надъ его душою чистая любовь къ искусству, а не желаніе превзойти соперниковъ. Музыка связала дружбу двухъ молодыхъ людей, столь различныхъ по характерамъ. Оба, какъ я сказалъ уже, были ученики Гайдна; не Юсефа Гайдна, творца симфоній и великихъ ораторій, но органи-

ста Гайдна, знаменитаго своими церковными сочиненіями, котораго скромную могилу можно и теперь видѣть въ Зальцбургѣ. Оба ученика шли быстро впередъ и хотя образовывались подъ влияніемъ одного учителя, но сохраняли каждый свой оригинальный характеръ. Вдохновенія Рудольфа были важны, возвышенны, исполнены нѣжности и гармоніи; музыка Германа была страстная, порывистая, безпорядочная. Не земные звуки первого непостижимымъ очарованіемъ влияли въ душу восторгъ; музыка втораго волновала, смущала слушателя, леденила сердце его ужасомъ, прибывала всю кровь въ голову.

Между двумя артистами не могло быть сравненія, не могло быть и зависти.

Каждый изъ нихъ въ ровной степени возбуждалъ рукоплесканія, и ни одно облачко не затмѣвало еще ихъ братскаго союза. Однажды ихъ позвали на музыкальный вечеръ къ маюру Вильгельму. У маюра была дочь, прелестная собою и отличная виртуозка. Самые враги маюра осыпали ее похвалами, а друзья находили, что молва, такъ часто живая, нисколько не преувеличивала ея достоинствъ. Рудольфъ долженъ былъ играть съ нею на фортепьяно. Никогда еще, казалось, сердца двухъ артистовъ не были въ такой гармоніи. Оба обладали одинаковою прелестью выраженія, одинакимъ одушевленіемъ воображенія блестящаго, но чистаго. Съ первыхъ аккордовъ, они поняли другъ друга, и, соединивъ мысли, устремились согласнымъ полетомъ въ область гармоніи. Не пальцы, души ихъ летали по клавишамъ. Звуки умоляли, но присутствующіе долго еще слушали, не смѣя нарушить молчанія, даже изъявленіемъ своего восторга. Настала очередь Германа. Но въ жилищѣ его, уже струился ядъ ревности. Въ чудесномъ согласіи Юліи и Рудольфа, онъ видѣлъ не искусство артистовъ, а внушеніе внутренняго чувства. Онъ занялъ однакоже мѣсто Рудольфа возлѣ Юліи. Огонь, пожравшій его душу, перешелъ въ его пальцы: страстная, стремительная игра его изумила, восхитила слушателей, но не произвела никакого впечатлѣнія на невинное сердце дѣвушки.

Напрасно старался Германъ извлечь хоть одну искру изъ этой души, которая его не понимала; она оставалась холодною и спокойною. А онъ, осыпавъ похвалами, онъ готовъ былъ въ дребезги разбить инструментъ и день радости обратить въ день печали, для цѣлаго семейства. Рудольфъ часто посѣщалъ майора. Однажды, онъ признался ему, что любитъ Юлію. Поговоривъ съ дочерью, майоръ соединилъ руки ихъ и сказалъ Рудольфу:

— Черезъ четыре мѣсяца, откроется ваканція органиста въ церкви св. Себастьяна. Когда ты получишь это мѣсто, я назову тебя моимъ сыномъ.

Прошло вѣскольکو мѣсяцевъ. Германъ достигъ высочайшей степени страсти и отчаянія. Молодой человекъ, прежде столь свѣжій и сильный, исхудалъ, какъ скелетъ. Глаза его глубоко ввали и бросали молніи изъ-подъ нависшихъ бровей. Въ такомъ видѣ явился онъ внезапно, передъ своимъ учителемъ, котораго со всѣмъ бросилъ современіи своей безумной страсти. — Гдѣ Рудольфъ, спросилъ онъ нетерпѣливымъ, повелительнымъ тономъ.

— Гдѣ ты пропадалъ, несчастный! спросилъ въ свою очередь старикъ, съ ужасомъ замѣтивъ преждевременныя морщины на лбу одного изъ любимыхъ учениковъ. О, зачѣмъ, не хочешь ты, подобно Рудольфу, быть утѣшенъ моею старости! Смотри, все ему удается. Завтра онъ вступаетъ въ должность органиста при церкви св. Себастьяна, а черезъ недѣлю женится на дочери майора Вильгельма. Щеки Германа вспыхнули яркою краскою.

— Гдѣ Рудольфъ? повторилъ онъ; я сейчасъ долженъ его видѣть.

— Въ церкви, сынъ мой; повторяетъ объядю, сочиненную имъ для завтрашняго торжества. Радость блеснула въ глазахъ Германа. Онъ побѣжалъ въ церковь. Тамъ, закрывъ лице плащомъ, положивъ руку на кивжалъ, онъ прислонился къ колоннѣ, ожидая когда Рудольфъ сойдетъ съ хора, гдѣ стоялъ органъ. Въ церкви царствовали мракъ и безмолвіе, которые усиливали впечатлѣніе,

производимое святостію мѣста. Только блѣдный, трепещущій свѣтъ лампы, сіялъ на хорахъ. Вдругъ, громкій аккордъ раздался полъ сводами и заставилъ затрепетать Германа. Потомъ, послышался гимнъ, въ началѣ полный простоты и величія, но при переходѣ отъ измѣненій къ измѣненіямъ, окончивавшійся торжественною фугою. Никогда еще гимнъ Рудольфа не проявлялся съ такимъ непреодолимымъ могуществомъ, съ такою увлекающею прелестью. Самая сладостная мелодія сливалась въ этихъ звукахъ съ гармоніею богатою и разнообразною. Невольное смущеніе овладѣло Германомъ. Холодный потъ пробѣжалъ по всему его тѣлу. Судорожнымъ движеніемъ онъ удержалъ кивжалъ, готовый выпасть изъ его руки. Послѣ мнѣвутаго молчанія, органъ послышался снова; но на этотъ разъ, звуки его были тихи, жалобны, дышали грустію. Лишь только они коснулись слуха Германа, онъ затрепеталъ, приподнялъ поднятую голову, глаза его наполнились слезами. Когда то Германъ и Рудольфъ играли вмѣстѣ арію Исаака. Увлеченные прелестью этой трогательной и вѣжной музыки, они бросились другъ къ другу въ объятія и поклялись въ вѣчной дружбѣ. Эту самую мелодію игралъ Рудольфъ съ неподражаемымъ чувствомъ. Умиленіе Германа возрастало.

Цѣлуюночь провелъ бы Рудольфъ въ храмѣ, проникнутый высокимъ вдохновеніемъ, еслибы вдругъ среди ночаго, торжественнаго безмолвія, не раздался знакомый ему голосъ: «Прости, Рудольфъ, прости, будь счастливъ!» Быстро сошелъ Рудольфъ съ хоровъ. Но напрасно звалъ онъ, напрасно искалъ по всей церкви. Только брошенный у колонны и блеснувшій при свѣтѣ лампы кивжалъ, доказывалъ ему, что слышанное имъ, не мечта воображенія. На другой день, Рудольфъ былъ утвержденъ въ должности органиста; черезъ недѣлю, онъ женился на дочери майора Вильгельма.

Нѣскольکو лѣтъ спустя, въ Италиіи много говорили объ одномъ вѣмедкомъ артистѣ, который не могъ слышать безъ слезъ мелодіи Исаака.

СЧАСТЛИВѢЙШІЙ ИЗЪ СМЕРТНЫХЪ.

Одному актеру и вмѣстѣ сочинителю одного изъ парижскихъ театровъ ни какъ не удавалось выказать своего таланта на театральныхъ помостахъ. Еще мнѣе улыбалось счастье его авторскому труженичеству. Не зная, какъ пособить своему горю, онъ рѣшился на довольно благоразумную мѣру, именно, утопиться. Обдумавъ, какъ вельзя лучше, своей плащъ, онъ отправляется, въ одно прекрасное утро, на берега Сены, и уже готовъ былъ, безъ дальнѣйшаго отлагательства, погребсти въ волнахъ свою горькую судьбу, какъ вдругъ видитъ предъ собою какого-то незнакомаго человѣка. Незнакомецъ съ перваго разу догадался, съ какииъ намѣреніемъ стоитъ этотъ человѣкъ на берегу.

— Государь мой, сказалъ онъ ему, вы что-то безпрестанно оглядываетесь во всѣ стороны... Не потеряли ли вы чего?

— Нѣтъ, я ищу камня.

— О! я угадалъ ваши затѣи, вскричалъ Сегюре. Какъ хотите, я не оставлю васъ: я вижу, вы хотите лишитъ себя жизни.

Артистъ безъ отговорокъ признался, но прибавилъ, что онъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и что, если ему не дадутъ захлѣбнуться сегодня, такъ онъ завтра повѣсится или послѣ завтра перерѣжетъ себѣ глотку.

— Что за глупая мысль: *умирать!* Говорю вамъ, что этого не будетъ, ни завтра, ни послѣ завтра, и даже никогда, отвѣчалъ кукольный фабрикантъ. Скажите мнѣ, что васъ огорчаетъ: я вамъ помогу.

— Извольте! Я актеръ и писатель; мое имя Одино.

— Одино! авторъ *Бочара?* Такъ, такъ, я не ошибся; лице ваше мнѣ знакомо. Скажите, пожалуйста! такая провѣтная память! Цѣлый часъ рассуждалъ я самъ съ собой, и немогъ понять, гдѣ я васъ видалъ... Такъ вы-то авторъ *Бочара!* А вѣдь славная штука ваша *Бочаръ*, а какъ хорошо вы играете въ комедіи! Вы часто заставляли меня смѣяться до слезъ, и, повѣрьте честному слову, мнѣ ужасно

хочется, чтобы вы еще посмѣшили меня.

Ну, посудите сами, какъ же я могу допустить до гибели такого прекраснаго актера, такого даровитаго автора, какъ вы!

— Только вы одни и находите во мнѣ талантъ; директоры совсѣмъ не такъ обо мнѣ думаютъ. Вообразите, они отказали мнѣ на отрѣзъ въ постановкѣ на сцену моихъ піесъ, и не даютъ мнѣ ни одной роли.

— Ваши директоры неблагодарны, несправедливы, вскричалъ кукольный фабрикантъ.

— Да, они точно несправедливы ко мнѣ, отвѣчалъ артистъ. Богъ имъ отплатитъ за мое самоубійство.

— Нѣтъ, стойте: этого не будетъ. Пророчу вамъ, съ этихъ поръ вы будете счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, вскричалъ Сегюре, ударивъ себя по лбу. Самопровидѣніе внушило мнѣ мысль, которая навсегда обезпечитъ вашу будущность.

— Какая же это мысль? спросилъ Одино.

— Вы жалуетесь, что вашихъ піесъ не ставятъ на сцену, и что вамъ не даютъ ни одной роли. Хорошо! вы сами будете директоромъ. Мы заведемъ съ вами театръ маріонетокъ; въ немъ вы будете полнымъ хозяиномъ. Здѣсь будетъ вамъ раздолье! Разыграйте всѣ свои піесы, ужъ вамъ тогда никто не посмѣетъ отказать ни въ одной роли, потому что вы сами будете говорить за всѣхъ актеровъ. И какое прекрасное поле для мести вашимъ директорамъ и прежнимъ товарищамъ! Я кукольный мастеръ, и ручаюсь, такъ смастерю ихъ, такихъ ваточу актеровъ, что каждый изъ нихъ будетъ живымъ портретомъ актеровъ и актрисъ вашего театра.

— Превосходная мысль, чортъ возьми! вскричалъ въ восторгъ Одино. Я передраживу всѣхъ своихъ собратій, — я отлично подражаю голосу cadaго изъ нихъ, и знаю, какъ свои пять пальцевъ, всѣ ихъ ухватки... О, я не забуду ни одной ихъ глупой уловки... одурачу славно!.. Bravo, Сегюре! вы мой спаситель, мой ангелъ хранитель!

— Что касается до финансовъ и прочаго, необходимаго для перваго обзаве-

денія директора новаго театра, положитесь во всемъ на меня. Я доставлю вамъ всё. Какое же вы дадите названіе своему театру?

— *L'ambigua-Comique. Двусмысленно комическій.*

— Прекрасно.

Одино нанялъ балаганъ на Сентъ-Жерменской площади, и тамъ началъ свои представленія.

Его маріонетки имѣли огромный успѣхъ. Онѣ были удивительно хорошо сдѣланы, и превосходили всѣ бывшія дотолѣ рѣдкости въ этомъ родѣ. Всѣ актеры италянскон оперы были скопированы, какъ нельзя лучше. Весь Парижъ бѣсгалъ смотрѣть на эту каррикутуру. И такъ, предсказанія Сегюре сбылись. Одно сдѣлался *счастливымъ изъ смертныхъ*. Тотъ же авторъ и актеръ, только при другихъ условіяхъ прослылъ гениальнымъ. Вотъ какъ полезно иногда людямъ превращаться въ болвановъ.

ПРИЛЕЖНЫЙ УЧЕНИКЪ.

Недавно въ Парижѣ случилась слѣдующая исторія. Въ такъ называемый «Советъ Дисциплины» былъ приведенъ человекъ рыжій, рябой, кривой, однимъ словомъ, какъ говорятъ, обиженный природою. Однакожъ, вѣроятно, изъ сожалѣнія, онъ былъ обиженъ ею не до такой степени, чтобъ не могъ служить въ полку. Президентъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы и спросилъ: вы господинъ Вильсонъ?

Подсудимый. Я Вильсонъ, ты Вильсонъ, онъ Вильсонъ; мы Вильсоны, вы Вильсоны, они Вильсоны.

Президентъ. Перестаньте дурачиться. Отвѣчайте какъ вы смѣли оставить свой караулъ?

Подсудимый (нервнительно). Оставить?

Президентъ. Да, оставить.

Подсудимый (съ жаромъ.) Я оставлю, ты оставишь, онъ оставитъ, мы оставимъ, вы оставите, они оставятъ. (*Общій смѣхъ.*)

Президентъ. Что вы, смѣтаете что ли надъ советомъ?

Подсудимый. Ахъ, *very good!* Я смѣюсь надъ советомъ, ты смѣешься надъ советомъ, онъ смѣется надъ советомъ, мы смѣемся надъ советомъ, вы смѣетесь надъ советомъ, они смѣются надъ советомъ. (*Продолжительный хохотъ.*)

Довошикъ. Вы, милостивый государь, скверно дѣлаете.

Подсудимый (прерывая его.) Я скверно дѣлаю, ты скверно дѣлаешь, онъ скверно дѣлаеть...

Довошикъ. Замолчите и дайте мнѣ сказать.

Подсудимый (опять перебивая его.) Я скажу, ты скажешь, онъ скажетъ, мы скажемъ, вы скажете, они скажутъ. (*Неистовый хохотъ.*)

Довошикъ принужденъ былъ остановиться, недоковчивъ своего обвиненія, потому что подсудимый не давалъ ему выговорить ни одного глагола безъ того, чтобы не проспигать его по всемъ временамъ, наклоненіямъ, числамъ и лицамъ. Всѣ были въ крайнемъ недоумѣніи, какъ вдругъ въ залу вошелъ съ большимъ носомъ, маленькій старичекъ. Онъ хохоталъ во все горло, такъ что навѣрно лопнулъ бы со смѣху, если бы узкій фракъ его не былъ на-глухо застегнутъ.

Старичекъ. Господа! ха, ха, ха! послушайте, я вамъ скажу.

Подсудимый (перерывая его.) Я скажу, ты скажешь, онъ скажетъ; мы скажемъ, вы скажете... (*Хохотъ, какого никогда не бывало въ театрѣ.*)

Старичекъ. Ха, ха, ха! Господа! онъ обманулъ васъ.

Подсудимый, (перебивая.) Я обманулъ, ты обманулъ, онъ обманулъ, мы обманули, вы обманули, они обманули.

Маленькій старичекъ съ большимъ носомъ подбѣжалъ къ подсудимому, и, зажавъ ему рукою ротъ, кое-такъ объяснилъ совету, что онъ одинъ всему виною. Вильсонъ, который тамъ насмѣшился советъ, былъ его братъ, недавно прѣхавшій къ нему изъ Англіи. Чтобы поскорѣе познакомиться съ французскимъ языкомъ, учитель велѣлъ ему спрятать всѣ глаголы, какіе только онъ услышитъ. Советъ, отпустилъ обоихъ Вильсоновъ безъ всякаго наказанія.

Восхищенный старичекъ громко изъясняя свою благодарность. — Прошайте господя! сказалъ онъ съ чувствомъ, отнимая ладонь отъ губъ англичанина. Какъ только англичанинъ почувствовалъ возможность говорить, онъ пошелъ опять спрягать: я прошю, ты прощаешь, онъ прощаетъ; мы прощаемъ, вы прощаете. они прошаютъ.

Учитель и ученикъ удалилась изъ совѣта, сопровождаемые громкимъ смѣхомъ всего собранія.

МАЛЕНЬКАЯ ШЛЯПА.

Въ одной небольшой деревенькѣ Графства Суссекскаго жили два человека. очень дружные между собою. У каждаго была своя страсть, страсть мелочная, но убыточная: одинъ, сэръ Эдуардъ Киввисдаль, во слѣ и на язу только и видѣлъ одни историческіе памятники; онъ отыскивалъ ихъ вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, дабы и почпо заботясь о непрерывномъ обогащеніи своего кабинета рѣдкостей; другой, Генрихъ Бутлеръ, прослылъ отчаяннымъ библіофиломъ. Такъ какъ страсти вашихъ друзей были различны, то ничто не нарушало мирнаго ихъ согласія; въ затруднительныхъ обстоятельствахъ они даже дѣлились своими кошельками; въ предпріятіяхъ щекотливыхъ они подавали другъ другу взаимные совѣты. Сэръ Эдуардъ великодушно удивлялся заплепнымъ фоліантамъ Бутлера, а сэръ Бутлеръ въ глаза и за глаза хвастался кабинетомъ Эдуарда. Между тѣмъ сынъ Бутлера достигъ счастливаго возраста молодаго повѣсы и вздумалъ влюбиться исѣмъ своимъ составомъ въ прекрасную миссъ Киввисдаль. Отецъ влюбленнаго вполнѣ оцѣнивавшій доходы Киввисдаль, хотя и тайствоваль за сына у своего друга, но къ величайшему неудовольствію получилъ отказъ. Друзья поссорились и разстроились. Но сэръ Генрихъ былъ не простой библіофилъ, а какъ бы выразиться... библіофилъ — присыпочка: онъ страстно любилъ волочиться за чужими девсжками и едва ли эта страсть была въ немъ вселенная библіоманія. Ему жаль стало

упустить изъ рукъ такое имѣніе, какъ у сэра Эдуарда. Надо какъ нибудь сладить съ упрямымъ отцемъ, думалъ онъ, гдѣ не берутъ силы, тамъ мы употребимъ хитрость и споровку; это въ характерѣ присыпочекъ. Смѣтливый библіоманъ давно уже изучилъ слабую сторону своего друга, какъ переплесты своихъ фоліантовъ; онъ подумалъ немного и придумалъ самый остроумный планъ. Онъ записался на время въ туристы и отправился во Францію, гдѣ на другой же день приступилъ къ исполненію своего плана.

Возвратясь черезъ три мѣсяца изъ Франціи, Бутлеръ задалъ маленькій виръ, на весь деревенскій міръ; онъ не забылъ послать пригласительнаго билета и къ сэру Эдуарду, по тотъ нее пришелъ. Праздникъ Бутлера надѣлалъ шуму въ цѣломъ околдѣ; онъ немъ говорилъ всѣмъ достопочтенные сэры съ своими сожителями и домочадцами на 7-мъ английскихъ милъ въ окружности. И было объ чемъ потолковать, во новпривышій туристъ, въ самомъ разгарѣ бала, выпуль изъ дорожнаго чемолана разныя бездѣлки и началъ хвастаться предъ пирующими друзьями дорогими подарками Франціи; въ заключеніе пролувной библіофилъ, туристъ-присыпочка, досталъ изъ картопа, облитаго кругомъ свинцомъ, и запечатаннаго семью разноцвѣтными печатями, такой ликовишый гостивчикъ, отъ котораго всѣ отумавенныя головы обезумѣли, а разинутые рты, съ овѣмѣвшими языками только ахали отъ удивленія.

— Вѣрно ему Богъ послалъ какого-нибудь стараго козла! говорилъ съ презрѣніемъ сэръ Эдуардъ, когда къ нему стали долетать слухи о небываломъ чудѣ Бутлера.

— О, пѣтъ, клянусь совѣстію, отвѣчалъ шерифъ или судья: — онъ досталъ прелюбопытную, рѣдчайшую вещь, истинно зрагодѣнное приобрѣтеніе; вообразите, онъ завладѣлъ маленькою шляпою Наполеона, которая была пахлобучена на гениальной годовѣ этаго великаго челоука при переходѣ чрезъ Сев-Берварль. Эти слова заставили вспрыгнуть сэра Эдуарда. Въ его кабинетъ давно уже красовалась маленькая шляпа корсиканца

на почетномъ мѣстѣ, за стекломъ, въ главѣ всѣхъ рѣдкостей. Онъ дорожилъ ею больше всего, цѣнилъ ее выше всѣхъ коллекцій на бѣломъ свѣтѣ, можетъ быть потому, что онъ дорого, очень дорого заплатилъ за нее; она стоила ему дороже всего его кабинета рѣдкостей; за то онъ и не прежде купилъ ее, какъ удивившись ясными и неоспоримыми доказательствами, что эта шляпа не только дѣйствительно принадлежала Наполеону, но что она единственное главное украшеніе, какое осталось отъ великаго чловѣка. Откуда же взялся у Бутлера другой экземпляръ этой шляпы? непостижимо...

Послѣ такового разглагольствія съ самимъ собою, сэръ Эдуардъ, увлеченный своею страстію, схватился за голову и побѣжалъ къ Бутлеру. Библиофилъ принялъ его холодно и важно.

— Чему обязанъ я вашимъ милости-
вымъ посѣщеніемъ?

— Желанію разувѣрить васъ на счетъ

драгоценности, вами прибрѣтенной. По сэръ Эдуардъ и поблѣднѣлъ, и покраснѣлъ, когда Бутлеръ показалъ ему огромную кипу свидѣтельствъ и аттестацій, приложенныхъ при маленькой шляпѣ.

— Двѣ шляпы! вскричалъ онъ; о! это слишкомъ!... А дорога ли ваша покупка? Перепродайте ее мнѣ, старый другъ мой!

— Давайте мнѣ половину вашего имѣнія, не возьму... притомъ эта шляпа теперь ужъ не моя. Я подарилъ ее своему сыну.

— Ему! такъ что жъ? Я породвюсъ съ нимъ, сказалъ сэръ Эдуардъ, послѣ минутнаго размышленія. Теперь два наши семейства составятъ одно и двѣ маленькія шляпы составятъ одну!

А библиофилъ — присыпочка, потирая отъ радости руки, думалъ про себя: теперь у меня два маленькіе имѣнница составятъ препорядочнос одно! Дѣло въ шляпѣ!

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4. Апрель. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРЯ

ШАНТРОНЪ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ

- I. Дядюшкина тайна, водевиль въ одномъ дѣйстви, переделанный съ французскаго
Д. Ленскимъ.
- II. Летопись русскаго театра. Май, июнь.
- III. Новости.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюля 12 дня, 1841 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ВОРОДИНА И КОМП.

ДЯДЮШКИНА ТАЙНА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ДМИТРИЕМЪ ЛЕНСКИМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дежоберъ, богатый фабрикантъ.
Эрвель Дюпаркъ, его племянникъ.
Дидва, жена Дежобера.
Г-жа Бретонвиль, мать Дидвы.

Аделаида, племянница г-жи Бретонвиль.
Мигрень, докторъ.
Жакъ, слуга Дежобера.

Дѣйствіе происходитъ въ домъ Дежобера.

Театръ представляетъ комнату въ загородномъ домѣ, убранныю богато и со вкусомъ. Въ среднѣи дверь въ садъ, и двѣ двери по сторонамъ. На лѣво камины. Разныя мебели, и между прочимъ модный дамскій рабочій столикъ. На лѣво, письменный столъ, кресло и проч. На право софа и надъ нею въ стѣнѣ тесьма отъ колокольчика.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мигрень, Жакъ, потомъ Г-жа Бретонвиль.

Жакъ, (отворяя дверь Мигреню). Пожалуйста, г. докторъ... извольте потрудиться немножко подождать... я сей-часъ доложу бариню.

Мигрень. А развѣ г. Дежоберъ еще не вставалъ?

Жакъ. Помилуйте! часа съ два ужъ есть, какъ онъ ушелъ на фабрику.

Мигрень. Такъ не мѣшай ему заниматься дѣломъ. Вотъ идетъ его теща... я съ ней поговорю.

Г-жа Бретонвиль, (входя съ лѣвой стороны.) А, г. Мигрень!... здравствуй-те, докторъ. (*Жакъ уходитъ*).

Мигрень. Мое пожалуйста почтеніе, г-жа Бретонвиль.

Г-жа Бретонвиль. Давно, давно васъ не видать! Совсѣмъ насъ забыли.

Мигрень. Тѣмъ лучше для васъ: присутствіе докторовъ означаетъ отсутствіе здоровья; съ тѣхъ поръ какъ г-жа Дежоберъ уѣхала, я очень рѣдко зятъ бываю, и то только за тѣмъ, чтобъ узнать не возвратилась-ли она съ минеральныхъ водъ.

Г-жа Бретонвиль. Нѣтъ еще; я завтра съ зятемъ поѣду за нею.

Мигрень. Этотъ добрый г. Дежоберъ вѣроятно горитъ желаніемъ увидѣться поскорѣе съ молодою своею супругою.

Г-жа Бретонвиль. Да, надобно отдать ему справедливость... онъ обожаетъ жену свою... онъ отъ нея безъ ума.

Мигрень. Я съ каждымъ днемъ благодарю судьбу, что мнѣ удалось ихъ со-сватать.

Г-жа Бретонвиль. Призавоюсь, докторъ, у васъ рука легка... и, говорятъ, вы гораздо болѣе людей жевите, чѣмъ вылъчиваете.

Мигрень. Это правда; я тружусь для нравственности и разпоженія человѣческаго рода.

Повѣрьте мнѣ, я радъ душевно
Женить и сватать ежедневно;
Люблю ужасно видѣть я,
Какъ разпожается семья.
Когда чету я съединяю,
То самъ съ собою разсуждаю:
Я счастье дѣлаю для нихъ,
А для себя коплю большыя!

И вотъ для чего и уговорилъ г. Дежеберу жениться; а то бы овъ копецю умеръ холостымъ.

Г-жа Бретонвиль. Разумѣется, овъ долженъ быть вамъ очень благодаренъ.

Мигрень. Да и вамъ, я думаю, грѣхъ на меня пожаловаться; если... г. Дежеберъ и не по лѣтамъ вашей дочери, за то у него считаются около милліона... Овакожь, не смотря на всю свою любовь къ пестѣтъ, овъ долго не рѣшался... потому что не хотѣлъ лишитъ наследства какого-то племянника, который у него только одинъ и есть родственникъ.

Г-жа Бретонвиль. Знаю... овъ очень любить этого племянника; и слава Богу, что это еще племянникъ... а то вѣдь эти старыя холостяки...

Мигрень. Полвоте, полвоте! ну, что вы... право г. Дежеберъ челоуѣкъ простой...

Г-жа Бретонвиль. Да, простоватъ немного.

Мигрень. И во всякомъ случаѣ вамъ нельзя полозрѣвать...

Г-жа Бретонвиль. О! разумѣется; но вѣтъ ужъ скоро полтора года, какъ была свадьба... и овакожь... вы понимаете мои опасенія... ну, если мой зять умереть бездѣтень?

Мигрень. Авось, Богъ милостивъ, еще будутъ лѣтъ... въ шестьдесятъ лѣтъ еще можно...

Г-жа Бретонвиль. Хорошо еслибы

такъ! по жена его на волахъ ужъ два мѣсяца—и эта отлучка мнѣ не правится. Еслибъ не процессъ задержалъ меня въ Бордо, еслибъ въ то время я была здѣсь, я бы не пустила Диану, или по крайней мѣрѣ, сама поѣхала съ ней.

Мигрень. Чего же вы бонтесъ? г-жа Дежеберъ не одна поѣхала... Вы знаете, при ней ея кузина, Адсланда.

Г-жа Бретонвиль. Адсланда ей почти ровестница... на нея нельзя полагаться.

Мигрень. Овъ овъ находятъ подъ надзоромъ г-жи Вермонъ и ея мужа, нотариуса, который поѣхалъ ихъ провожать... Это весьма почтеныя люди... вѣдь и эту свадьбу все я же уладилъ!

Г-жа Бретонвиль. Но зачѣмъ же оставлять свой домъ, хозяйство?... Стало, она чувствовала себя не такъ здоровою?

Мигрень. Ну, да... сказать вамъ правду, она скучала, жаловалась на головную боль... и я ужъ не зналъ, что ей прописать... и такъ какъ баньерскія воны отсюда не далеко, какихъ нибудь миль двадцать пять, то я самъ ей присовѣтовалъ провести тамъ лѣто.

Г-жа Бретонвиль. Все равно; я увольюсь, какъ ея мужъ... замолчите, я слышу его голодъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и Дежеберъ.

Дежеберъ, (выходитъ съ лѣвой стороны обращаясь лицомъ къ дверямъ). Смотрите; тumba у насъ неровно поставлена... драпри подвините немвожно повыше... такъ... хорошо. *(Подходя къ авансценѣ).* Здравствуйте, маменька... извините, докторъ, что заставилъ васъ дожидатся.

Мигрень. Ну что, ваше здоровье? все такъ-же хорошо?

Дежеберъ. О, что касается до здоровья... извините... *(обращаясь опять къ дверямъ).* Туалетъ ва-лѣво... а корзину съ цвѣтами въ уголъ, къ окошку!..

Мигрень. Какъ видно, вы меблируете новыя комнаты?

Дежоберъ. Я будуаръ моей жены отдаю запово... готовлю сюрпризъ къ ея пріѣзду... Извините... (обращаясь къ *Дверямъ*). Софу на-право, противъ пенше, а вазу на тумбу... тише, тише, да поскорѣе!

Г-жа Бретонвиль. Когда онъ занятъ женою,—онъ тутъ самъ не свой, ничего не видитъ и не слышитъ.

Дежоберъ. Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ, докторъ!

Мириень. Мы сейчасъ сказали, что вы намертвуетесь ѣхать за вашей супругой.

Дежоберъ. Точно такъ, любезный докторъ, и согласитесь, ужъ пора... я соскучился быть вдовцемъ... жена моя такая милая, живая, веселая... праву не знаю, какъ я могъ прожить безъ нея цѣлыхъ два мѣсяца!

Г-жа Бретонвиль. А ктожъ вамъ не велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нею?

Дежоберъ. Сердечко радъ-бы... да ей не хотѣлось... она боялась, что воды мнѣ повредятъ... вѣдь она такая добрая!

Мириень. Ангель!

Дежоберъ. А между-тѣмъ я воспользовался ея повзкою, и въ это время перелѣзалъ лѣвый флигель... ей давно хотѣлось его передѣлать... онъ казался ей слишкомъ мрачевъ, слишкомъ па готическую руку... я же охотникъ строить-ся.

Мириень. И хорошее дѣло... пѣскольку педѣль разлуки воспламенятъ супружескую нѣжность.

Дежоберъ. Для меня это совсѣмъ не пужно... я и безъ того люблю ее такъ, какъ можетъ быть ни одинъ мужъ не любить... и когда мы съ нею увидимся, почти ничего не будетъ не оставать къ моему счастью... я говорю почти, потому что у меня есть еще на сердцѣ повѣса племянникъ.

Г-жа Бретонвиль. Ужъ вы мнѣ съ своимъ племянникомъ...

Дежоберъ. Еслибъ, по крайности, онъ зналъ, что я женился...

Мириень. Какъ!.. а вы его еще не извѣстили?

Дежоберъ. Пѣтъ еще; онъ живетъ въ Парижѣ; мы во ста мѣсяцъ другъ отъ

друга; и я же, вы знаете, сыгралъ мою свадьбу въ тихомолку.

Г-жа Бретонвиль. Право, ей Богу, любезный зять, ваша слабость къ племяннику хоть кого взбѣситъ; перваго дяню вижу, который бонится, что племянникъ ставеть его бравити.

Дежоберъ. Чтожъ, когда я въ самомъ дѣлѣ страшусь его упрековъ. Онъ вправѣ упрекать меня, потому что я самъ себя упрекаю; и мое положеніе гораздо затруднительнѣе, чѣмъ вы думаете. Эрпесть единственныи сынь моей сестры, которая была чудесная женщина, но не имѣла никакого состоянія. Я какъ-будто еще вижу ее... она умирая взяла меня за руку и поручила мнѣ своего ребсика... я поклялся быть ему вторымъ отцемъ и сдѣлать его единственныи своимъ наследникомъ. Двадцать разъ я повторялъ мои клятвы, и въ письмахъ къ Эрпесту, и самому ему лично, когда онъ пріѣзжалъ со мною повидаться... Я имѣлъ твердое намѣреніе сдержать мое слово—и палобно же, чтобъ самъ чортъ меня попуталъ...

Г-жа Бретонвиль. Г. Дежоберъ!..

Дежоберъ. Нѣтъ, я не чортъ, извините... виновать... ну, да какъ же вы хотите, чтобъ я сказалъ племяннику:

«Племянникъ мой! ты думалъ, что и честенъ, что я къ тебѣ привязанъ, какъ отецъ,—Все это вздоръ, и будь же ты извѣстенъ... Что дядя твой обманщикъ и глупецъ... Онъ разорилъ племянника въ концѣ! Я далъ тебѣ мое честное слово, что будто я во вѣки не женись, И чтожъ? теперь къ тому ужъ все готово, что я дѣтми своимъ заведуся...»
—Нѣтъ!.. никогда я съ духомъ не сбегусь!—

Г-жа Бретонвиль. Однако... палобно-же будетъ этимъ кончить!

Дежоберъ. Да, со временемъ... мы увидимъ... а теперь я не въ силахъ... и даже не знаю, гдѣ онъ, и что съ нимъ сдѣлалось?

Г-жа Бретонвиль. Съ вашимъ племянникомъ?

Дежоберъ. Онъ меня очень безпокоитъ. Педѣль шесть тому назадъ я получилъ отъ него письмо; онъ писалъ, что ѣдетъ изъ Парижа ко мнѣ погостить.—Можете себѣ представить, какъ я испугался!..

пелъли двѣ мѣся лихорадка била... од-
накожь онъ не прѣбжалъ... и съ тѣхъ-
поръ я ничего объ немъ не слышу.

Г-жа Бретонвиль. Ну вотъ и пре-
красный случай записать въ нему нѣ-
сколько строчекъ о вашей женитбѣ.

Дежоберъ. Вы думаете?... но вѣдь это
ужасно огорчить его.

Г-жа Бретонвиль. Большая важность!
вы ужъ слишкомъ любите своего племян-
ника, г. Дежоберъ, и такое пристрастие
неприлично въ вашемъ положеніи... вы
ни въ чемъ ему не отказываете... расхо-
ды его выходить изъ границъ.

Дежоберъ. Еще бы я не высылалъ ему
депегъ! да онъ бы тогда самъ ко мнѣ прѣ-
ѣхалъ за ними.

Г-жа Бретонвиль. Вздоръ, пустяки!
Надобно отъ него избавиться!.. Письмо на
почту—и дѣло кончено.

Мигрень. Я съ этимъ согласенъ; ваше
спокойствіе этого требуютъ...

Дежоберъ. Вы все такъ думаете?

Г-жа Бретонвиль. А если вы опять
перелумаете,—я сама къ нему напишу.

Дежоберъ. Не сердитесь, маменька;
извольте я сдѣлаю по вашему.

Г-жа Бретонвиль. И сей-часъ же!

Дежоберъ. Сію мѣнуту.

Г-жа Бретонвиль. Ну, слава Богу...
между тѣмъ и съѣзжу къ г-ну Вермону...
Завтра онъ отправляется съ нами за
своею женою. Мы условимся въ кото-
ромъ часу ѣхать.

*Мигрень, (подавая руку г-жѣ Бретон-
виль).* Не прикажете ли васъ проводить?

Г-жа Бретонвиль. Очень вамъ бла-
годарна... Не забудьте же г. Дежоберъ...

Дежоберъ. Вы знаете, когда ужъ я что
обѣщаю... такъ это кончено.

Прощайте, господинъ Мигрень!

Я васъ съ визитомъ ожидаю:

Жена прѣдетъ, въ тотъ же день.

Я къ вамъ записку посылаю.

Мигрень.

И я явлюсь къ вамъ сейчасъ.

Г-жа Бретонвиль (Мигреню).

Вы въ нашемъ домѣ, какъ родные...

Дежоберъ, (Мигреню).

Вы самъ знаете: безъ васъ

У насъ не могутъ быть болыпе.

Прощайте, господинъ Мигрень! и проч.

Г-жа Бретонвиль.

Пойдемте, господинъ Мигрень,

и насъ такъ много уважаю,

Что въ нашемъ домѣ каждый день
Душею видѣть васъ желаю.

Мигрень.

Быть въ нашемъ домѣ каждый день
За честь себя я почитаю.

И какъ усерднѣйшій Мигрень
Душой здоровья вамъ желаю.

(Г-жа Бретонвиль и Мигрень уходятъ въ сре-
днюю дверь).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Дежоберъ, (одинъ). Нечего дѣлать...
надобно рѣшиться! (*Садится къ столу
и собирается писать.*) Проклятое пись-
мо!... не знаю, съ чего начать... Эрнестъ
добрый малой, но я увѣренъ что онъ
взбѣсится... и сверхъ того дядя... чело-
вѣкъ почтенный, долженъ приносить по-
винную племяннику... каяться, и, такъ
сказать, умолять о пощадѣ... Это чертов-
ски непріятно... Ну, да ужъ если тецѣ
такъ угодно... О, охъ! охъ!... охъ!...
(*пишетъ*). «Любезный мой племянникъ...
мой добрый, милый Эрнестъ...»

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дежоберъ, Жакъ, и потомъ Эрнестъ.

Жакъ, (въ среднихъ дверяхъ). Смѣю
вамъ доложить, сударь...

Дежоберъ. Мѣшаютъ... тѣмъ луч-
ше!—Ну, что ты, Жакъ?

Жакъ. Какой-то молодой господинъ
желаетъ васъ видѣть.

Дежоберъ, (вставая). Молодой госпо-
динъ... а не знаешь, кто?

Жакъ. Не могу знать—съ... онъ не хо-
телъ сказать своего имени... говоритъ,
что вамъhrenъ сюрпризъ вамъ сдѣлать.

Дежоберъ, (въ сторону). Ахъ, Боже
мой!... дрожь принимаетъ!

Жакъ. Прикажете принять?

Дежоберъ. Но... да... конечно... (*Жакъ
уходитъ*) Э! я напрасно безпокоюсь... не
можетъ быть, чтобъ... (*смотря въ се-
редній двери.*) Творецъ!... это онъ... Эр-
нестъ! ноги подкосились!...

Эрнестъ, (войдя, смотритъ на дядю.)
Извините, сударь... вѣрно вашъ слуга
ошибся... и желалъ видѣть г-на Дежо-
бера...

Дежоберъ, (оборачиваясь къ нему и протягивая руки.) Эрнестъ!... Племянникъ!...

Эрнестъ. Дядюшка!... (обнимаются.)

Дежоберъ. Какъ! ты не узналъ меня?..

Эрнестъ. Не узналъ! клянусь честью. Не узналъ!... и еслибъ вы, также какъ я, два года себя не видали, бьюсь объ закладъ, вы бы даже и сами сказали, что это не вы... Боже мой!... Боже мой!... какъ вы перемѣнились!

Дежоберъ, (испулавшись). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Эрнестъ. И я васъ поздравляю!... вы пополнѣли, разпрямылись, похорошѣли, помолодѣли... Рышительсво — переродились!

Дежоберъ. А!... такъ вотъ что!

Эрнестъ. То есть, если это еще продолжится, то чрезъ вѣсколько лѣтъ вы моложе меня будете.

Дежоберъ. Точно, что я, слава Богу, здоровъ... ну, а ты, мой другъ?... Какъ живешь да поживаешь?

Эрнестъ. Какъ нельзя лучше, дядюшка!... вотъ что значить остаться холостымъ; вы не знаете ни горя, ни заботъ!...

Дежоберъ, (въ сторону). Онъ не догадывается... отлегло отъ сердца. (Вслухъ) Ты, чай, усталъ съ дороги?

Эрнестъ. О нѣтъ, дядюшка!... А что больше-то всего меня удивило при первомъ взглядѣ, такъ это вашъ костюмъ... прежде вы, бывало, такъ просто одѣвались...

Дежоберъ. А знаешь ли, какъ я о тебѣ безпокоился?...

Эрнестъ. Добрый дядюшка!... Ну, право вы стали совсѣмъ нетиметръ! что за фракъ! что за прическа!... Ахъ. Господи!... да гдѣ же онъ? вы его обрѣзали?...

Дежоберъ. Что обрѣзали?

Эрнестъ. Пучекъ-то свой... вѣдь вы прежде пучекъ носили?

Дежоберъ. Онъ мѣшалъ мнѣ... все въ воротникъ запутывался.

Эрнестъ. Какое превращеніе!... Оlanкожъ, знаете ли что? прежде-то вы мнѣ больше нравились... теперь вы какъ будто не въ своей тарелкѣ.

Дежоберъ. Да будетъ ли тебѣ съ погъ до головы меня осматривать?

Эрнестъ. А почему-же, дядюшка...

Дайте мнѣ полюбоваться вѣсѣмъ, что я здѣсь вижу... Даже и комваты-то у васъ со вѣсѣмъ другія... прежде онѣ были такія темныя, скучныя... а теперь свѣтлыя и убраны со вкусомъ и роскошью... Право можно подумать, что здѣсь пролетѣла благодѣтельная волшебница!...

Бѣй Богу здѣсь теперь стоятъ
Чертоги знаменитой Фен!
Чудесный лѣсъ, чудесный садъ!
Пруды, фонтаны и аллеи!
Одна волшебница создала
Могла у васъ такіе выины...
И вы теперь ни дать, ни взять,
Второй Ринальдъ въ садахъ Аринди!..

Дежоберъ, (въ сторону). Надоелъ съ своими сравненіями!.. (вслухъ). Что-жъ дѣлать! я соскучился жить пустынникомъ... завелъ знакомство съ сосѣдями... все, знаешь, люди отличные, известные... ну, а чтобъ принять ихъ какъ слѣдуетъ, нельзя же...

Эрнестъ. Разумѣется... и прекрасно вы дѣлаете! Я вамъ сто разъ говорилъ, дядюшка, что вы не умѣете пользоваться своимъ богатствомъ; не жалѣйте денегъ, живите въ свое удовольствіе... что вамъ обо мнѣ заботиться? Я и тѣмъ буду доволенъ, что послѣ васъ остается.

Дежоберъ, (въ сторону). Бѣдвяжка! онъ безъ ножа меня рѣжетъ!...

Эрнестъ. Не говорю, чтобъ и презиралъ деньги... о нѣтъ! я человекъ откровенный и ни какъ не откажусь отъ хорошаго состоянія... но, благодаря Бога и васъ, я до сихъ поръ не зналъ ни въ чемъ недостатка... особливо въ этотъ годъ, въ эти полтора года... вы до того осыпали меня лудиорами, что я ужъ, не зная куда ихъ дѣвать, нарочно предпринялъ это маленькое путешествіе...

Дежоберъ, (въ сторону). А я еще думалъ этимъ удержать его, чтобъ онъ не ѣздилъ!

Эрнестъ. Позвольте табачку попохатъ, дядюшка?...

Дежоберъ. Табачку?.. ты табакъ похачаешь?

Эрнестъ. Изрѣдка... изъ чужой табакерки.

Дежоберъ. Дурная привычка... а бросилъ табакъ похатъ.

Эрнестъ. Вотъ еще новости!... пере-
мѣна за переѣмой! чудо да и только!

Дежоберъ. Ты вѣрно закусить хо-
чешь?... я сейчасъ позову Жака. (*Идетъ*
къ звонку).

Эрнестъ. Жака!... Это вѣрно одинъ
изъ нашихъ новыхъ слугъ?... Я въ пе-
редней видѣлъ ихъ цѣлую кучу... все
такіе молодцы — и въ ливреяхъ. А! кста-
ли... каково поживаетъ Гертруда, ваша
старинная эконожка, которая васъ такъ
любила?

Дежоберъ. Она ужъ слишкомъ стара
была!

Эрнестъ. Почти одинъхъ лѣтъ съ ва-
ми...

Дежоберъ. Я ее отпустилъ... на пен-
сію... только ты не говори объ этомъ...
это дѣлается Лотиховьку.

Эрнестъ. Какъ потиховьку?... развѣ вы
не самъ себѣ господинъ?... развѣ кто-ни-
будь имѣеть право?...

Дежоберъ. О! нѣтъ, никто не имѣеть
права... но, видишь ли что?... Злые язы-
ки могутъ подумать... Этогъ лѣвтяй
Жакъ все еще до сихъ поръ не прихо-
дитъ. (*Звонитъ еще сильнѣе; слышно*
нѣсколько колокольчиковъ.)

Эрнестъ. Перестаньте, дядюшка! не
серлитесь! пусть его! мнѣ такъ пріятно
съ вами бесѣдовать!

Жакъ, (входя). Что прикажете?

Дежоберъ. Тебя никогда не докличешь-
ся!.. Приготовить завтракъ какъ можно
скорѣе!

Жакъ. Сію минуту — съ. (*Уходитъ*).

Эрнестъ, (въ сторону). Что это онъ
такъ ужъ слишкомъ суетится?

Дежоберъ. А покажеться, другъ мой,
поговоримъ о твоихъ дѣлахъ... моя при-
вязанность къ тебѣ вѣдь не то, что мой
пучекъ, — она все одна и таже, и на сво-
емъ мѣстѣ. (*Указываетъ на сердце*). Я
сейчасъ хотѣлъ къ тебѣ письмо посла-
лать.

Эрнестъ. Неужели?

Дежоберъ. Да... я хотѣлъ узнать, что
съ тобою сдѣлалось... у меня сердце
было не на мѣстѣ... Шесть педѣль тому
назадъ ты писалъ, что ѣдешь къ мнѣ изъ
Парижа...

Эрнестъ. Я и поѣхалъ, да остановил-
ся на дорогѣ... со мной случилось рома-

ническое происшествіе... послѣ я вамъ
расскажу...

Дежоберъ. Приглянулась хорошепьякая
дамочка, что ли? а?

Эрнестъ. Прелестная лѣвушка!

Дежоберъ. Плутиска!.. Ну, чтожъ?
съ Богомъ! жевись, если хочешь.

Эрнестъ. Нѣтъ! покорми васъ благо-
дарю! зачѣмъ спѣшить, дядюшка?... въ
мой лѣта можно еще и такъ пожить.

Дежоберъ. А! злодѣй!

Эрнестъ.

Въ двадцать лѣтъ никому
Не должно торопиться.

Дежоберъ.

Знаю я, почему
Ты не хочешь жениться!..
Ты и тутъ точно такъ,
Коль смѣкнутъ дѣя повѣркп,
Любишь нюхать табакъ
Изъ чужой табакерки!..

Эрнестъ. Ахъ! еслибъ вы взглянули,
что за прелести! Она мнѣ сказала, что
ѣдетъ въ Парижъ... и я ни какъ не могъ
проѣхать мимо васъ безъ того, чтобъ съ
вами не повидаться... но еслибъ я смѣлъ,
дядюшка...

Дежоберъ. Говори! что такое?

Эрнестъ. Я, можетъ быть, васъ огор-
чу, дядюшка...

Дежоберъ. Ничего... не бойся...

Эрнестъ. Вотъ видите ли... я горю
отъ нетерпѣнія ояять съ ней встрѣтитъ-
ся, и прошу васъ: съблайте милость от-
пустите меня поскорѣе.

Дежоберъ. Когда тебѣ угодно, душа
моя! конечно, мнѣ бы было пріятнѣе,
еслибъ ты попольше остался со мною...
но если ужъ тебѣ нельзя...

Эрнестъ. Впрочемъ... это въ вашей
волѣ, дядюшка...

Дежоберъ. Что за церемонія!... хо-
чешь, выпче всеромѣ поѣзжай!

Эрнестъ. Завтра утромъ... позвольте?

Дежоберъ. И прекрасно! я забылъ те-
бѣ сказать, вѣдь завтра и мнѣ понадоби-
тъ ѣхать въ дорогу...

Эрнестъ. Къ Парижу?...

Дежоберъ. Нѣтъ, совсѣмъ къ другую
сторону.

Жакъ, (въ среднихъ дверяхъ). Завт-
ракъ подашь, сударь.

Дежоберъ. Поди-ка поѣшь... Извини, душа моя, что я не могу сдѣлать тебѣ компанію: я завтракаю гораздо раньше.

Эрнестъ. Безъ чиновъ, прошу васъ!

Дежоберъ. Жакъ!

Жакъ, (подходя). Чего изволите?

Дежоберъ. Послушай!.. *(Говоритъ ему на ухо.)* Понимаешь?

Жакъ. Понимаю... будьте покойны.

Дежоберъ. Эрнестъ!.. Жакъ тебя провадить.

Эрнестъ. Не худо бы... а то, благодаря вашимъ перестройкамъ, я, пожалуй, не доберусь до столовой.

Ужъ аппетитъ я чувствую давно;
Позавтракать на славу я намѣренъ!..
Что есть у васъ отличное вино,
Такъ въ этомъ я заранѣе увѣренъ.

Дежоберъ.

Ты про меня сказалъ для остроты,
Что будто я сталъ молодъ, это дѣло;
Но про мое вино не скажешь ты,
Чтобъ у меня оно помолодело...
Я за мое вино ручаюсь смѣло!

Эрнестъ.

Ну, право, вамъ лѣтъ двадцать съ плечъ слетѣло!..

Внѣстѣ.

(Эрнестъ уходитъ съ Жакомъ на право.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Дежоберъ, (одинъ). Уфъ, отдохну немножко!.. Двадцать разъ я боялся измѣнить себѣ... Какое счастье, что жены нѣтъ дома!.. Наконецъ онъ завтра уѣдетъ... а чрезъ нѣсколько дней я къ нему напишу. Сегодня-то ужъ какъ ни-будь выпутаюсь... Жакъ я велѣлъ молчать, а онъ скажетъ и другимъ слугамъ. Чтобы они держали язычекъ на привязи... Остаётся только предупредить тещу... какъ долго она засидѣлась у этого Вермона... но вотъ, кажется, она пріѣхала... *(Идетъ къ среднимъ дверямъ.)* Точно такъ... какія-то двѣ дамы съ нею... Боже!.. жена моя!.. Діана съ своею кузиной Аделаидой!.. Все конечно — я пропалъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дежоберъ, Г-жа Бретонвиль, Діана, Аделаида.

Аделаида и г-жа Бретонвиль (Дежоберу).

Вотъ вамъ одна, а вотъ другая...
Но вамъ нужна изъ насъ одна;
Такъ вотъ вамъ ваша дорогая
И неаглядная жена! *(Подводятъ къ нему Діану.)*

Дежоберъ.

Ужели я опять съ тобою?
Мой другъ, Діаночка-душа!
Счастливей нѣтъ меня судьбою...
Ахъ! какъ ты, ангель, хороша!
А безъ тебя я чрезвычайно
И дни и ночи тосковалъ... *(Цѣлуетъ ее и пугается.)*

(Въ сторону.)

Ахти!.. что, еслибы случайно
Теперь племянникъ насъ засталъ?..

Аделаида (Дежоберу).

Извольте смѣло цѣловаться;
На васъ я право не взгляну...

(Въ сторону.)

Хоть и люблю смотреть, признаться,
Когда цѣлуетъ мужъ жену.

Извольте смѣло цѣловаться, и проч.

Г-жа Бретонвиль (въ сторону).

Вотъ и со мной должно признаться,
Бывало тоже встарину...
Ей-ей нельзя не любоваться,
Когда цѣлуетъ мужъ жену!

Дежоберъ.

Ей Богу, трудно удержаться!
Простите мнѣ мою вину:
Какъ не хотѣть поцѣловаться,
Смотря на милую жену!..

Внѣстѣ.

Аделаида. Чтожъ, любезный братецъ?
А со мной - то вы и не хотите поздороваться?..

Дежоберъ. Здравствуй, Аделаидочка!

Г-жа Бретонвиль. Вообразите: только что я къ Вермону, гляжу, — онъ выходитъ изъ кареты!

Аделаида. Вы не ожидали насъ такъ скоро... вѣрно вы очень рады?

Дежоберъ. О, разумѣется... я въ такомъ восхищеніи... однакожъ вѣдь условлено было, что мы за вами пріедемъ.

Аделаида. Діана поспѣшила... соскучилась... сдѣлалась печальна, задумчива...

Дежоберъ. И въ самомъ дѣлѣ... я спер-

ва всего и не замѣтилъ!.. Что съ тобою? ты у меня была такая рѣзвушка.

Г-жа Бретонвиль. Горестъ разлуки съ мужемъ и матерью... не правда ли Діана?

Діана. Да, маменька... да, мой другъ... мнѣ хотѣлось васъ видѣть... быть вмѣстѣ съ вами... а притомъ я чувствую себя не очень здоровою.

Дежоберъ. Падобно сейчасъ послать за докторомъ...

Аделаида. О, не нужно... мы недавно съ нимъ встрѣтились, и онъ скоро самъ сюда прїѣдегъ... Его визитъ не пропадетъ.

Дежоберъ. Чтожъ за польза отъ этихъ водъ... когда отъ нихъ хворають?.. Такъ вы и не повеселились?

Аделаида. О, вѣтъ, сначала намъ было очень весело... каждый день балы, концерты, гулянья...

Дежоберъ, (смотря на дверь, куда ушелъ Эрнестъ). Тише!.. слышите? въ сосѣдней комнатѣ кажется кто-то ходить.

Г-жа Бретонвиль. Цѣтъ, ни кого вѣтъ.

Дежоберъ, (ободраясь). А!.. такъ вы были на балахъ, въ концертахъ?

Аделаида. Да, братецъ... премило: мы съ Діаной тамъ выдавали себя за богатыхъ невестъ.

Дежоберъ. Вотъ!.. не ужли и Діана тоже!..

Аделаида. Да... мы сговорились съ г-жею Вермонъ... и влюбво было видѣть, какъ всѣ за нами волочились... особливо за Діаной, потому что она всегда была лучше всѣхъ одѣта... мы часто помярали со смѣху, глядя на молодыхъ жениховъ, которые за нее сватались... ха! ха!..

Дежоберъ. Да... это преуморительно!..

Аделаида. Ужъ я ей сказала: ахъ, какъ жаль, кузина, что тебѣ вслѣзи въ другой разъ замужъ выгнати!

Г-жа Бретонвиль. Вы, сударыня, вѣтреница... и мнѣ теперь еще досаднѣе...

Аделаида. О, тетинька, повѣрьте, что мы не обращали никакого вниманія на этихъ господъ... Что до меня касается...

право ей Богу, только двое или трое мнѣ понравились.

Дежоберъ (въ волненіи). Слышите!... ну, ей-ей, кажется, кто-то дверь открылъ...

Г-жа Бретонвиль. Да что вы, въ бреду что ли?

Дежоберъ. Не шумите, маменька... у васъ такой громкій голосъ...

Г-жа Бретонвиль. Да скажите, что съ вами? вы на себя не похожи!

Дежоберъ. Это правда, что я ногъ полъ собой не чувствую!..

Г-жа Бретонвиль. Отъ чего - же?

Дежоберъ. Отъ чего?... отъ того, что онъ здѣсь... прїѣхалъ!

Діана. Кто, мой другъ, прїѣхалъ?

Дежоберъ. Племянникъ мой!

Г-жа Бретонвиль. Вашъ племянникъ?..

Аделаида. Наслѣдникъ вашъ, отъ котораго вы скрывали свою женитьбу?

Дежоберъ, (дѣлая ей знакъ молчанія). Тсс! онъ самый!.. Завтра онъ намѣренъ опять уѣхать, а я постараюсь, чтобъ онъ сегодня же отправился.

Г-жа Бретонвиль. И хорошо сдѣлаете... нашъ племянникъ вѣрно долженъ быть волокита... и еслибъ онъ здѣсь остался, то недолго до бѣды...

Дежоберъ. Ужъ очень недолго... и потому я прошу васъ не показываться, посидѣть у себя въ комнатахъ до вечера... это не очень долго.

Г-жа Бретонвиль. Я тоже думаю.

Аделаида. Ахъ, какая досада! Здѣсь въ домъ такъ скучно... такъ пусто... не встрѣтишь человеческого лица...

Г-жа Бретонвиль. Племянница!..

Аделаида. Вѣдь я это говорю не на вашъ счетъ, тетенька.

Діана (мужу). Не слушай ее, мой другъ... мы исполнимъ твое желаніе... Племяннику твоему не можетъ-быть пріятно меня видѣть... онъ сталъ бы смотрѣть на меня, какъ на своего врага... Я сама не хочу съ нимъ встрѣтиться!.. А сверхъ того твоя воля для меня законъ.

Дежоберъ. Какая добрая!.. какая милая!.. она поротилась... она опять со мною... и влюбво же чтобъ этотъ проклятый Эрнестъ...

Аделаида. Эрнестъ...

Диана. Эрнестъ!..

Дежоберъ. Да... его зовутъ Эрнестомъ... такъ вы всѣ три общаете мнѣ хривить тайву?

Аделаида, (въ сторону). Мнѣ бы однако жъ очень любопытно...

Дежоберъ. Извини, Диана, что я разстаюсь съ тобою... еще лучше будетъ, если вы спрячетесь въ павильонъ, въ саду... тамъ подалеже и понадежься.

Диана. Изволь, мой другъ... какъ тебѣ угодно.

Дежоберъ. Пройдите чрезъ ваши комнаты, чтобъ васъ не увидали. (*Дианѣ*)

Прощай, мой ангелъ, до свиданья!

О, верхъ тоски! о верхъ страданья!

Чтобъ вмѣстѣ быть съ тобою опять —

До вечера я долженъ ждать.

Г-жа Бретонвиль (*Дианѣ*.)

Пойдемъ, Диана, — до свиданья!

Коль хочешь мужъ, — его желанья

Должна ты свято исполнять,

Служить ему и угождать.

Аделаида (въ сторону.)

Прощайте, братецъ, до свиданья!

Однакожъ ваши приказанья

Я не беруся исполнять —

И постараюсь убѣжать!

Дежоберъ.

Не выпускать Аделаиду

Изъ павильона ни на шагъ!

Аделаида.

Не бойтесь, я сама не выйду...

(*Въ сторону.*)

Уйду у Аргуса въ глазахъ!

Дежоберъ.

Прощай, мой ангелъ, до свиданья, и проч.

Г-жа Бретонвиль.

Пойдемъ, Диана, до свиданья, и проч.

Аделаида.

Прощайте, братецъ, до свиданья и проч.

(*Всѣ три уходятъ на лѣво.*)

==

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дежоберъ, потомъ Эрнестъ.

Дежоберъ, (у дверей съ лѣвой стороны, смотря въ слѣдъ за женою). Боже! какая жалость!.. она никогда не была ко мнѣ такъ ласкова!.. прощай, ангелочикъ! прощай, дружочки!.. (*Посылаетъ ей вслѣдъ поцѣлуи.*)

Эрнестъ (входя съ правой стороны).

Что это, дялюшка!..

Дежоберъ, (поспѣшно затворяя дверь). А?... а что?

Эрнестъ. Вашъ поваръ — просто гений! совсѣмъ закармлилъ меня: что за рябчики!..

Дежоберъ, (въ сторону). Какъ онъ меня испугалъ!

Эрнестъ. Теперь, дялюшка, я готовъ обходить кругомъ ваши владѣнія... показывайте мнѣ всѣ свои продѣлки и перодѣлки... я вижу по глазамъ, что вамъ самимъ хочется доставить мнѣ это удовольствіе.

Дежоберъ, (въ сторону). Какъ бы мнѣ сейчасъ-же его спровадить?

Эрнестъ. Мы начнемъ съ сада, если вамъ угодно... мнѣ кажется, что вы тамъ новый павильонъ слѣбали?

Дежоберъ, (въ сторону). У него есть какой-то истинный терзатель меча! — (*Вслухъ*) Я бы душою ралъ, мой другъ, но мнѣ теперь право не до того...

Эрнестъ. Вы вѣрно чѣмъ нибудь разстроены?

Дежоберъ. Именво... и не знаю, какъ бы тебѣ это сказать?..

Эрнестъ. Неприятность получили?

Дежоберъ. Большую неприятность!..

(*въ сторону*) Нашелся!.. (*вслухъ*) Мнѣ сейчасъ письмо прислали изъ Парижа... пишутъ, что банкиръ, которому я далъ триста тысячъ фравковъ, того гляди обанкрутится...

Эрнестъ. Чортъ возьми!.. это досадно!

Дежоберъ. Главное, — на надо терять ни минуты... Ты можешь вообразить, что ерли чуть-чуть опоздаешь... А такъ какъ я думалъ, что для тебя все равно...

Эрнестъ. Вхать сегодня или завтра?.. О! въ такихъ обстоятельствахъ не откладываютъ... шутка сказать — триста тысячъ! я къ вашимъ услугамъ.

Дежоберъ. Вотъ добрый-то малой!.. я и не сомнѣвался въ твоёмъ усердіи... Сію минуту напишу тебѣ два слова и привесу нужныя бумаги... ты переговоришь съ моимъ корреспондентомъ.

Эрнестъ. Какъ скоро вы все приготовите, я тутъ же на почтовыхъ — и качай, сломь голову!

Дежоберъ. Ахъ, ты мой милый другъ... мой безцѣнный племянникъ!.. (въ сторону) Насилу отвязался!.. (вслухъ) Подожди!.. я мигомъ ворочусь. (Въ это время *Жакъ* входитъ въ среднюю дверь и идетъ въ комнаты на-лѣво, неся въ рукахъ картонъ, шаль и маленькой зонтикъ.)

Эристъ. Дядюшка!

Дежоберъ. Что?

Эристъ. Что это значить? вашу слуга несетъ тамъ шаль... дамскій зонтикъ...

Дежоберъ. (въ сторону). Какой дурачина этотъ Жакъ!

Жакъ. (остановясь). Чего изволите сударь?

Дежоберъ. Ничего... ничего... дошелъ! (*Жакъ* уходитъ).

Эристъ. Вы мнѣ не сказали, что у васъ здѣсь есть дамы.

Дежоберъ. Дамы!.. а! да, да... я и забывалъ... это посторонняя... сосѣдка... живетъ по сосѣдству... ѣдетъ въ Марсель...

Эристъ. А! въ Марсель ѣдетъ!.. да здѣсь, какъ видится, все путешествуютъ?...

Дежоберъ. Да!.. вотъ видишь - или дилижансъ то мимо меня поѣдетъ... такъ я и пригласилъ ее подождать въ моемъ домѣ.

Эристъ. Оно конечно, гораздо спокойнѣе!.. А что, дядюшка, она молоденькая?

Дежоберъ. Какой!.. лѣтъ ужъ около этакъ... а ты ужъ, чай, сей-часъ вообразилъ себя... охъ, ты!.. разбойникъ!.. прощай!.. я въ минуту. (*Уходитъ быстро въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Эристъ. (одинъ). Дядюшка, дядюшка!.. тутъ есть какая-то загадка... ой Богу онъ какъ будто бы старается меня выжить отсюда... И давеча еще онъ не слишкомъ упрашивалъ, чтобы я остался... и этотъ банкиръ, который тутъ какъ парочко обанкрутился... все это что-то очень похоже на тайну... съ перваго взгляда мнѣ ужъ было подозритель-

по... Старый домъ отдавая за-ново... дядюшка не нюхаетъ табаку... и смирять того эта роскошь... эта богатая мебель... Ба! я еще и не замѣтилъ этой штуки!.. (открываетъ дамскій рабочий стѣликъ) Что за странность! иглоки... шитье!.. Эге!.. стѣлой проказникъ!.. такъ вотъ что... на мѣсто Гертруды онъ занялся экономкою помоложе... попалъ въ когти къ какой-нибудь плутовкѣ... ужъ она-жъ его процѣдить!... Бѣдный, дядюшка!... ха! ха! ха!

Хоть грѣхъ шалить въ такія лѣта,
Но старика я не вино,
Лишь только бѣ экономка эта
Не забиралась къ намъ въ родню...
Межъ тѣмъ какъ онъ шалить отъ скуки,
Она, чай, грѣбить мастерски...
По пусть плутовка грѣшетъ руки,
Лишь не искала бы руки—
И не попасть мнѣ въ дураки!

Но гдѣ-жъ она скрывается?.. неужели онъ изъ ревности ко мнѣ ее спряталъ? Вотъ бы было забавно!...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Эристъ, и Аделаида.

Аделаида. (входя потихоньку въ среднюю дверь). Не могу удержаться... хоть однимъ глазкомъ взглянуть на этого племянника, который здѣсь на всѣхъ такой ужасъ наводитъ!

Эристъ. Ужъ я отищу же ее... весь домъ перешарю. (*Идетъ вонъ*.)

Аделаида. (встрѣваясь съ нимъ лицомъ къ лицу). Ахъ!

Эристъ. Что я вижу?...

Аделаида. Какъ, сударь! это вы?

Эристъ. Какъ! это вы, сударыня? вы знаете моего дядю Дежобера?

Аделаида. Вашего дядю? Вы племянникъ?

Эристъ. Какой счастливый случай!.. мнѣ надобно разспросить васъ о многомъ... Скажите, кто вта молодая особа, которая была съ вами на водахъ?.. ваша

кузина, кажется. Гдѣ она? вѣрно здѣсь съ вами?

Аделаида. Пѣтъ, сударь; вѣдь вы сами знаете... она сказывала вамъ, что ѣдетъ въ Парижъ.

Эрнестъ. Да, да... и вотъ все, что она хотѣла мнѣ сказать... Но вы, сударыня, какимъ образомъ знаете моего дялюшку?.. что вы, его родственница?.. вы не одиѣ сюда пріѣхали? Вы здѣсь пз-долго?..

Аделаида. Пѣтъ, сударь... пѣтъ... я здѣсь случайно... мимоходомъ...

Эрнестъ. Вы можете быть въ Марсель ѣдете?

Аделаида. Да-съ... вѣтъ-съ... позволите мнѣ васъ оставить.. если васъ увидитъ вмѣстѣ...

Эрнестъ. Что это значитъ?... опять тайна...

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе и Мирень.

Мирень, (входъ въ среднюю дверь.) А! здравствуйте, сударыня! честь имѣю васъ поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ... доложите обо мнѣ поскорѣе... Г-нъ Дежоберъ чрезвычайпо просилъ меня навѣстить свою супругу.

Эрнестъ. Супругу!...

Мирень. Да-съ... его супругу.

Аделаида (въ сторону). Побѣгу предостереечь тетиньку. *(Убѣгаетъ украдкой въ средніа дверь.)*

Эрнестъ. Дялюшка женился?..

Мирень, (въ сторону.) Боже!.. это племянникъ... я дуракъ!..

Эрнестъ. Это ужасно!.. Это варварство!.. жениться и скрыть отъ меня свою женитбу!.. Я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ могъ быть такимъ обманщикомъ.

Мирень, (въ сторону). Постараюсь его успокоить... *(вслухъ)* Позвольте, молодой человекъ, можетъ быть бѣда не такъ велика, какъ вы думаете...

Эрнестъ. Но какимъ образомъ онъ жѣнился?.. давно-ли? и на комъ?.. Вы, сударь, должны это знать... вы, кажется, другъ его?..

Мирень. Я, сударь, его докторъ.

Эрнестъ. Хотя это не одно и то же... пу, да все равно... кто подбилъ его слѣлать такую глупость?.. Самъ онъ никогда бы не рѣшился... вѣрно кто нибудь воспользовался его слабостію.

Мирень. Я, сударь, поставилъ себѣ за правило никогда не мѣшаться въ семейныя дѣла... Меня ждутъ большые... извините...

Эрнестъ. Ради Бога, скажите по крайней мѣрѣ, что это за женщина?.. Она здѣсь?.. могу ли я ее видѣть?

Мирень. Повторяю вамъ, сударь... но вотъ эта госпожа гораздо лучше вамъ объяснить...

Эрнестъ. Госпожа?.. *(г-жа Бретонвиль входитъ въ средніа дверь.)*

Мирень, (въ сторону). По мнѣ она какъ хочеть, такъ и отдѣлывается. *(Уходитъ на льво.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Эрнестъ и г-жа Бретонвиль.

Эрнестъ, (въ сторону). Ужъ неужели это въ самомъ дѣлѣ?.. точно, ово па то похоже!..

Г-жа Бретонвиль, (въ сторону). Онъ вѣрно бѣенся... по я его усмирю.

Эрнестъ. Сударыня... я сію минуту узналъ...

Г-жа Бретонвиль. Что вамъ дялюшка жевать?.. Точно такъ, сударь, и напрасно онъ въ этомъ перелѣ вамъ таитъ... мнѣ даже это очель странно, и если бы онъ послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, то ужъ давно бы васъ уведомилъ.

Эрнестъ, (въ сторону). Я напередъ угадалъ! это моя тетка!.. Докторъ правъ: бѣда не такъ велика, какъ я думалъ.

Г-жа Бретонвиль. Вашъ дялюшка васъ очель любитъ; и я надѣюсь, сударь, что вы ни словами, ни поступками не станете парушать счастья родственника, который такъ много добра для васъ сдѣлалъ.

Эрнестъ. О, конечно, сударыня.

Г-жа Бретонвиль. Въ противномъ случаѣ, сударь, я поступлю на своему... предупреждаю васъ.

Эрнестъ, (въ сторону). Какая ласковая тетушка!.. *(вслухъ)* Призвасю вамъ, сударыня, въ первые минуты я не могъ владѣть собою, и это очень естественно: я еще не звалъ, что этотъ бракъ такъ приличенъ во всѣхъ отношеніяхъ...

Г-жа Бретонвиль, (въ сторону). Что хочеть онъ сказать?

Эрнестъ. Я долженъ отдать полную справедливость дядюшкѣ... онъ выбралъ вамъ такую супругу, которая по своему уму, лѣтамъ и опытности...

Г-жа Бретонвиль (въ сторону). Шутить онъ, что ли?

Эрнестъ. И я съ своей стороны на-ѣмся также, что и вы не лишите меня дядюшкина расположенія... я даже льщусь надеждою заслужить и вашу благосклонность.

Хоть я немножко и дьялюсь,
Что вздумалъ дядюшка жениться,
Но съ вами мнѣ, я признаюсь,
Весьма пріятно породниться.
Отпынѣ матерью своею
Племянникъ вашъ васъ почитаетъ...

Г-жа Бретонвиль, (въ сторону).

Ахъ, Боже мой! да онъ злодѣй
Меня за тетку принимаетъ!!!!

Эрнестъ, (въ сторону). Бѣдный, несчастный дядюшка! онъ терпитъ наказаніе Господне!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и Дежоберъ.

Дежоберъ, (вбѣгая). Возьми, Эрнестъ, вотъ тебѣ письмо и документы... *(Оставляясь, въ сторону).* Божел.. теща!..

Эрнестъ, (протягиваетъ къ нему руку, съ сожалѣніемъ). Пожалуйте мнѣ вашу руку дядюшка... вашу руку.

Дежоберъ, (удивясь). Изволь, мой другъ, пзволь... по къ чему же этотъ жалостный голось?

Эрнестъ, (отводя его въ сторону). Я сейчасъ узпалъ о вашемъ приключеніи.

Дежоберъ, (шопотомъ). Омоемъ приключеніи?

Эрнестъ. Тсс!..

Г-жа Бретонвиль (въ сторону). Лишь

бы только Дежоберъ меня же изобличилъ...

Эрнестъ. Скажите, счастливы ли вы?.. Я спрашиваю у васъ по душѣ: счастливы ли вы?

Дежоберъ. Вотъ забавный вопросъ! ты знаешь, я никогда не вздыхаю... и чело-вѣку холостому...

Эрнестъ. Такъ... пу, а женатому?..

Дежоберъ, (испулавшись). Какъ, что ты говоришь?..

Эрнестъ. Я знаю все, дядюшка!

Дежоберъ, (въ сторону). Творецъ милосердый!.. О! старая колдунья теща!..

Эрнестъ. Не бойтесь моихъ упрековъ... партія довольно хорошая... грѣхъ осудить.

Дежоберъ, (съ радостію). Не правда ли?.. а между тѣмъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ говорятъ, что я ей не пара.

Эрнестъ. Оно таки я справедливо, если вы хотите... вы для нея немножко молоды.

Дежоберъ. Ты шутишь?

Г-жа Бретонвиль. О чемъ они тамъ толкуютъ?

Эрнестъ. Развѣ... прежде вы были съ нею знакомы?

Дежоберъ. Прежде?

Эрнестъ. Можеть статья, это у васъ старинная любовь?

Дежоберъ (въ сторону). Чортъ возьми, если я тутъ что вибуду понимаю!

Эрнестъ. Она, должно быть, очень не дурна была въ свое время... и если раз-смотреть ее попристалънѣе...

Дежоберъ. Да гдѣ же, откуда? *(Смотритъ во всѣ стороны).*

Эрнестъ. А вотъ такъ, въ профиль. *(Указываетъ ему на г-жу Бретонвиль.)* Есть черты въ ея фizioноміи...

Дежоберъ. Да... ла... у ней есть... *(въ сторону).* Я начинаю угадывать!..

Эрнестъ. Ну, право, дядюшка, вы давно съ нею дружили!.. Да скажите же ей, что вибуду,—вѣдь не ловко же, что мы все одни разговариваемъ!

Дежоберъ. Точно... точно... *(г-жа Бретонвиль.)* Кажется, ма... мо... я милая, что вы... что ты ужъ все рассказала племяннику?..

Г-жа Бретонвиль. Случай все от-крыль... я я долгомъ поставила не таить истины.

Дежоберъ, (въ сторону). Чудесная выдумка! *(вслухъ).* Ахъ, Эрнестъ, ты представить себѣ не можешь, какъ я счастливъ! Богъ мнѣ далъ не жену и тебѣ не тетку, а просто ангела! *(Цѣлуетъ руку у г-жи Бретонвиль.)*

Эрнестъ, (въ сторону). На здоровье! пусть восхищается.

Дежоберъ. Что жъ до тебя, мой другъ, ты не слишкомъ огорчайся этой сватьбой... видишь, жена моя ужъ въ такихъ лѣтахъ...

Г-жа Бретонвиль. Г. Дежоберъ!..

Дежоберъ, (ей тихо). Замолчите... это шутка.

Эрнестъ, (въ сторону). Какая любезность!

Дежоберъ. А на мой счетъ ты можешь быть покоенъ... у меня нѣтъ другихъ наследниковъ... да и не будетъ...

Г-жа Бретонвиль, (останавливая его.) Будутъ, сударь, будутъ!

Эрнестъ. Будутъ, дядюшка будутъ!

Г-жа Бретонвиль, (тихо Миреню.) Молчите!

Мирень, (въ сторону). А! это другоо дѣло... кажется, я опять накутилъ.

Дежоберъ. Докторъ хотѣлъ насъ попугать *(въ сторону.)* Бѣдная Діаночка! и мнѣ нельзя при ней быть!

Мирень. Во всякомъ случаѣ я опять заверну къ г-жѣ Дежоберъ; мнѣ нужно добраться до источника...

Дежоберъ. Хорошо... добирайтесь до источника... прѣзжайте обѣдать... вы увидите... у ней аппетитъ—я вамъ скажу!... а ты, племянникъ, можешь отправляться назалъ въ Парижъ... не безпокойся о теткѣ.

Эрнестъ. Такъ вы все еще хотите, чтобъ я бхаль?...

Дежоберъ. А баккиръ—то?... вѣдь ты знаешь, двѣсти тысячь франковъ не шутка.

Эрнестъ. Двѣсти?... вы сказали триста!

Дежоберъ. Триста?... ну такъ видишь ли еще больше надо торопиться... Вотъ письмо и бумага!...

Эрнестъ, (взявъ ихъ). Извольте, дядюшка... *(въ сторону)* Охъ! надувають!... Про молодую—то мамзель ни кто ни слова...

Дежоберъ (Эрнесту.) Твой чемодавъ тамъ, въ твоей комнатѣ.

Эрнестъ. Хорошо, дядюшка.

Г-жа Бретонвиль и Дежоберъ (въ сторону).

Шалуна мы въ дорогу
Отошлемъ какъ вибудъ...
Наконецъ, слава Богу,
Можно намъ отдохнуть!

Эрнестъ (въ сторону.)

Онъ спышитъ мнѣ дорогу
Показать какъ вибудъ...
Но меня, слава Богу,
Не легко обмануть!

Мирень (въ сторону).

Я бъ хотѣлъ ихъ тревогу
Разгадать какъ—вибудъ...
Мнѣ нельзя здѣсь, ей Богу,
Азыка повернуть!

Г-жа Бретонвиль, (Миреню тихо).
Все дѣло кончилось со славой.
Вотъ я вамъ расскажу его.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе п Мирень.

Мирень (въ сторону). Они вмѣстѣ... вѣрно ужъ объяснились.

Дежоберъ (въ сторону). Вотъ чортъ привнесъ доктора!

Мирень. Я васъ искалъ, г. Дежоберъ... я долженъ вамъ сказать, что, судя по вѣкоримъ признакамъ, супруга ваша не совсѣмъ-то хороша...

Дежоберъ (въ сторону). Ахъ, Боже мой!

Мирень. Не могу еще рѣшить, что у ней такое... а есть что-то такое...

Г-жа Бретонвиль. Вы съ ума сошли докторъ, развѣ можно съ перваго взгляда не догадаться, что я совершенно здорова?

Мирень. Вы, сударыня?

Дежоберъ. Разумется; посмотрите... цвѣтъ лица, свѣжесть...

Мирень. Оно такъ... но позвольте...

Мигрень.

Весьма умно... а то я, право,
Не понимаю ничего.

Дежоберъ, (Эрнесту, подавая
шляпу).

Тебя, чай, грустно разставаться?

Эрнестъ.

Чтожь дѣлать, если нужно такъ.
(Въ сторону)

Меня падутъ вамъ не удасть:
Я вамъ достался не дуракъ!

Г-жа Бретонвиль и Дежоберъ (въ сторону);
Шалуна мы въ дорогу, и проч.

Эрнестъ (въ сторону).

Овъ спышитъ мнѣ дорогу и проч.

Мигрень (въ сторону).

Я бь хотѣлъ ихъ тревогу, и проч.

(Г-жа Бретонвиль съ докторомъ ухо-
дятъ въ среднюю дверь, а Эрнестъ на
право.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дежоберъ, потомъ Діана.

Дежоберъ. Слава Богу!.. И въ другой
разъ вышлѣ изъ хлопотъ!.. Но бѣдна
Діаночка!.. она безъ сомнѣнн ждетъ ме-
ня... что, если я... пока племянникъ въ
своей комватѣ... страшно!.. ну, да ужь,
такъ и быть!.. (Подходитъ къ дверлямъ
на льво.)

Діана, (входя съ осторожностію).
Вы одни, мой другъ?

Дежоберъ. Это ты, моя мнлочка!..
какъ, мой ангельчикъ!.. ты рисковала
притти сюда, чтобы со мною повидѣться?..

Діана. Мнѣ вужно съ вами погово-
рить... Увѣрены ли вы, что насъ здѣсь
не заставутъ?

Дежоберъ. Племянникъ тамъ, у себя,
приготавливается въ дорогу.

Діана. Овъ уязжаетъ?... Ахъ, тмъ
лучше!...

Дежоберъ. Ты въ такомъ волненіи...

Діана. Овъ знаетъ о вашей жевильтѣ!
Аделаида мнѣ сказала... что овъ хотѣлъ
меня видѣть.

Дежоберъ. Цѣтъ... тебѣ цикогда не

придеть въ голову... Пресмѣнная ошиб-
ка!.. овъ твою мамсильку пришилъ за же-
ну мою!... ха! ха!

Діана, (равнодушно). А!... право!

Дежоберъ. Комедія, не правда-ли?...
Бѣднѣшка!... мнѣ однакожь совѣство его
обмапывать до такой степени!... Но я ска-
жу вину свою тогда какъ овъ женится...
а это скоро будетъ.

Діана. Вы думаете?...

Дежоберъ. Да... овъ мнѣ кой въ чемъ
признался...

Діана, (съ живостію). Признался?...
въ чемъ? скажите, сдѣлайте милость.

Дежоберъ. О! такъ... это еще ни то,
ни сѣ... овъ влюблевъ въ одну молодую
особу... которую надѣется оиыгъ встрѣ-
тить въ Парижѣ... Но что съ тобой? ты
какъ-буто оиѣмѣла... а я думалъ, что
ты развеселишься.

Діана. Вы знаете... мое здоровье...
докторъ, конечно, ужь вамъ сказалъ...

Дежоберъ. Докторъ можетъ и соп-
рать... на мои глаза ты теперь еще луч-
ше стала... у тебѣ такіа розовенькіа губ-
ки... (Беретъ ее за руку.)

Діана. Полно, мой другъ!... ну, ес-
ли вашъ племянникъ ..

Дежоберъ. Ужь ты больше, чѣмъ я,
его боишься!

Діана. Признаюсь, ло тѣхъ поръ, по-
ка овъ отъ насъ не уидеть...

Дежоберъ. Оставь свой страхъ... по-
будь хоть минутку со мною. (Указываетъ
ей на софу.)

Вдвоемъ со мною посиди!

Діана, (въ сторону.)

Бѣла, когда мужья пристанутъ!

Дежоберъ.

Душа! прижмись въ мой грдан!..

Не бойся, здѣсь насъ не застанутъ...

Когда я на тебѣ смотрю,

Когда тебѣ я обниваю:

Я самъ не спой, я несъ порю—

И все на свѣтъ забываю!..

ЯВЛЕНІЕ XV.

Прежніе и Аделаида.

Аделаида, (вбѣгая въ среднія двери.)
Братецъ!.. г. Дежоберь!

Дежоберь, (въ сторону.) Вотъ те-
перь сестрица!.. чортъ побори эту род-
ню!

Аделаида. Діана зѣсь?

Дежоберь. Ну, зѣсь! что вамъ уго-
до? зачѣмъ пожаловали?

Аделаида. Я убѣжала отъ вашего
племянника; я гуляла по саду... онъ
увидаль меня изъ окна...

Дежоберь. О, вертунка!.. не поси-
лять на мѣсть!.. зачѣмъ выходила?..
ведь я говорилъ... побѣгу поскорѣ!..

Аделаида. Какъ-бы онъ не погнался
за мной сюда!..

Дежоберь. Спрячьтесь обѣ опять въ
павильонъ и не выходите оттуда.

Аделаида. Не заставьте васъ про-
бить тамъ до завтра.

Дежоберь. Я вамъ скажу, когда онъ
уйдетъ... да послушайте, чтобъ не бѣ-
гать понапрасну, и позволю въ колоколь-
чикъ, (указываетъ на тесьму что на
стѣнѣ) и это будетъ сигналомъ...
Проклятый племянникъ! до тѣхъ поръ
не отоиду отъ него, пока не посажу въ
колодезь.

Пока злосить не буду вамъ,
Вы тамъ сидите—и ни съ мѣста!
Самъ лѣшій по моимъ грѣхамъ
Прилесь проклятаго Эрнеста!
Скажите, добрые мужья,
За что я самъ себя дурачу?
Иной полумаетъ, что я
Свою любовницу зѣсь прячу!..

Дежоберь.

Пока злосить не буду вамъ,
Вы тамъ сидите—и ни съ мѣста! и проч.
Діана и Аделаида.
До той поры, пока вы намъ
Не позволите—мы ни съ мѣста,
Повѣрите намъ, въ угодность вамъ
Мы не уйдимъ изъ-подъ ареста.

(*Дежоберь уходитъ въ среднія двери.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Діана и Аделаида.

Діана. Уйдемъ отсюда, Аделаида.

Аделаида. Зачѣмъ? зѣсь бояться не-
его... а для его сюда не пустить.

Діана. Напрасно ты показывалась.

Аделаида. Да вѣдь скучно цѣлый день
сидѣть подъ арестомъ... а притомъ я
право не могу понять, почему непре-
мѣнно хотять выжить отсюда этого
молодаго человѣка?..

Діана. Такъ мужу моему угодно?

Аделаида. Ты ему сказала, что мы съ
нимъ познакомились на воладь?

Діана. Нѣтъ... и ты, сдѣлай милость,
никому не говори... даешь ли мнѣ сло-
во?

Аделаида. Да къ чему же? напротивъ,
можетъ быть, тогда бы онъ съ нами
остался... и я была бы очень рада... тебѣ
сказать... онъ мнѣ очень нравится...

Діана. А! ты завята имъ?

Аделаида. Чрезвычайно.. и, сколько
я замѣтила пзъ его глазъ, то и онъ,
кажется... а сверхъ того, вотъ видишь
ли, я тебѣ скажу еще одно важное
обстоятельство.

Когда со мной онъ танцовалъ,

Онъ все фигуры забывалъ.

Издъ нимъ въ то время я смѣялась,

А втайнѣ этимъ восхищалась.

Оно должно быть, точно-такъ,

И это самый добрый знакъ!..

Кто слыхкомъ сильной страстью дышетъ,
Тотъ подъ собою ногъ не слышитъ!

Діана. Но можетъ-быть ты ошибаешь-
ся...

Аделаида. Я знаю, что онъ и за то-
бой немвожко полочился!.. но онъ тан-
цовалъ съ тобою, какъ съ моей вози-
ной... Впрочемъ, останется онъ, или
уйдетъ, тебѣ-то все равно: ты ужъ за-
мужемъ... а для меня большая разница...
поживи онъ съ вами... мало что мо-
жетъ случиться!..

Діана. Ради Бога, Аделаида, выбрось
изъ головы эту мысль.

Аделаида. Огчего же?

Діана. Оттого, что она пессбыточ-

на... Этот молодой человекъ тебя не стоитъ...

Аделаида. Ужъ это мое дѣло.

Диана. Вспомни, что онъ уѣзжаетъ... черезъ часъ онъ ужъ будетъ далеко отсюда... и можетъ стать никогда къ намъ...

Аделаида, (увидя Эрнеста.) Боже! это онъ!..

Диана, (вскрикнувъ.) Ахъ!..

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Прежніе и Эрнестъ.

Эрнестъ, (Дианѣ). Что я вижу!.. вы здѣсь?.. а! вы объ меня обманули!

Аделаида. Гдѣ же г. Дежоберъ?

Эрнестъ. Не бойтесь ничего... я заперъ его въ моей комнатѣ.

Аделаида. Ха! ха! ха!.. онъ подъ арестомъ!

Диана. Пойдемъ, Аделаида... уйдемъ поскорѣй къ себѣ...

Эрнестъ, (останавливая). Нѣтъ, ужъ въ другой-то разъ вы отъ меня не уйдете... не пушу!.. Я думалъ, что вы въ Парижъ, и вдругъ васъ здѣсь встречаю... къ чему такая таинственность?.. съ какою цѣлью?.. вы должны мнѣ это объяснить.

Диана. Какъ, судары! вы хотите?..

Эрнестъ. Да, сударыня! я хочу знать и узнаю!

Аделаида. Въдъ этакой злой!.. Ну что ему за дѣло, скажите пожалуйста!

Диана. Ради Бога, Аделаида, бѣги, освободи поскорѣе г. Дежобера... я не должна терпѣть, чтобъ...

Аделаида. Право?.. ты боишься, что онъ соскучится?..

Эрнестъ. Да, сударыня, ради Бога, подите, выпустите бѣднаго дядюшку... я самъ не смѣю... онъ вѣрно ужасно разсердился...

Аделаида. Если уже вы оба этого хотите... иду.

Эрнестъ, (въ сторону). А ключъ-то у меца!

Аделаида, (въ сторону). Странно!.. нажется, я какъ будто здѣсь лишняя... (вслухъ,) Иду!.. иду!.. (Уходитъ въ среднія двери.)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Эрнестъ и Диана.

Эрнестъ. Мы одни!.. теперь вы мнѣ будете отвѣчать... теперь вы мнѣ скажете...

Диана. А если я не могу?.. Богомъ васъ прошу, сударь... оставьте меня!.. Для моего спокойствія, для моего счастья не узнавайте отъ меня ничего, и ни у кого не спрашивайте... даже и не встрѣчайтесь со мною!

Эрнестъ. Вы хотите лишить меня блаженства васъ видѣть!.. За что же?.. Развѣ вы сомнѣваетесь въ моихъ чувствахъ?.. Успокойтесь... родные ваши безъ сомнѣвія знакомы съ моимъ дядею... я во всемъ ему признаюсь... скажу ему про нашу любовь...

Диана, (съ жаромъ). Ахъ, судары!.. стало, вы хотите меня погубить!..

Эрнестъ. Васъ погубить?

Диана. Ни слова ему не говорите!.. онъ же васъ такъ любитъ... а меня обожаетъ!..

Эрнестъ. Обожаетъ?.. А по какимъ отношеніямъ?

Диана. По какимъ-бы то ни было, но моя судьба отъ него зависитъ, и онъ такъ добръ, такъ великодушенъ!.. О! нѣтъ, нѣтъ!.. онъ никогда не узнаетъ, или я не переживу этого!

Эрнестъ. Что я слышу... что же общаго между имъ и вами?

Диана. Не спрашивайте, говорю я вамъ, и страшитесь разгадать эту тайну!.. Эрнестъ, умоляю васъ!.. Если вы еще хоть сколько-нибудь дорожите мною, сію минуту уѣзжайте!.. Я больше не должна съ вами видѣться... и чтобъ ужъ это было въ послѣдній разъ!..

Эриестъ. Въ послѣдній разѣ!..

Диана. Да, это мой долгъ... прощайте! прощайте!.. (*Быстро уходитъ на лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Эриестъ, (одинъ). Она бѣжитъ отъ меня!.. что за дьяволицина!.. не добыюсь толку!.. Между ними есть отпопелія!.. Ахъ, Боже мой!.. такъ точно!.. Эта пѣжная къ нему привязанность... страхъ огорчить его... Конечно!.. это его дочь!..

ЯВЛЕНІЕ XX.

Эриестъ и Мирень.

Мирень, (входитъ въ среднія двери и какъ будто шепчетъ кому-то). Бѣда! племянникъ!.. Уйду поскорѣ!

Эриестъ, (увидя его и схвативъ за руку). Позвольте, г. докторъ... само небо васъ посылаетъ.

Мирень. Нѣтъ, сударь, не небо, а аппетитъ... я спѣшилъ къ обѣду... Но гдѣ же г. Дежоберъ?.. я вездѣ его ищу.

Эриестъ. Вы съ нимъ давно друзья, докторъ?

Мирень. Да ужъ болѣе десяти лѣтъ.

Эриестъ. Прекрасно! лучше насъ мнѣ никого не найти... и я надюсь, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ одолженіе....

Мирень. Вы нездоровы?.. Это отъ перемѣны воздуха... позвольте пульсъ...

Эриестъ. Нѣтъ, докторъ... послѣ, послѣ... это еще не уйдетъ... а теперь я прошу васъ хлопотать за меня у дялюшки.

Мирень. Государь мой! я поставилъ себя за правило никогда не мѣшаться...

Эриестъ. Знаю! вы ужъ мнѣ говорили... по это дѣло самое простое, законное... я знаю все, сударь... и знаю, отъ чего мой дялюшка женился... прежде я его осуждалъ, а теперь хвалю. Онъ долженъ былъ заглянуть своей проступокъ... но передо мною онъ все таки випо-

вать... и есть одно только средство удовлетворить меня.

Мирень. Какое-же, сударь?

Эриестъ. Пусть онъ отдастъ за меня дочь свою.

Мирень, (остолбеневъ). Что-съ?.. я не разлышалъ.

Эриестъ. Прекрасно, докторъ... въ заговорѣ, и я отъ васъ не хочу ничего вывѣдывать... я васъ прошу только... уговорить дялюшку, чтобъ онъ отдалъ за меня свою дочь.

Мирень. Дочь!.. какую дочь?..

Эриестъ. А развѣ у него ихъ нѣсколько?

Мирень. Нѣсколько?.. хоть убей—не понимаю!

Эриестъ. Самъ я не могу на это рѣшиться, потому что тогда бы мнѣ пришлось напомнить дялюшкѣ его слабость... заблужденіе молодости... я не хочу заставить его краснѣть передъ племянникомъ... ну, а вы, какъ старинный его пріятель...

Мирень. Какъ! такъ вы стало быть навѣрно знаете?... (*въ сторону*). А чтожъ? быть можетъ!

Эриестъ. Дайте ему почувствовать, что эта свадьба все поправитъ! все устроитъ! онъ выполнитъ чрезъ то свои обязанности въ отношеніи къ дочери и сдержитъ свое слово, въ отношеніи ко мнѣ.

Мирень. А вы, конечно, намѣрены поселиться гдѣ нибудь здѣсь по сосѣдству?

Эриестъ. Я думаю.

Мирень, (въ сторону). Еще практика!

Эриестъ. Вы только сдѣлайте предложеніе... а ужъ послѣ, пожалуй, я самъ всѣхъ уговорю.

Мирень, (въ сторону). Боже мой! что скажетъ г-жа Дежоберъ?..

Дежоберъ, (за кулисами). Варваръ племянникъ! во всю жизнь ему не прощусь...

Эриестъ. Вотъ онъ на меня кричить... кто-нибудь его выпустилъ... я васъ съ нимъ оставляю.

Мирень. Позвольте на минуточку...

Эриестъ. Бѣгу! (*Убѣгаетъ на-право*).

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Мигрень Дежоберъ и г-жа Бретонвиль.

Мирень. Этотъ молодой человекъ такой живчикъ!.. а я ничего и не зналъ... видно мнѣ сказать не хотѣли...

Дежоберъ, (выходя изъ дверей съ левой стороны впереди г-жи Бретонвиль). Гдѣ онъ? гдѣ?.. его нѣтъ?

Г-жа Бретонвиль. Запереть дяню!.. хорошо еще, что у меня былъ другой ключъ!

Дежоберъ. Неужели онъ ухалъ и не далъ мнѣ себя разбранить?.. Вотъ бы прекрасно было!

Мирень. Нѣтъ... нѣтъ!.. онъ здѣсь покуда... сейчасъ лишь отъ меня ушелъ.

Дежоберъ. А онъ говорилъ съ вами?

Мигрень. Да, говорилъ... и даже я къ вамъ имѣю отъ него очень важное порученіе.

Дежоберъ. Порученіе?.. опять мученіе?

Мигрень. Но я не знаю, можно ли мнѣ при г-жѣ Бретонвиль?..

Г-жа Бретонвиль. Какъ, тайны у дяни съ племянникомъ!.. Только этого не доставало!

Дежоберъ. Успокойтесь, маменька... а вы, докторъ, неужели скромничать станете?

Мирень. Правду сказать... я не думаю, чтобъ вы какъ честный и благородный человекъ, женись, могли скрыть такое тонкое, серьезное обстоятельство.

Дежоберъ. Серьезное обстоятельство? Нѣтъ, вы это говорите серьезно или съ тѣмъ, чтобы меня испугать?

Г-жа Бретонвиль. Объяснитесь, докторъ.

Мирень. Когда такъ, — въ двухъ словахъ расскажу все дѣло... Вашъ племянникъ, сударь, просить у васъ руку вашей дочери.

Г-жа Бретонвиль. Его дочери!.. Ахъ! вотъ чего я и страшилась!

Дежоберъ. Моей дочери?.. что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ?

Г-жа Бретонвиль. Творецъ небесный!.. Ахъ! какой срамъ! какой ужасъ... что будетъ съ моей Дяною!..

Дежоберъ. Но послушайте, докторъ, что вы мнѣ тутъ за ахинею городите?

Мигрень, (г-жѣ Бретонвиль). Какъ, сударыня! а вы этого и не знали?

Г-жа Бретонвиль. Нѣтъ, докторъ... онъ меня обманулъ... обманулъ дочь мою... о верхъ безстыдства!..

Мирень. Эхъ, г. Дежоберъ!... г. Дежоберъ!..

Дежоберъ. И вы туда-же, г. Мигрень!.. да чтожъ такое въ самомъ дѣлѣ?.. Это просто адъ, мука кромечная!

Мирень. Повѣрьте, сударыня, я даже этого и не подозрѣвалъ... иначе я никогда бы не согласился сдѣлать вамъ предложеніе...

Г-жа Бретонвиль, (плача). Бѣдная Дяна!.. несчастная жертва!..

Дежоберъ, (переходя). Несчастная!

Г-жа Бретонвиль. Давно ужъ я понимала, что вы такое... но я не буду вашей игрушкой... есть законы, есть суды!..

Дежоберъ. Но позвольте же, маменька!..

Г-жа Бретонвиль. Молчите, коварный обольститель!..

Дежоберъ. Но вѣдь наконецъ я могу вытти изъ терпѣнія!..

Мигрень. Г. Дежоберъ... Такія вещи непростительны.

Дежоберъ. Ну васъ къ чорту, докторъ!..

Г-жа Бретонвиль. Вы старый развратникъ!

Дежоберъ. А вы старая дура!

Г-жа Бретонвиль. Докторъ, докторъ, помогите!... со мной сейчасъ будетъ истерика!..

ДЕЖОБЕРЪ.

Ахъ! что за страданье!
Что за наказанье!
Адское созданье!
Мочи нѣтъ терпѣть!
Проклять я судьбою!
Легче съ сатаною,
Чѣмъ съ старухой злою
Дѣло намъ имѣть!

Г-жа БРЕТОНВИЛЬ.

Ахъ! что за страданье!
Что за наказанье!
Адское созданье!
Силы нѣтъ терпѣть!

Надо быть съ такою
Низкою душою,
Чтобъ со мной, вдовою,
Сдѣлать это смѣть!

Мигрень.
За мое старанье
Вотъ мнѣ воздаянье!
Тщетно оправданье
Хочетъ опъ имѣть.
Надо быть съ такою
Низкою душою,
Чтобъ съ ней, вдовою,
Сдѣлать это смѣть!

Мигрень, (Дежоберу).

Всему есть мѣра...

Разсудокъ данъ...

Дежоберъ, (г-жа Бретонвиль).

Змѣя, Мегера!

Г-жа Бретонвиль, (Дежоберу).

Злодѣй! тиранъ!

Мигрень, (г-жа Бретонвиль).

Хоть вы склонитесь

На миръ, къ добру...

Ну! обнимитесь!

Г-жа Бретонвиль.

Скорѣй умру!...

Дежоберъ.

Ахъ! что за страданье! и проч.

Г-жа Бретонвиль.

Ахъ! что за страданье! и проч.

Мигрень.

За мое старанье, и проч.

==

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Прежніе и Эрнестъ.

Эрнестъ (встрѣтился съ докторомъ
при входѣ). Ну что, докторъ?

Мигрень. Милостивый государь! из-
вольте сами говорить... Я поставилъ
себѣ за правило никогда не мѣшаться...
Мое вамъ почтеніе. (Уходитъ на льво).

Дежоберъ (тихо, г-жа Бретон-
виль). Племянникъ!.. хоть при немъ-то
будете потише, сударыня!...

Эрнестъ. Дядюшка! видно докторъ
вамъ обо мнѣ не говорилъ?

Дежоберъ. Говорилъ, сударь, гово-
рилъ... говорилъ... вы своими проказами
сдѣлали то, что я чуть-было къ чер-
тямъ на дно не отправился... Прошу
покорно! выдумалъ сказать этому бол-
туну, доктору, что у меня есть дочь, а
тотъ слурю сейчасъ же сталъ ее сва-

тать...и при комъ-же? при моей доброй,
милой подругѣ, которая ужъ почти гото-
ва была рассердиться.

Эрнестъ. Мнѣ бы, можетъ быть, на-
до было сперва (указывая на г-жу
Бретонвиль) отнестись къ вамъ съ моею
просьбою?

Г-жа Бретонвиль. Ко мнѣ, сударь?

Эрнестъ. Натурально... развѣ я не
знаю, что вы ей мать?

Г-жа Бретонвиль, (не въ силахъ бо-
лье удержаться). Правосудный Боже!
(Дежоберу). Видите, сударь, до чего вы
меня довели!...

Дежоберъ. Съ ума сойдешь, ей-Богу!

Эрнестъ. Можетъ-быть, вы думаете,
что моя любовь одня только капризъ и
началась лишь съ нынѣшняго дня? вѣтъ,
дядюшка,—молодая особа, о которой я
вамъ давеча говорилъ,—это она, это ва-
ша дочь... я съ нею встрѣтился на Бань-
ерскихъ водахъ.

Г-жа Бретонвиль. На Баньерскихъ
водахъ?

Дежоберъ. А! а! на Баньерскихъ во-
дахъ!

Эрнестъ. Да, дядюшка; и я не знаю,
почему она мнѣ сказала, что тлетъ въ
Парижъ... судите же о моемъ посхище-
ніи, когда я вашель ее здѣсь... я не
зналъ, что она дочь ваша, да ужъ по-
слѣ изъ ея словъ догадался, не смотря
на страхъ, который ею овладѣлъ при
видѣ племянника... вѣрно вы строго за-
претили ей показываться на мои глаза.

Дежоберъ. Правда, правда.

Г-жа Бретонвиль, (въ сторону). Не-
ужели это моя племянница?

Дежоберъ (въ сторону). Это вертуш-
ка кузина.

Эрнестъ. Кажется, что вы и весь домъ
настроили, и даже ея кухню, которую я
тоже здѣсь встрѣтилъ... премиленькая
барышня... признаюсь, на водахъ-то сва-
чала я за обими ухаживалъ...

Дежоберъ. А! ты и за другой-то во-
лочился?

Эрнестъ. Но истинно любилъ только
одну... и надюсь теперь ничто не мѣ-
шаетъ вамъ сдѣлать мое счастье.

Дежоберъ. Да, послѣ, когда ты опять
пріѣдешь.

Эрнестъ. Нѣтъ, нѣтъ, дялюшка... сейчасъ мнѣ отвѣтъ скажите!

Дежоберъ (*указывая на Г-жу Бретонвиль.*) Да чтожъ, мой другъ! проси жену мою.

Г-жа Бретонвиль. Я думаю, что прежде не худо бы посоветоваться...

Эрнестъ. Съ вашею дочерью? Это правда... Впрочемъ мнѣ было бы пріятнѣе... Вотъ видите ли, можетъ-быть, это ребячество... Но только вы представите себѣ не можете ея ужасъ, когда я ей сказала, что буду просить ея руки у дялюшки.

Г-жа Бретонвиль (*въ сторону.*) О, Боже! неужели я ошибаюсь?..

Дежоберъ (*въ сторону.*) Странно! Не понимаю, почему бы Аделаидъ...

Эрнестъ. Вѣроятно, вы ужъ слишкомъ строги?.. Я подозреваю, что вы ее тираните неможно... Изъ ея обращеній на водахъ, я это замѣтилъ не одинъ разъ.

Какъ скоро я въ избыткѣ чувства
Ей намекалъ на счетъ замужства, —
Она бывало вниогда
Не скажетъ мнѣ—ни нѣтъ, ни да.
Другую это предложеніе
Должно привести бы ея восхищеніе,
Она жъ, бывало отъ него
Вдохнетъ—и больше ничего!..

Г-жа Бретонвиль (*въ сторону.*) Я сама не своя! о мученіе!

Дежоберъ (*въ раздулы.*) Ей-Богу, я не постигаю...

Г-жа Бретонвиль. Послѣ того, что сказали, сударь... я рѣшилась... нѣтъ моего согласія.

Дежоберъ (*въ сторону.*) Она не соглашается!

Эрнестъ. Вспомните, сударыня, что мое, а можетъ-быть и ея счастье, отъ васъ зависитъ; она меня любитъ, я это точно знаю.

Дежоберъ. Какъ! Развѣ ты каждый день видѣлся съ этой молодой особой?.. Ты бывалъ у нихъ?

Эрнестъ. Нѣтъ... сперва она отъ меня улаживала, не хотѣла меня принимать... и эта жестокость приводила меня въ отчаяніе... одакожъ наконецъ...

Дежоберъ. Ну, что наконецъ?

Эрнестъ. Въ одинъ вечеръ... на балѣ... она согласилась итти со мною въ садъ,—и тамъ я получилъ признаніе...

Г-жа Бретонвиль, (*въ сторону.*) Какъ-бы помѣшать этому разговору?

Дежоберъ (*въ волненіи.*) Еще одно слово... ты не сказала, которая же эта изъ двухъ кузинъ...

Г-жа Бретонвиль (*стараясь замѣть рѣчь.*) Полноте! кажется, что ужъ довольно, сударь... этотъ разговоръ вамъ въ тягость... вы разстроены...

Дежоберъ. Ничего, ничего... оставьте меня въ покоѣ.

Эрнестъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, дялюшка... вы въ лицѣ измѣнились.

Дежоберъ. Но вѣдь ужъ вѣрно же, ты знаешь какъ ихъ зовутъ... отвѣчай, говорятъ тебѣ!

Г-жа Бретонвиль. Вы блѣднѣете... я воды велю подать. (*Възвѣститъ къ колокольчику и зоветъ изъ всей силы.*)

Дежоберъ. Постойте, сударыня!.. (*въ сторону.*) Ужъ поздно! онъ сей-часъ придутъ.

Эрнестъ, (*въ сторону.*) Въ какомъ онъ волненіи!

Дежоберъ. Ея имя!.. ея имя!.. ради Бога, ея имя!..

Эрнестъ. Но, дялюшка... что съ вами слѣлалось?.. отчего такое безпокойство?

Дежоберъ (*схвативъ его за руку.*) Ея имя, злодей!..

Эрнестъ. Боже мой!.. дялюшка!.. да вотъ вамъ она сама!.. (*въ это время Аделаида и Діана показываются въ среднихъ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Прежніе, Аделаида и Діана.

Г-жа Бретонвиль (*Аделаидѣ.*) Походите, сударыня.

Аделаида. Чего изволите?

Діана (*въ сторону.*) Онъ все еще здѣсь!

Аделаида. Что это? какъ вы сердитесь, смотрите.

Г-жа Бретонвиль. И мы имѣемъ полное право на васъ сердиться, сударыня... но теперь уже не время напоминать вамъ про вашу вину...

Дежоберъ. Нѣтъ... нѣтъ... я хочу формально дознаться.

Г-жа Бретонвиль. Помилуйте, судары!

Дежоберъ. Позвольте... у меня есть на то свои причины... Да, сударыня, скажите... мы оба васъ спрашиваемъ... какъ вы вели себя на водахъ?

Эрнестъ (въ сторону.) Да что жъ оны?... оны не ту спрашиваютъ.

Аделаида. Какъ я себя вела?... то есть, что я дѣлала.

Дежоберъ. Да-съ!

Аделаида. Какъ что?... тавцовала... не правда ли, Діана?

Діана (въ сторону.) Я дрожу!..

Эрнестъ. Но я долженъ вамъ сказать, дядюшка...

Г-жа Бретонвиль (перебивая ея съ намъреньемъ.) Молчите, сударь... не трудитесь ее защищать и оправдывать!

Аделаида. Меня оправдывать? въ чемъ?..

Дежоберъ. А не припомните ли вы... на одномъ балѣ... ночную прогулку... въ саду?..

Діана (въ сторону.) О, Боже!

Эрнестъ (въ сторону, поглядывая на Діану.) Какое подозрѣніе!..

Аделаида. Ночную прогулку... въ саду?... ты не помнишь, Діана?

Дежоберъ. Увертки прочь, сударыня!.. племянникъ мнѣ все рассказалъ!..

Діана (въ сторону.) Оны!..

Аделаида. Вы г. Эрнестъ?... я не смѣю называть васъ лжецомъ... но развѣ я какъ-нибудь забыла... у Діаны, можетъ быть, память лучше моей...

Дежоберъ. Ну, Діана! если уже ничего нельзя добиться отъ твоей кузины... говори хоть ты... Ты не знаешь ли?

Г-жа Бретонвиль (въ сторону.) Умереть можно!

Дежоберъ. Ты не отвѣчаешь?..

Діана. Но...

Аделаида. Ну, чтожъ ты не отвѣчаешь твоему мужу?

Эрнестъ (пораженный.) Ея мужу!!!

Аделаида. Боже!.. что я сказала!..

Г-жа Бретонвиль, (въ сторону.) Давно пора!..

Эрнестъ, (въ сторону.) Поправлю дѣло. *(Вслухъ)* Дядюшка! къ чему ихъ спрашивать!.. Они ничего не знаютъ объ этомъ приключеніи... а еслибъ и знали, то вѣрно изъ любви къ своей кузинѣ сами не стали бы вамъ рассказывать...

Г-жа Бретонвиль. Оны говорятъ совершенно справедливо.

Эрнестъ, (Аделаидѣ.) Что-жъ касается до васъ, сударыня, я вамъ не советую продолжать притворства... дядюшка вамъ объявилъ... я сей-часъ имѣлъ нескромность открыть нашу взаимную привязанность... и свиданіе...

Аделаида (удивясь.) Вотъ это мило!..

Эрнестъ. О! это непростительно съ моей стороны, согласенъ... но, право, вы гораздо лучше съзнаете, если будете откровенны... *(тихо)* Не говорите, что я лгу, я на васъ женюсь.

Аделаида. Быть не можетъ!..

Эрнестъ. Да, моя милая Аделаида... только одно чистосердечное признаніе можетъ позволить намъ надѣяться...

Аделаида. Ужъ не во снѣ ли я?..

Дежоберъ (развеселясь.) Такъ это правда Аделаида?... Племянникъ тебя любитъ?... вы влюблены другъ-въ-друга?..

Эрнестъ (тихо Аделаидѣ.) Скажите — да!

Аделаида (въ замышательствѣ.) Но... послушайте, братецъ... иногда чего и не ожидаешь... а смотришь—оно и случится...

Діана (въ сторону.) Она подтверждаетъ!..

Дежоберъ. Такъ это ты на балѣ ввечеру прогуливалась съ нимъ по саду?

Эрнестъ, (тихо.) Ради Бога!

Аделаида. Позвольте... кажется... да, да... точно!.. вотъ теперь я вспомнила!..

Дежоберъ. Смотри, какая плутовка!.. а вѣдь сначала какъ-будто ничего и не понимаетъ!..

Аделаида. Увѣрю васъ, что на моемъ мѣстѣ всякой сдѣлалъ бы точно тоже...

Дежоберъ. Ну, ну!.. оставимъ!.. А ты, Діапочка, душечка... простишь-ли меня?..

Диана. За что, мой другъ?..

Дежоберъ. Ничего, ничего... (въ сторону) Слава Богу, что моя жена не въ племянникову.

Г-жа Бретонвилъ (въ сторону.) Наконецъ... отдыхаю!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Прежніе и Мигрень.

Мигрень. Я пришелъ вамъ сказать, что супъ полавъ.

Дежоберъ. Пожалуйте сюда, докторъ, тутъ свадьбу затѣваютъ, а вы и звать не знаете!

Мигрень. И такъ вы помирились... и между вами все улажено?

Дежоберъ. Племянникъ женится на Аделаидѣ.

Мигрень. Вотъ!.. пари держу, что онъ ее привалъ за вашу дочь!..

Дежоберъ. Ахъ, бѣдный Эрнестъ!.. сколько я тебя неприятностей надѣлалъ!..

Эрнестъ. Помилуйте, дядюшка!.. я больше виноватъ передъ вами!

Дежоберъ. Руку!.. вотъ тебѣ сто тысячъ франковъ на свадьбу!

Эрнестъ. Ахъ, дядюшка!

Аделаида. Ахъ, дядюшка!

Дежоберъ. И если вы хотите остаться жить съ нами, то домы у меня просторный... да и салъ... есть гдѣ пройтись-ся... а?... ха! ха! ха! (*Дианѣ*). Какъ ты думаешь, мой ангелочикъ?..

Эрнестъ. Нѣтъ, дядюшка, покорно васъ благодарю... я поеду опять въ Парижъ съ моей женою... мнѣ столица больше нравится.

Аделаида (смотря въ глаза Эрнесту.) Да... намъ столица больше нравится.

Мигрень, (въ сторону.) Досадно... практика изъ рукъ ушла.

Дежоберъ (*Эрнесту*.) Ну, мой другъ, такъ ты не жалуешься?.. ты доволенъ?

Эрнестъ. Какъ нельзя довольнѣе, дядюшка. (*Въ сторону*) Это была тетюшка!!!

Дежоберъ. Ну! если всѣ довольны... пойдемте обѣдать... или вѣтъ, погодите... я хочу взять смѣлость пригласить къ себѣ еще дорогихъ гостей.

Ко мнѣ вы знаете дорогу,
Вамъ буду радъ я отъ души!
А блюда у меня, ей-Богу,
Бываютъ очень хороши!
Хоть поваръ иногда, конечно,
Немножко и пересолитъ...
За то ужъ какъ онъ радъ сердечно,
Когда на вкусъ вашъ угодитъ!..

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ТЕАТРА.

Май, Июнь.

Убийца своей жены, вод. въ 2-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ франц. Волки въ овчарнѣ, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, пер. съ франц. Роза и Картушь, водевилъ П. Федорова. Новый Отелло, комедія въ одномъ дѣйствіи Я. Фейгина. Судъ Пузырки, фантастическій водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ г. Куликова. Въ людяхъ ангелъ не жеваетъ, дома съ мужемъ сатана, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго Д. Ленскимъ. 17 и 30 лѣтъ, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ П. Федорова. Представленіе французскаго водевиля въ русской провинціи, водевилъ, переводъ съ французскаго. Креоль и Креолка, драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ франц. Купцы, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Яковъ Шишмогиль, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ франц. Э. Дершау. А. Г. Синичкинъ и М. А. Губнянъ, водевилъ, соч. Ровбе.

Прекрасное не долговѣчно на землѣ.

Нелѣпости въ литературномъ мѣрѣ бываютъ трехъ родовъ. Къ первому роду относятся сочиненія совершенно лишенные смысла; ко второму сочиненія, которыхъ смыслъ вывороченъ наизнанку; къ третьему сочиненія, въ которыхъ кой-гдѣ проглядываетъ смыслъ, но слишкомъ слабо и блѣдно, такъ что при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ онъ можетъ опрокинуться и превратиться въ совершенную бессмыслицу. Водевилъ *Убийца своей жены*, заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ упомянутыхъ разрядовъ и въ особенности послѣдняго. Содержаніе его сшито слишкомъ непадежно и основано на *золотомъ зарядѣ*, котораго никогда бы не было, еслибъ родственница героя пьесы не положила въ его бюро пистолета, забытаго ею дядю. А зачѣмъ она положила его туда? Спросите у нея самой, или у автора пьесы, или у переводчика ея, который таковой мастеръ впадать въ уста своихъ героевъ поразительно-остроумные ответы, отъ которыхъ руки опускаются и въ бровяхъ лѣзаетъ судорожное подергиваніе. Я могъ бы представить вамъ еще тысячу доказательствъ неоспоримыхъ красотъ *Убийцы своей жены*, но я уже слышу неистовый вой «*Волковъ въ Овчарнѣ*»: они громко требуютъ суда и рѣшенія. А вотъ и еще кто-то... Ахъ, что я вижу? Предо мной *Новый Отелло*... бѣдняжка! какъ онъ старъ, какъ онъ блѣденъ! Не мудрено! Онъ былъ новъ, бодръ и свежъ въ концѣ прошлаго

вѣка, когда его давали въ Парижѣ; пятнадцатъ лѣтъ назадъ опъ былъ тоже не очень старъ, потому что чья-то искусная рука подновила его и поставила на пѣтербургскую сцену. Нотеперь... О, Боже мой! И намъ выдаютъ его за новаго! Отелло, Отелло! Не о тебѣ ли, предвидя твою настоящую судьбу, сказалъ твой двоюродный братъ Гамлетъ:

Страшно, страшно,
За челоуѣка страшно мнѣ!

Но вѣтъ, онъ не братъ тебѣ, онъ братъ соимяннику твоему великому созданио Шекспира! А ты, ты чадо г. Я. Я. Фейгина и К^о. Ты создание двухъ вѣковъ, для совершеваго паденія котораго достаточно было одного вечера. Ты палъ, палъ какъ *Волки въ Овчарнѣ*, и можетъ быть еще ужаснѣе! Что дѣлать!

Прекрасное не долговѣчно на землѣ!

Отъ звѣрей въ родѣ Отелло и волковъ въ овчарнѣ, перейдемъ къ животному болѣе мирному, — къ собакамъ. Собаки обыкновенно бѣсятся лѣтомъ. Люди бѣсятся во всѣ времена года. Оттого и бываетъ такъ много водевилей на свѣтѣ. Неукуси Картушъ г. Мардашова, овъ бы женился на своей любезной — и дѣлу конецъ. Вышло иначе: Мардашовъ со злости прибилъ Картуша, а невѣста его за то раскапризничалась и сказала, что она никогда не будетъ принадлежать ему. Господинъ Мардашовъ ясно видитъ, что капризница болѣе любить свою собаку, чѣмъ его, но онъ не отчаявается: онъ надѣется угодливостію и добротою заставить предпочесть себя ненавистному Картушу, съ которымъ у него война непрерывная. Соперники другъ друга вполнѣ достойны! Наповѣрку выходитъ, что капризница не любитъ ни собаки, ни Мардашова, а влюблена въ молодого франта, который, при извѣстныхъ условіяхъ, доказалъ ей, посредствомъ завялой розы, что любовь къ ней еще свѣжа въ его сердцѣ. Они женятся. Господинъ Мардашовъ и собака остаются съ во-

сомъ. Нравоученіе: *До сватъбы любимую собаку своей невѣсты непременно носи на рукахъ; за то, когда женишься, на другой же день можешь перешибить ей ноги!* Водевилъ не совсѣмъ-то удачный, и какъ видите,

Отвѣдно длинный, длинный длинный,
Нравоучительный и чинный!

Безепись г. Куликова начался тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчиваются другіе спектакли, т. е. судомъ публики; но что это за судъ? Что это за публика? — Опа, изволите видѣть, будто бы въ дружбѣ со здравымъ смысломъ; судить и ридить, произносить приговоры журналамъ и газетамъ, предлагающимъ ей услуги свои, и осуждаетъ на пропалую, павшія въ продолженіе года піесы. И до дѣламъ имъ, зачѣмъ онѣ пали! Оя... какъ бы вы думали? со всѣми возможными вздорами и нелѣпостями, присуждаетъ и Коріолона, превосходное созданіе Шекспира, къ вѣчному заточенію, въ театральную бібліотеку. Конечно Коріоланъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился на нашей сценѣ и потомъ въ Репертуаръ г. Песоцкаго, дѣйствительно слишкомъ далекъ отъ шекспировскаго, и ясное всего доказываетъ до какой степени и самое великое созданіе можетъ быть искажено, — но автору «Суда» хоть изъ уваженія къ гению Шекспира не должно бы было ставить его піесы на ряду съ лучшими произведеніями расейскаго гевія. Тѣмъ болѣе, что Коріоланъ и въ искаженномъ видѣ со всѣмъ не упалъ на нашей сценѣ, а имѣлъ значительный успѣхъ. Совсѣмъ тѣмъ піеса г. Куликова не такъ дурна, какъ овъ ней отзываются, и могла бы имѣть успѣхъ, еслибъ имѣла какое-нибудь содержаніе, и если бы за обработываніе ея взялась рука болѣе знакомая съ закулиснымъ вашей литературы.

Перейдемъ къ комедіи: *Въ людяхъ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана.* Первое дѣйствіе на балѣ.

Тутъ мы узнаемъ, что у г-жи Трефиной дочь Надежда Васильевна, за мужемъ за Славскимъ и что она ангелъ, а не жена, что счастливецъ Славскаго, быть не можетъ; но этотъ мужъ не постыдился рѣшительно предложить своему ангелу собираться домой, въ половинѣ бала; тогда, какъ она не ватаповалась еще; тогда, какъ было ей весело... о варварь! О, вандаля! не правда ли, что это ужасная минута? Войдите въ ея положеніе! что бы, читательница, вы сдѣлали на ея мѣстѣ? а она... она скрыла все, что у ней было на душѣ и съ кротостію истинно ангельскою, хоть со слезами на глазахъ, покорила воль своего тирана. Какъ же тутъ не воскликнуть вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами; это ангелъ, а не жена! — Второе дѣйствіе въ квартирѣ Славскаго; тутъ кроткая овечка превращается въ тигриду; постороннихъ никого нѣтъ, зачѣмъ протворяться? Шумить, кричать, бранить супруга своего, за вчерашній тиранской его поступокъ съ нею. Входитъ Размазня, и Надежда Васильевна опять дѣлается ангеломъ; лишь только Размазня за дверь, она опять становится дьяволомъ. Славскій хотѣлъ бы быть хоть въ половику столько счастливымъ, какъ объ немъ говорятъ въ свѣтѣ. Но онъ рѣшительно страдаетъ, стараясь исправить характеръ Надежды Васильевны и перенося съ притворнымъ хладнокровіемъ ея капризы, брань и злобу. Онъ запрещаетъ ей принимать у себя въ домѣ вдову писательницу Небосклонову, и самъ утѣшаетъ по дѣламъ; а Небосклонова и Прындикъ, глупый франтъ, являются къ женѣ его вовсе безъ дѣла. Они между прочимъ предлагаютъ ей ѣхать въ Италію, чему Надежда Васильевна очень рада. Приходитъ Славскій, жена ему открываетъ свое намѣреніе, но онъ рѣшительно не соглашается, прогоняетъ Небосклонову и Прындика, и еще болѣе выводитъ изъ себя Надежду Васильевну, такъ что она выходитъ изъ границъ и даетъ мужу пощечину! О, прекрасная

Надежда Васильевна, какъ вы злы! Что послѣ этого остается дѣлать, какъ не развѣхаться?

—Третье дѣйствіе на дачѣ. Тутъ Славская опять перестаетъ быть дьяволомъ, но ужъ не притворно, а по собственному убѣжденію: она разкаивается въ дурныхъ поступкахъ своихъ, противъ мужа, — до чего доводитъ онъ ее благородствомъ своего характера и тѣмъ, что всѣ ея капризы и недостатки она приняла на себя; она обѣщается быть доброю женою и водевилъ оканчивается благополучно.

Піеса эта могла бы быть гораздо лучше, еслибы была не такъ длинна и если бы въ ней не было разсыпано выражений, къ которымъ не привыкла петербургская публика. Что это за *Размазня*, ну скажите на милость, въ какомъ порядочномъ обществѣ найдете вы человѣка съ подобною фамилію, не въ утѣдномъ какомъ нибудь городишкѣ — а въ столицѣ, въ Петербургѣ? Что это за дама высшаго тона, которая желая сострить или по какой другой причинѣ, называетъ своего гостя «кислою размазней». И что это за человѣкъ высшаго круга, который, приглашая своего гостя играть въ карты, говоритъ ему: «вась ожидаютъ палки!»

17 и 50 лѣтъ, комедія П. С. Федорова, выполнена очень удачно, въ ней есть характеры, комическія положенія лицъ и острые куплеты; словомъ всѣ элементы хорошаго водевиля. Если бы было по больше такихъ піесъ, то посѣщать Александринскій театръ можно бы было съ удовольствіемъ.

Представленіе французскаго водевиля съ русской провинціи, шутка водевиля. Въ этомъ фарсѣ мы не видали водевиля. О содержаніи піесы и не спрашивайте, мудрево до него обратиться.

Креоль и Креолка, не заключающа въ себѣ ни идеи, ни характеровъ, имѣетъ нѣсколько эффектныхъ сценъ; но она не въ состояніи выкупить недостатковъ дѣ-

лаго. Вот видите въ чемъ дѣло. Первое дѣйствіе въ Гаврѣ, въ домѣ Генриха Жерель, начинается его свадьбою, о которой хлопочетъ другъ его Дестиле; Генрихъ нисколько не любитъ невесты своей Сесиліи, а женится по расчету, отъ того, что она богата, а онъ промотался совсѣмъ. Едва только успѣли подписать контрактъ, является креолка Зилія, въ которую Генрихъ былъ влюбленъ и когда-то спасъ отъ смерти ея мать; вѣдь и Генрихъ также креоль, родомъ изъ Мартиники; свой своему по неволѣ другъ! Извѣстіе о женитьбѣ Генриха сильно поражаетъ бѣдную Зилію, онъ сравниваетъ эту милую и простодушную дѣвушку съ втреной кокеткой Сесиліей; а комисіонеръ его Францъ открываетъ ему, что отецъ его невесты разорился; вотъ нашъ женихъ было и прочь, какъ вдругъ батюшка Сесиліи призжаетъ; Генрихъ узнаетъ, что онъ все еще по прежнему богатъ и женится сейчасъ ужъ окончательно. Что дѣло—такъ дѣло; онъ малый-то, какъ видите, съ расчетомъ: любовь любовью—а богатство богатствомъ. Возвращаясь съ своею супругою послѣ обряда, онъ видитъ Креолку безъ чувствъ упавшую на полъ. Запавъсь опускается. Такимъ образомъ вы видите, что Креолка еще въ первомъ актѣ *упала*, посмотримъ что будетъ съ Креоломъ. Во второмъ актѣ мы узнаемъ, что отецъ Зиліи умеръ и оставилъ ей богатое наследство, что Францъ въ нее влюбленъ и хочетъ на ней жепиться, а она влюблена все еще въ Генриха и служить горничною у жены его. Генрихъ по возвращеніи изъ Парижа узнаетъ, что жена, во время его отсутствія вела развѣшную жизнь, безпрестанно развѣзжала по баламъ и дурно обращалась съ Зилією; въ тоже время узнаетъ, что заплачены его огромные долги, но кто ихъ заплатилъ, не можетъ постигнуть; а заплатила-то ихъ Зилія. Видя что она груститъ, Генрихъ хочетъ составить ея счастье, думаетъ, что она

любить Франца, но объяснившись съ нею — узнаетъ, что она любитъ его и рѣшается бросить жену, и ухачъ съ Зилією. Онъ приказываетъ ей приготовиться къ отплытію на корабль; но Сесилія открываетъ мужу, что у нея подъ сарцемъ залогъ ихъ любви. Новая бѣда! Что дѣлать? Какъ оставить жену въ такомъ положеніи? Прибѣгаетъ Зилія съ корабля и объявляетъ, что все готово къ ихъ отплытію. Тутъ Генрихъ рѣшительно становится въ тупикъ. На что рѣшиться? Онъ бѣдный въ недоумѣніи, какъ почтмейстеръ Гоголя при распечатываніи письма; одинъ голосъ шептываетъ ему на ухо—ухажай; а на другое—не ухажай. Наконецъ въ изступленіи, кричитъ онъ: вѣдь, вѣдь... въ Мартинику! Входитъ Сесилія и Дестиле, а Генрихъ приходитъ въ себя, Зилія ухажаетъ, онъ остается. А лучше бы и ему ухачъ въ Мартинику, можетъ быть его приторная сентиментальность тамъ бы поправилась.

Яковъ Шишиморинъ, водевилъ О. К. Дершау. У богатаго лорда Кларендона есть двое сыновей, т. е. какъ бы вамъ сказать они... они сыновья любви, о которыхъ благородный лордъ совсѣмъ было забылъ, да ужъ на старости лѣтъ припомнилъ и давай ихъ отыскивать по бѣлому свѣту; онъ призжаетъ въ Петербургъ, куда воля переводчика приводитъ ихъ всѣхъ и находитъ, что Яковъ, тотъ изъ сыновей, котораго онъ всѣхъ ревностнѣе отыскивалъ, сынъ Бланки, болѣе всѣхъ имъ любимой, лѣтъ 20 назадъ былъ найдець, и усыновленъ портнымъ, за Знаменскимъ мостомъ, Шишиморинымъ, самъ сдѣлался также портнымъ и принялъ ту же фамилію. Эти свѣдѣнія доставляетъ лорду докторъ Вилькенъ, черезъ дѣвушку Бетти, живущую въ квартирѣ Якова, на которой портной хочетъ жепиться, да все не смѣетъ съ нею объясниться. Благородный лордъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать? Какъ признать портнаго,

необразованнаго ремесленника, единственнымъ наследникомъ своего графства и богатства?—Докторъ убѣждаетъ его. Лордъ колеблется. Докторъ открываетъ наконецъ, что онъ родной братъ обольщенной лордомъ Бланки и является предъ нимъ грознымъ мстителемъ. Лордъ принужденъ согласиться; онъ приказываетъ позвать Якова, а Яковъ ужь давно дожидается, вмѣстѣ съ Эдуардомъ; о которомъ я было забылъ замъ сказать. Онъ изволисте видѣть, хотя никогда не видалъ своихъ родителей, по знаетъ, что онъ сынъ знатнаго чловѣка; а Яковъ о своемъ происхожденіи ничего не подозреваетъ; пришелъ онъ къ лорду по приказанію доктора и привелъ съ собою Эдуарда, которой скрываясь въ его квартирѣ отъ долговъ, Яковъ увидѣвъ лорда торопится снимать съ него мѣрку, а лордъ объявляетъ ему, что онъ его сынъ и заключаетъ его въ свои отцовскія объятія. Яковъ долго не вѣритъ, наконецъ высморгавъ прежде носъ, съ чувствомъ обнимаетъ отца и вскрикиваетъ «папешка, папешка!» — Докторъ также открываетъ ему, что онъ его дядя.— Яковъ и его обнимаетъ съ восклицаніями: дядишка, милый дядишка!—Послѣ столь сильныхъ восторговъ отецъ скзываетъ Якову, что нашелъ для него въ Лондонѣ богатую невѣсту; это очень не правится Якову, потому что ота невѣста различаетъ его съ Бетти. Прибѣгаетъ Эдуардъ и упрекаетъ Якова, что онъ присвоилъ себѣ его права. Водевиль оканчивается тѣмъ, что Яковъ уступаетъ все наследство Эдуарду; а самъ остается по прежнему портнымъ и жевится на Бетти. Вотъ два куплета:

Хоть я живу на Лиговскомъ Каналѣ,
Но въ мастерствѣ другимъ не уступлю;
Прославленъ я во всемъ своемъ кварталѣ,
Я свой кварталъ какъ родину люблю,
Я за собой не вѣдаю порока
И чести я своей не омрачилъ:
Я въ срокъ всегда, а часто и до срока
Въ цѣхъ за себя все подаю платилъ.

Иголка ваится пзъ рукъ,
Я вамъваю петля крию,
Не гладить правильно утюгъ
И рѣзуть пожинцы фальшиво;
Какъ быть, чѣмъ горю пособить?
Какъ ни начну—все не клеится...
Мнѣ легче въ часъ сто фраковъ спать,
Чѣмъ въ мѣсяцъ съ Бетти объясниться.

Теперь о водевилѣ *Купцы*. Въ которомъ городѣ, жилъ былъ старикъ со старухой, Егоръ Трофимычъ Лизоблюдовъ съ Степанидой Карповной; у нихъ не было сыновей, а была дочь Маша. Родители желая устроить судьбу ея, хотая выдать замужъ за пегербургскаго купчика, съ Апраксина двора, Праходкина; но Маша за него нтти не хочетъ, а любить она Рудкова, сироту находящагося въ опеку у ея отца, въ прикащикахъ. При сватаньи Праходкина, Лизоблюдовъ объявляетъ жешку, что даетъ за дочьрью въ приданое домъ тысячь въ 30, по что онъ еще не совѣтъ его, а Покула еще Рудкова, котораго отецъ былъ ему самому благодѣтелемъ и умирая поручилъ ему сына; а теперь онъ хочетъ оттягать у него послѣднее имущество. Вотъ добрал душа! Онъ объявляетъ, что Рудковъ сидѣлъ у него въ лавкѣ и неизвѣсто куда разстратилъ все товары, такъ что при повѣркѣ лавки, въ присутствіи свидѣтелей, оказалось въ ней всего одини шеты и аршинъ, а какъ въ ней товаровъ было тысячь на тридцать, то Лизоблюдовъ и считаетъ домъ Рудкова своимъ. Онъ совѣтуется съ Праходкинымъ, какъ бы склонить на свою сторону градскаго главу Усова, и Праходкинъ совѣтуетъ сдѣлать ему хорошей подарокъ. Приходить Усовъ, ему объявляютъ это дѣло и дарятъ тысячу рублей, въ бисерномъ бумажникѣ. Во второмъ актѣ Лизоблюдовъ спрашиваетъ жену, припрятала ли она книги, въ которыхъ было записано, куда отпущены товары по приказанію хозяина? Жена отвѣчаетъ, что ужь такъ запрятала, что никто не отыщетъ. Начивается допросъ Рудкова, въ присут-

ствіи главы и свидѣтелей, повѣривших лавку, Буткина, Чуткина и Рожкова. На вопросъ, зачѣмъ Рудковъ растратилъ всѣ товары, онъ отвѣчаетъ, что онъ не разтратилъ ничего, и что онъ всему велъ вѣрный счетъ и если ему отдадутъ книги, то онъ немедленно докажетъ свою невинность. Лизоблюдовъ возражаетъ, что впакиихъ книгъ и не бывало.—Такъ тебѣ рѣшительно нечѣмъ оправдаться? спрашиваетъ Усовъ.—Нечѣмъ,—отвѣчаетъ Рудковъ.—Такъ вотъ твое оправданіе. Усовъ вынимаетъ бисерный бумажникъ.—Въ немъ подарена мнѣ, говоритъ онъ, тысяча рублей, она послужитъ обвиненіемъ твоихъ обвинителей. Въ это самое время входитъ кухарка, привоситъ счетныя книги, найденныя ею въ погребу и удивляется, какъ онѣ туда попали. Рудковъ оправданъ совершенно. Лизоблюдовъ и свидѣтели кругомъ виноваты. При этомъ удобномъ случаѣ градской глава, какъ слѣдуетъ всякому порядочному резерверу, съ полчаса толкуетъ о чести и тому подобныхъ вещахъ, чѣмъ и объясняется, изволите видѣть, нравственная цѣль пьесы. Въ заключеніе глава и Рудковъ прощаютъ виновныхъ съ тѣмъ, чтобы Лизоблюдовъ выдалъ дочь свою за Рудкова; на что разумѣется старикъ съ радостью соглашается; Праходкинъ прогоняется и водевилъ кончается. Онъ довольно забавенъ, только жаль, что слишкомъ растянутъ, и черезъ чуръ наполненъ фразами, отъ которыхъ бы можно было насъ избавить; пьеса въ этомъ быту легко впадаетъ въ тривіальность, отъ которой, да избавить насъ Аллахъ!

Въ водевилѣ г. Ровбе: *Синичкинъ и Губкинъ, или провинціальныя актеры*, мы съ сожалѣніемъ не узнали, ни Губкина, ни Синичкина; тотъ ли это удалый студентъ, хористъ, аферистъ и актеръ, прошедшій огонь и воду, Губкинъ? Тотъ ли это старый плутъ и прѣйдоха Синичкинъ?—Совсѣмъ не они. Тутъ въ первомъ не видно ни удалства, ни весело-

сти; а такъ ни то, ни се; послѣдній же превращенъ въ какого-то добряка, простака, котораго всѣ водятъ за носъ. Что вамъ сказать о сюжетѣ? Да развѣ есть сюжетъ? Миѣ что-то не поминтся. Постоите, постоите. Вотъ, кажется, какъ: Содержатель театра Чертиковъ хочетъ жениться на Лизѣ, дочери Льва Гурыча; Синичкинъ очень радъ отдать ее за него, съ тѣмъ, чтобъ слѣзаться самому антрепренеромъ. Лиза терпѣть не можетъ Чертикова, а любитъ офицера Долинскаго, хочетъ вытти за него за мужъ и оставить театръ; что совершенно противорѣчитъ ея первоначальному характеру. Губкинъ даетъ слово имъ помочь; а Долинскій уговариваетъ Чертикова уступитъ ему Лизу, кажется за 3,000 рублей, а въ противномъ случаѣ грозитъ мщеніемъ. Что дѣлать бѣдняку антрепренеру? что дѣлать, какъ не согласиться. Вотъ идетъ Синичкинъ, Долинскій прячется за вѣшалку съ костюмами и тамъ находитъ подслушивающую ихъ Лизу. Вотъ намъ и нечаянность, сценическій эффектъ! Чертиковъ отказывается отъ невесты. Губкинъ, переодѣтый дядю Долинскаго убѣждаетъ Синичкина, отдать Лизу за его племянника, который съ нею выходитъ изъ засады, а Левъ Гурычъ ихъ соединяетъ; откуда то берется настоящій дядя и подтверждаетъ ихъ соединеніе. Лиза дѣлается женою кавалериста. Да я позабылъ сказать, что въ продолженіе всей пьесы она твердитъ, что будетъ женою кавалериста, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ водевилѣ сего названія. Вотъ и конецъ пошлости, неудачно составленной, изъ чужихъ фразъ, острогъ, положеній и даже самихъ персонажей.

НОВОСТИ.

У насъ лѣтомъ обыкновенно никто ничего не читаетъ, никто не ѣздитъ къ театрѣ. Оно такъ и должно быть! Ска-

жите на милость, что за радость терзать душу свою видными ощущениями сентиментально-пошлой или комически-скудной повѣсти, когда благодатное, ароматическое, восхитительное лѣто дарить душѣ нашей столько свѣжихъ, сладостныхъ ощущений, которыя не портят ни глазъ, ни нравственности. Что за радость нѣсколько часовъ сряду сидѣть въ душевной атмосферѣ театральной замы, слушать давно уже затверженные острофы или чувствительныя тирады и задыхаться отъ жару, — тогда какъ природа такъ весело улыбается, когда въ ней разыгрывается грандіозная, дивная драма, тихая и торжественная, безъ крови, безъ ядоотравленія, драма съ превосходными куплетами соловьевъ и жаворонковъ, которые далеко оставляютъ за собою всевозможныхъ волевилистовъ земнаго шара. Пользуйтесь-же лѣтомъ, почтенный читатель: гуляйте, больше гуляйте, вздуйте верхомъ, пейте холодную воду и будьте счастливы! Ни книжная, ни журнальная, ни драматическая литература не будутъ на васъ въ претензіи, потому что они имѣли благоразумную предосторожность притихнуть на это время, и терпѣливо дожидаться дурной погоды, отъ которой по всемъ вѣроятностямъ можно будетъ ожидать «хорошаго расхода на чтеніе». Развѣ только толстая книжица, именуемая «Сто Русскихъ Литераторовъ», которая послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ упала на насъ всею тяжестью своихъ одиннадцати статей, десяти портретовъ и таковаго-же числа картинокъ, — развѣ только она почитаетъ себя вправе требовать отъ васъ немедленно вниманія; но и отъ нея вы можете отдѣлаться очень скоро, особенно если послушаетесь нашего благаго совѣта. Въ первый свободный день когда вамъ уже рѣшительно нечего будетъ дѣлать, или когда у васъ будетъ уже слишкомъ много дѣла (въ такомъ случаѣ человекъ обыкновенно долго не рѣшается за что приняться, и сидитъ даромъ), или когда вздумаетъ приприс-

нуть этотъ благодатный, мелкій дождичекъ, который такъ освѣжаетъ наши петербургскіе дни, — возьмите второй томъ «Ста», со вниманіемъ разсмотрите картинки и портреты, пожалуй прочтите заглавіе статей и... но погода разгуливается.. Скорѣй, скорѣй! гулять, пользоваться краткими часами лѣта.. Оно можетъ поблекнуть, можетъ измѣниться.. А статьи «Ста» останутся всегда неизмѣнны — читайте ихъ лѣтомъ, весной, зимой, осенью, или хоть совсѣмъ не читайте!

Гуляйте себѣ безопасно и весело, пусть и тѣнь печали не омрачитъ чела вашего, не бойтесь за будущее. Въ немъ вамъ готовится много новостей, которыхъ цѣль занять васъ въ сѣрые и чорствыя дни неизбѣжной осени, въ холодныя и бурныя дни зимы ненастной.

— Самой утѣшительной новостью должна почестся та, что П. Г. Ободовскій, котораго труды на драматическомъ поприщѣ, постоянно отличаются несомнѣнными достоинствами, — нынѣ опять скоро подаритъ нашу сцену новою пьесою, которая, вѣроятно, какъ все его произведенія, сдѣлается украшеніемъ нашего репертуара. Онъ принялся за переводъ драмы Раупаха: Школа Жизни, (Die Schule des Lebens). Имя ея автора и блистательный успѣхъ ея на всехъ лучшихъ театрахъ Германіи ручаются за ея достоинство, а извѣстное искусство П. Г. Ободовскаго — подаетъ несомнѣнную надежду, что произведеніе Раупаха будетъ передано на русскій языкъ достойнымъ образомъ. Драма эта отличается особенно постепенно возрастающею занимательностію и глубокимъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое оставляетъ она на душѣ зрителя, впечатлѣніемъ успокоительнымъ и въ высшей степени нравственнымъ.

— Перель Шекспиромъ благоговѣтъ вся Европа. Произведенія его всеми признаны образцовыми, и даются на всехъ сценахъ образованныхъ народовъ. Они въ многочисленныхъ переводахъ явля-

лись и являются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, только у насъ до сей поры не было отдано должной почести гению Шекспира. Въ то время какъ у насъ удостаивались нѣсколькихъ переводовъ самыя посредственныя, эфемерныя явленія иностранныхъ литературъ, мы, къ стыду своему, не имѣли еще въ переводѣ полнаго собранія сочиненій Шекспира. Наконецъ, слава Богу, мы можемъ надѣяться имѣть полнаго Шекспира на русскомъ языкѣ. Г. Кетчеръ, имя котораго, какъ переводчика съ хорошей стороны, извѣстно въ нашей литературѣ, предпринялъ въ Москвѣ полное изданіе произведеній англійскаго поэта. Мы видѣли уже появившіяся въ свѣтъ два выпуска, которыя заключаютъ въ себѣ двѣ драмы: «Король Іоаннъ» и «Ричардъ II». Вотъ программа изданія.

Полный переводъ въ прозѣ всѣхъ драматическихъ сочиненій Шекспира составитъ отъ 37 до 39 выпусковъ. Каждый два мѣсяца будетъ выходить отъ 2 до 3 выпусковъ. Каждый выпускъ будетъ содержать въ себѣ цѣлую пьесу въ 5 актахъ, съ примѣчаніями и поясненіями, что составитъ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ. Все изданіе заключится биографіею Шекспира, и объясненіемъ женскихъ характеровъ въ его драмахъ и комедіяхъ, составленнымъ миссъ Джемсовъ. Подписная цѣна по 2 рубля ассиг. за каждый выпускъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и по два рубля пятидесяти копѣекъ съ пересылкою во всѣ города Россіи. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ

деньги вносятся при выходѣ каждого выпуска, за одинъ слѣдующій впередъ; а иногородные за два, при чемъ одинъ посылается къ диньмъ немедленно по почтѣ, а слѣдующій по объявленіи о выходѣ его и вноситъ денегъ еще за два. Имена гг. подписавшихся будутъ напечатаны въ концѣ изданія.

— Н. И. Филимоновъ, переводчикъ «Мельнички въ Марли» и авторъ многихъ водевилей, окончиваетъ переводомъ водевилей въ двухъ актахъ подъ заглавіемъ: «Львица».

— Авторъ водевиля: «Шима въ мѣшкѣ не утаишь» написалъ новый водевиль въ одномъ актѣ, подъ заглавіемъ: «Петербургскій Актеръ».

— Редакторъ Паптеона также написалъ небольшую драму въ одномъ актѣ, которой названіе: «Архипъ Осиповъ, рядовой Тевгискаго пѣзотнаго полка.»

— Въ слѣдующей книжкѣ «Паптеона» будетъ напечатана прекрасная комедія П. С. Федорова: «17 и 50 лѣтъ», которая такъ нравится публикѣ, и въ которой много ума, чувства веселости, остроумія, и есть удачно обрисованные характеры. П. С. Федоровъ съ нѣкотораго времени извѣстенъ своею неутомимостію на драматическомъ поприщѣ, а потому мы излишнимъ считаемъ говорить, что онъ готовитъ много новостей для нашей сцены, что очень радуетъ насъ, а вѣроятно и читателей, которымъ г. Федоровъ доставилъ такъ много часовъ истиннаго наслажденія.

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой Линіи, № 17, поступили въ продажу:

РАЗСУЖДЕНІЕ о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 году; генераль-маіора П. Окунева, сочинителя разсужденій о повѣстной системѣ войны и исторіи Италійскаго похода въ 1800 году, и разсмотрѣніи свойства трехъ родовъ войскъ. Изданіе второе. СПб. 1841 года, цѣна 2 рубля серебромъ.

БЮГРАФИИ Россійскихъ Генерал-искусовъ и генераль-фельдмаршаловъ, составленныя Бартиль-Каменискимъ; съ 48 портретами, 4 части, 1841 года, цѣна 40 рублей.

НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ геометрія, одобренная Императорскою Академіею Наукъ, и съ Высочайшаго соизволенія напечатанная для руководства по психъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. СПб. 1841 года, цѣна 2 руб. 50 коп. серебромъ.

ЛЪСНАЯ математика, съ изложеніемъ правила межеванія, таксаціи и вычисленія цѣнности лѣсовъ, и съ присовокупленіемъ вспомогательныхъ таблицъ для лѣсныхъ таксаторовъ, сочиненіе Г. Кеннга. СПб. 1841 года; цѣна 3 руб. серб.

О ПЕРЕВОРОТАХЪ или взмепеніяхъ на поверхности земнаго шара, въ естественномъ и историческомъ отношеніи, сочиненіе барона Кюпье, переводъ съ польскаго, дополненнаго изданія Т. Дымчевича. Одесса. 1841 года, цѣна 2 руб. серб.

СУДЬ ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТѢ, романъ изъ исторіи Эстляндіи XVI столѣтія; сочиненіе барона Корфа. 2 части. СПб. 1841 года; цѣна 2 руб. серб.

НОВЫЯ повѣсти П. Ф. Павлова. Содержаніе: Маскарадъ, Демонъ, Милліонъ СПб. 1839, цѣна 10 руб. асснр.

ЗАПИСКИ Русскихъ людей, событіе времени Петра Великаго, сочиненіе Сахарова. СПб. 1841 года, цѣна 3 руб. серб.

ИСТОРИЯ лѣснаго законодательства Россійской Имперіи, съ присоединеніемъ очерка исторіи корабельныхъ лѣсовъ Россіи. Сочиненіе барона В. Врангеля, издана по Высочайшему повелѣнію СПб. 1841 года; цѣна 1 руб. серб.

ОСНОВАНІЕ уголовного судопроизводства, съ приложеніемъ къ Россійскому уголовному судопроизводству. Сочиненіе М. Баршева. СПб. 1841 года; цѣна 2 руб. серебромъ.

СЕМЕЙСТВО Нильмевельскихъ, Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе Михаила Чернявскаго; 1841 года, цѣна 5 руб.

ЛЕЧЕНІЕ ВОДОЮ по методу Пришница въ Гретенбергѣ, съ подробнымъ описаніемъ самаго Гретенберга, правилъ и наблюденій, чудесныхъ излеченій, производимыхъ Пришницомъ, и всего, что относится къ леченію водою особливо по методу Пришница. Сочиненіе доктора Бижеля. 1841 года, цѣна 1 руб. 50 коп. серб.

СЕНСАЦИИ и замѣчавія госпожи Курдюковой за границею Данъ и Эццимже, со многими картинками. СПб. 1841 года; цѣна 3 руб. сер.

ОПИСАНІЕ Фляндской войны въ 1808 и 1809 на морѣ и на сухомъ пути, сочиненіе генераль-лейтенанта Михайлопскинъ-Данилевскій, по Высочайшему повелѣнію, съ двадцатью планами и картами. СПб. 1841 года; цѣна 5 руб. сер.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1841 годъ, и публикуемымъ прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полкова.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

- I. ДЕНЬГИ.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Эдуарда Литтона *Болъера*, переводъ А. С. Горкавенко.
- II. О ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ШИЛЛЕРА.**
- III. СЛУЖБА И ДРУЖБА,** повѣсть Р. М. Зотлова.
- IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУМЕТЫ:**
 1. ВЕЧЕРНІЙ ГИМНЪ. Изъ Ламартина, А. Валуева.
 2. СТАРЫЙ АЛЬБОМЪ. П. Ободовская.
 3. МНѢ ЖАЛЬ ЕЯ! Н. Грекова.
 4. ДОМОВОЙ, изъ Беранже. В.
 5. ПЕРЕПУТЬЕ. В.
 6. ПИРЪ. Фурмана.
 7. AUS DEN AUGEN—AUS DEM SINN! О. Кони.
- V. КАМЕЙДОСКОПЪ:**
 1. Авторъ безъ ума.
 2. Два музыканта.
 3. Счастливѣйшій изъ смертныхъ.
 4. Прилежный ученикъ.
 5. Маленькая шляпа.
- VI. ПРИЛОЖЕНІЯ:**
 - I. НОТЫ:** 1. Французская кадрили соч. Рамазанова. 2. Романсъ, слова барона Дльвига, музыка Купфершмилта.
 - II. ДЕКОРАЦІЯ** изъ втораго дѣйствія балета: Озеро Волшебницъ, писана г. Федоровымъ, привизрована г. Шомо.
 - III. N 4-й ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ,** котораго содержаніе слѣдующее:
 1. ДЯДОШКИНА ТАЙНА, Волсвилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Д. Ленскимъ.
 2. ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА. С. Петербургъ. Май, июнь.
 3. НОВОСТИ.